

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Цифровая социализация
и цифровая компетентность молодежи
в условиях глобальных системных изменений*

Серия основана в 2023 году

Книга 6

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
АГЕНТЫ, ФАКТОРЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ**

**КАЗАНЬ
2025**

**УДК 316.4
ББК 60.54
М 75**

Серия основана в 2023 году

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 10 от 18 сентября 2025 г.)*

Монография подготовлена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Авторский коллектив:

**Бакулина Р.А., Глебова И.С., Дудочников А.И., Ефлова М.Ю., Закиров А.М.,
Ибрагимова З.З., Колодъко Н.С., Кондратьев К.В., Кугубаева А.В., Липатова А.В.,
Максимова О.А., Мельникова В.С., Минзарипов Р.Г. Нагматуллина Л.К.,
Напреенко Г.В., Николаева Е.М., Порошенко О.Ю., Сайкина Г.К., Сафонов А.С.,
Серебряков Ф.Ф., Солдатова Н.О., Терещенко Н.А., Хазиев А.Х., Хусиен Ш.Р.М.,
Шаммазова Е.Ю., Шатунова Т.М., Щелкунов М.Д., Яковлева Е.Л.**

Рецензенты:

заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента
Казанского национально-исследовательского технического университета
имени А.Н. Туполева – КАИ, доктор политических наук, профессор **В.А. Беляев**;
председатель Татарстанского отделения Российского общества социологов,
доктор социологических наук, профессор кафедры регионоведения
и евразийских исследований КФУ **А.Н. Ершов**

М75 Социализация молодежи в цифровую эпоху: агенты, факторы, противоречия /
М.Ю. Ефлова, М.Д. Щелкунов, Е.М. Николаева и др. – Казань: Издательство Казанского
университета, 2025. – Кн. 6. – 302 с. (Цифровая социализация и цифровая компе-
тентность молодежи в условиях глобальных системных изменений).

ISBN 978-5-00130-922-2

Коллективная монография развивает идеи исследований, выполненных в рамках проекта «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений», направленных на комплексный анализ трансформации процесса социализации в условиях доминирования цифровых коммуникаций. В центре внимания авторов находится проблема изменения роли и влияния традиционных и новых агентов социализации, а также выявление ключевых противоречий, порождаемых их взаимодействием. Исследовательская задача решается на стыке социологического, философского и педагогического подходов с применением количественных и качественных методов. Особый акцент в работе делается на поиске баланса между цифровыми возможностями и рисками для формирования идентичности молодого поколения.

Результаты и выводы, изложенные в монографии, представляют ценность для ученых-обществоведов, практиков в сфере образования и молодежной политики, а также для создателей цифрового контента, ориентированного на конструктивную социализацию подростков и молодежи.

**УДК 316.4
ББК 60.54**

ISBN 978-5-00130-922-2

© Издательство Казанского университета, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Человек и общество в эпоху цифровой реальности:	
теоретико-методологические основания исследования	8
1.1. <i>Целкунов М.Д.</i> Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего	8
1.2. <i>Серебряков Ф.Ф., Ибрагимова З.З., Хазиев А.Х.</i> Когда общественные отношения приобретают характер подлинной социальности?	18
1.3. <i>Порошенко О.Ю.</i> Социальные практики сохранения 的独特性 личности в ситуации типизированных форм социальности	28
1.4. <i>Солдатова Н.О., Хусиен Ш.Р.М.</i> Цифровое поведение как образ жизни в современном мире и мире будущего	50
1.5. <i>Николаева Е.М., Колодько Н.С.</i> Искусственный интеллект как сложная адаптивная система: компромисс инноваций и контроля	69
Глава 2. Трансформации процесса социализации:	
сочетание традиционных и цифровых форм	82
2.1. <i>Кондратьев К.В., Сайкина Г.К., Шаммазова Е.Ю.</i> Трансформация процессов социализации молодежи в образовательном пространстве цифрового общества	82
2.2. <i>Сафонов А. С.</i> Генеративный ИИ и эпистемические добродетели в высшем образовании	100
2.3. <i>Яковлева Е.Л.</i> Проблематизация существование электронного кочевника как техноромантика и технонедоросля	114
2.4. <i>Кугубаева А.В., Дудочников А.И.</i> Исследование социокультурных практик распространения культа молодости	128

<i>2.5. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М.</i> Нейросеть как пространство созидаания современного субъекта художественного творчества	154	
Глава 3. Цифровая социализация: ключевые агенты и факторы (эмпирическое исследование)		175
3.1. <i>Липатова А.В., Минзарипов Р.Г.</i> Традиционные и цифровые агенты социализации молодежи в условиях медиатизации и цифровых рисков	175	
3.2. <i>Ефлова М.Ю., Глебова И.С., Закиров А.М.</i> Цифровая социализация российской молодежи: агенты, практики гражданской идентичность	201	
3.3. <i>Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.</i> Жизненные стратегии цифрового поколения молодежи в системе традиционных российских ценностей	220	
3.4. <i>Напреенко Г.В., Мельникова В.С.</i> Речевые стратегии самоидентификации молодежи в социальной сети ВКонтакте	239	
3.5. <i>Бакулина Р.А.</i> Архитектура девиации: как цифровые платформы переопределяют социальный контроль	260	
Литература	272	
Сведения об авторах	296	

ВВЕДЕНИЕ

Задача выявления метафизических оснований и эмпирических характеристик цифровой реальности как пространства социализации в современных условиях становится все более актуальной, что и определяет значимость настоящего исследования. Цифровая реальность представляет собой умозрительную конструкцию, идеальное пространство, надстроенное над действительным, но ставшее неотъемлемым фактом «подлинной» экзистенции человека. Это пространство социализации, продуцируемое человеком в силу наличия в актуальном мире изъянов, препятствующих прохождению традиционного процесса социализации. Пребывание в цифровых мирах, а также само перемещение между актуальным и цифровым пространствами, способно дать человеку возможность обретения собственной экзистенциальной полноты. Личность как продукт этих сложных социализирующих путешествий зачастую балансирует между жизненными позициями, воплощенными в активных социальных преобразованиях (вопреки обстоятельствам или с оглядкой на наличную действительность), и пренебрежением актуальной реальностью в пользу цифровой.

Для того чтобы оставаться самим собой, человек должен активно творить социальное пространство, и только в этом случае он сможет пройти полноценный процесс социализации¹. Однако если человек по каким-либо причинам не способен приобрести навыки, необходимые для жизни в обществе, то есть пройти полноценную социализацию в реальном мире, он начинает достраивать свой наличный мир виртуальными цифровыми аналогами. Таким образом, виртуальная социальная реальность становится необходимым пространством жизни, где человек компенсирует недостающую социализацию, «добирая» себя до полноты. Цифровая реальность часто перенимает на себя большую

¹ Подробнее об этом см.: Сайкина Г.К. Человек – бытийное или социальное существо? // Ученые записки Казанского университета, т. 155, кн. 1. Казань: Казан. ун-т – 2013., с. 147-156.

часть социализирующих функций в ситуациях, когда традиционная социализация невозможна, вынуждая человека все чаще обращаться к виртуальному пространству.

Настоящая монография продолжает серию исследований в рамках проекта «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений», развивая и расширяя проблемное поле, сформированное в предыдущих работах. Если в первых монографиях цикла рассматривались вопросы цифровой социализации, цифрового неравенства и трансформации высшего образования, то данное издание фокусируется на следующих ключевых проблемах:

Специфика общественных отношений и социальных практик в условиях цифровой реальности, а также их антропологические измерения.

Сочетание традиционных и цифровых форм социализации.

Ключевые агенты, факторы и противоречия цифровой социализации.

Особенностью исследования является междисциплинарный подход, объединяющий философскую рефлексию (анализ общественных отношений и их антропологических измерений в цифровую эпоху) и социологическую диагностику (эмпирические исследования агентов и факторов цифровой социализации).

Структура монографии соответствует обозначенным исследовательским проблемам:

- в первой главе представлены теоретико-методологические основания исследования человека и общества в условиях цифровой реальности;
- во второй главе рассматриваются трансформации процессов социализации, вызванные конвергенцией традиционных и цифровых форм;
- в третьей главе представлены результаты эмпирических исследований ключевых агентов и факторов цифровой социализации, рассмотренных в их многообразии и противоречивости.

Результаты, представленные в монографии, имеют значительную практическую ценность для широкого круга специалистов – от разработчиков образовательных программ до регуляторов цифровой среды. Особое внимание удалено рекомендациям по формированию целостной системы цифровой социализации.

Николаева Е.М.

ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Д. Щелкунов

1.1. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего

Беспрецедентный вызов человечеству

2020 год прошёл под знаком глобального вызова – пандемии COVID-19. Биологическая субстанция совокупной массой порядка одного грамма по историческим меркам практически мгновенно поставила человечество перед лицом экстремальных условий существования, заставив его содрогнуться от масштабов происходящего и кардинально изменить образ жизни и сознание большинства населения.

Пандемия стала центральным фокусом рефлексии общественного сознания, представленной в самых разных дискурсах – от обыденного до специализированных, включая научный. По понятным причинам лидируют медико-биологические исследования (эпидемиологические, вирусологические, фармакологические и т.п.). Впрочем, наблюдается и обилие аналитики обществоведческого, особенно социально-политического, а также гуманитарного профиля.

Предметом настоящей статьи являются социальные аспекты пандемии COVID-19. В первую очередь – общественные метаморфозы, вызванные необходимостью выживания и деятельности людей в агрессивной среде, несущей угрозу здоровью и жизни, в условиях длительной социальной обособленности (самоизоляции) и социального рассредоточения. Последнее обозначается как феномен социальной депривации и подразумевает ограничение или полное исключение контактов

индивидуа или группы с социумом. Уточним, что речь идёт о предметно-чувственном общении между людьми в реальном, физическом мире, в отличие от виртуальной онлайн-коммуникации. При этом формы социальной депривации могут варьироваться по масштабу охвата, степени жёсткости и продолжительности.

Казалось бы, экстремальные обстоятельства подобного типа встречались в истории человечества и ранее. Только в XX–XXI веках Всемирная организация здравоохранения объявляла пандемии пять раз: «испанский грипп» (1918–1920), «азиатский грипп» (1957–1958), «гонконгский грипп» (1968), пандемия свиного гриппа (2009) и атипичная пневмония (SARS) (2002–2003). Состояния социальной депривации также давно известны человечеству, в том числе по художественным произведениям, таким как «Робинзон Крузо» Д. Дефо или «Маугли» Р. Киплинга. Научный анализ подобных состояний достаточно полно представлен в специальной литературе.

Однако пандемия COVID-19 оказалась беспрецедентной по своим масштабам и степени воздействия на общество и человека. Она уникальным образом соединила в себе два враждебных человеческой природе компонента:

а) опасность массового заражения малоизученным, потенциально смертельным заболеванием, перед которым система здравоохранения оказалась бессильна в краткосрочной перспективе;

б) режим вынужденной глобальной социальной депривации, затронувший не только отдельных индивидов или группы, но и население целых городов, регионов, государств и практически всей планеты.

Под угрозой – общество массового потребления

Пандемия болезненно – в прямом и переносном смысле слова – затронула все сферы общественной жизни. Но в первую очередь она нанесла чувствительный удар по человеку массы (*crowd man*) – перемещающемуся в пространстве и времени в поисках товаров, гедонистических удовольствий и мимолетных впечатлений субъекту. В расстиражированном облике молодого (или молодящегося) человека в

полуспортивной форме, кроссовках, с рюкзачком за спиной и мобильным телефоном в руках, готового постоянно путешествовать в погоне за развлечениями, он стал главным символом общества потребления.

Коронавирусная атака стала грозным предупреждением этому массовому потребителю, зацикленному на шопоголизме и вуайеризме. Говоря философским языком, она указала на тщетность избранного *homo consumens* варианта заботы о себе, когда «акценты смещаются с внутреннего на внешнее, являя жизнь личности как бытие-здесь-для-другого», а «задаваемые гламурными персонами образ(ц)ы жизни становятся объектами восхищения и дальнейшего копирования массовым сознанием»¹.

Данное обстоятельство отчетливо обнаружило себя на примере отрасли услуг, в частности сектора развлечений и досуга, где массовое непосредственное присутствие потребителей является неотъемлемым условием экономического успеха предприятия. Это – сфера туризма вместе со всей инфраструктурой: транспортом, гостиничным хозяйством, индустрией гостеприимства и общественного питания; спортивные представления; шоу-бизнес; система зрелищных учреждений; сеть торгово-развлекательных комплексов; ресторанное хозяйство; косметологические учреждения; парки развлечений, ночные клубы и т.п. Наряду с сектором развлечений в незавидном положении оказались предприятия мелкого и среднего бизнеса – для успешной деятельности многих из них отсутствие потребителя «в живую» явилось невосполнимой потерей, повлиявшей на экономическую устойчивость.

Пострадали потребители-заемщики кредитов, составляющие одну из многочисленных категорий общества потребления. Жизнь «взаймы у будущего» оказалась совсем не такой привлекательной, как представлялось. Непредсказуемость вирусной атаки показала, что ставка на запланированное погашение заемных средств грозит неожиданно обернуться пожизненной кабалой для заемщика.

¹ Яковлева Е.Л. Диагностируя гламурную личность // SocioTime (Социальное время). 2019. № 3 (19). С.75.

На этом фоне «неразвлекательные» гражданские сферы, занимающиеся «серьезными» вещами, пострадали относительно меньше. Причина в том, что они оказались связанными с деятельностью, которая либо не требует массового физического сосредоточения субъектов (наука, государственное управление, сельское хозяйство, крупные автоматизированные промышленные предприятия), либо более или менее успешно замещается дистанционными средствами коммуникации участников (образование, кредитные организации, интернет-торговля). Негражданские сферы (армия, полиция, другие силовые структуры) спасались жесткой дисциплиной и тщательным санитарным контролем. Что касается системы здравоохранения, оказавшейся на передовой линии сопротивления вирусу, то она противопоставила ему специальные средства защиты.

Помимо экономического урона, пандемия спровоцировала массовый психологический шок. Она развеяла повседневную празднично-фестивальную атмосферу потребительского общества. Приподнято-оптимистическое настроение людей сменилось всеобщим страхом, тревогой и пессимизмом.

Как бы то ни было, в качестве ключевого средства спасения общественного организма от социально-экономического коллапса был избран удаленный формат деятельности на основе ее форсированной цифровизации, то есть перевода в онлайн-режим. В этом отношении ситуацию с COVID-19 можно назвать первой глобальной репетицией возможного цифрового будущего человечества.

Результаты применения удаленного формата оказались неоднозначными. В сфере «серьезных» вещей с помощью цифровых способов коммуникаций урон, связанный с последствиями пандемии, удалось частично минимизировать. В то же время в сфере досуга и массовых развлечений цифровизация оказалась откровенно малоэффективной. Если онлайн-путешествия по туристическим или музеям достопримечательностям еще каким-то образом воспроизводят их дух, то видеорепортажи спортивных состязаний без болельщиков на трибунах

стадиона, онлайн-трансляции шоу-представлений из пустых залов и другие импровизации на тему «смотрим на удаленке» иначе как нелепостями назвать трудно.

Система образования в удаленном доступе: цифровой формат

Для выявлений достоинств и недостатков цифровизации уместно обратиться к сфере высшего образования. Сочетая в себе «серьезность» предмета с массовостью участников его освоения, высшая школа гораздо раньше многих сфер общественной деятельности начала применять на себя возможности виртуального функционирования, используя онлайн-инструменты.

Пандемия невиданно ускорила этот процесс, не оставив образованию никаких альтернатив, кроме цифровой. В мобилизационном режиме вузам пришлось форсировать дигитализацию своей деятельности. В считанные недели были запущены цифровые технологии, которые годами не могли пробить себе дорогу в высшей школе. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Преимущества и достоинства цифрового образования связаны с когнитивным компонентом, то есть с обучением, и достаточно известны¹. Отныне обязательное наличие цифровой среды в сфере образования становится необходимостью, а ее дальнейшее развитие артикулировано в качестве одной из приоритетных целей государства².

Что касается недостатков цифрового обучения, то к основным следует отнести:

– невозможность передачи студенту личностного, невербализуемого и неотчуждаемого в виртуальные формы знания преподавателя (*tacit knowledge*), которая осуществляется исключительно непосредственно (*face-to-face*) предметно-чувственным способом, а также

¹ Игнатова Н.Ю. Образование в цифровую эпоху. Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. 128 с.

² Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». – URL: <https://yandex.ru/turbo/s/fzakon.ru/dokumenty-ministerstv-i-vedomstv/pasport-prioritetnogo-proekta-sovremennaya-tsifrovaya-obrazovatelnaya-sreda-v-rossiyskoy-federatsii/>

исчезновение эффекта иммерсивности (погружения, вживания, эмпатии) при онлайн-взаимодействии преподавателя и обучающихся. Это объективно снижает качество обучения;

– трансформацию под влиянием ИТ-инструментов естественного способа мышления людей, подчинение его правилам работы компьютерного устройства. Итогом такого рода трансформации, по мнению А.В. Курпатова, становится потеря творческих способностей мышления и нарастающая «информационная псевдодебильность», или «цифровое слабоумие» людей¹;

– эскалацию феномена постправды (*post-truth*) по мере использования медиаконтента в обучении. «Постправда конституирует такую ситуацию, в которой объективность фактов оказывается менее значимой, чем обращение к эмоциям и личным переживаниям потребителя, материал подается быстро с учетом отсутствия рефлексивного восприятия. На первый план выходит эффективность информации, а не ее достоверность»². В результате будет ослабляться значение общепризнанных критериев верификации объективного знания станут размываться проверенные временем стандарты демаркации между научным и ненаучными типами познания, что обернется в итоге снижением научной ценности обучения. Свежие примеры постправды – широко растиражированные экспертные заключения отдельных представителей научно-медицинского сообщества относительно различных сторон пандемии COVID-19, не получившие в итоге своего подтверждения.

Перспективы цифровизации образования выглядят весьма радужно. Пандемия рано или поздно завершится, а онлайн-обучение не только сохранится, но будет развиваться. Тому есть несколько причин. Во-первых, оно является своеобразной страховкой для субъектов образовательной деятельности от экстремальных ситуаций социальной

¹ Курпатов А.В. Чертоги разума. Красногорск: Изд-во Капитал, 2018. 408 с.

² Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 159.

депривации любого типа. Во-вторых, цифровое обучение невиданно расширяет границы образования, позволяя использовать в обучении многообразные медиаисточники знаний. В-третьих, оно комфортно для участников образовательного процесса в самых разных аспектах¹.

Но, пожалуй, главным образом цифровое обучение станет активно развиваться по экономическим причинам, поскольку представляет несомненный интерес для ряда значимых общественных субъектов: работодателей, ибо влечет удешевление подготовки и переподготовки работников; бизнес-компаний, занимающихся производством, организацией и продвижением онлайн-образования на рынке услуг; наконец, государства, поскольку существенно снижает затраты на содержание государственной высшей школы.

Между тем выгоды цифровизации для одних могут обернуться потерями для других. Так, дигитализация обучения невозможна без использования цифровых компетенций, требующих от участников образовательной деятельности некоего минимума специальных (технических, математических) знаний. В этом отношении представители гуманитарных отраслей находятся в заведомо невыигрышном положении по сравнению с «естественниками» и «технарями». Данное обстоятельство скорее всего приведет к дальнейшему сужению гуманитарного (в традиционном понимании) сектора образования. При этом не исключается его трансформация в некое подразделение «цифровой гуманитаристики».

Цифровизация образования чувствительно скажется на положении профессорско-преподавательского состава. Задолго до пандемии стал очевидным углубляющийся ментальный и культурный разрыв между обучающими и обучаемыми как следствие изменения образовательной парадигмы с конфигуративной на префигуративную. При этом, как ни парадоксально, преподаватели – представители доцифровых

¹ Николаева Е.М., Щелкунов М.Д. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т.157, кн.1. С. 109-112.

поколений (цифровые «иммигранты») – продолжают заниматься обучением молодых людей (цифровых «аборигенов»), адаптированных к дигитальной среде в разы лучше своих наставников. В недалеком будущем, вероятно, ускорится процесс замещения «иммигрантов» на преподавательских позициях в высшей школе повзрослевшими и получившими профессиональную квалификацию «аборигенами».

Вытеснит ли цифровой формат аналоговое (очное, живое) обучение? В ближайшее время вряд ли, более вероятно внедрение модели аддитивного типа: онлайн+оффлайн. Показательно на этот счет высказывание известного педагога, отметившего в связи с вынужденным переходом к удаленному формату в образовании: «Ярые сторонники онлайн-обучения еще недавно были готовы насмерть сражаться с архаичными поборниками офлайна. Последние, убедившись в силу сложившихся обстоятельств... в эффективности такого подхода, стали активно осваивать онлайн. В свою очередь, adeptы дистанционного обучения, продолжая долгое время пребывать в невольном заточении в своих квартирах, истосковались по живому общению»¹.

Далее. Образование – не только обучение, но и воспитание, в основе которого лежит постижение общественных, культурных, духовных ценностей. Освоение их, то есть превращение в личностное достояние индивида, возможно только в живой предметно-чувственной поведенческой форме. Константы гражданской, этнической, религиозной идентичности, нормы языкового общения, смысложизненные идеалы, паттерны поведения – эти и другие ценностные измерения личности формируются в совместном живом общении учащихся с вузовскими наставниками, между собой, и менее всего – посредством когнитивной коммуникации в виртуальном пространстве. Формула античного мудреца о взаимном тождестве знания и добродетели, увы, не подтверждается опытом человеческого существования.

¹ Ямбург Е. В ожидании эры милосердия: пандемия дает шанс человечеству поумнеть. – URL: https://echo.msk.ru/blog/e_yamburg/2652319-echo/

Пандемия невиданно ограничила форматы живого общения. Тем не менее, надежда на реанимацию воспитательной функции вуза остается. Но будет ли она востребована в прежних форматах? Цифровые «аборигены» все больше склоняются к виртуальной маркировке своих личностных и социальных идентификаторов. А с учетом ставки на цифровую панацею возможность репродуцирования этих маркеров в чувственно-предметной форме представляется все более проблематичной. На место предметно-чувственной социализации приходит цифровая. Насколько она будет эффективна с точки зрения воспитания – открытый вопрос.

«Вирусный шок» или цифровое потрясение?

Каковы бы ни были источники появления COVID-19 – естественными или умышленно созданными человеком – они являются показателями серьезного неблагополучия современной цивилизации. В первом случае – кризисного, если не предкатастрофического состояния природных основ человеческого бытия. Во втором – попыток влиятельных общественных субъектов установления своего социально-политического господства с помощью биологического оружия.

«Репетиция» дигитального будущего подтвердила опасения, связанные с социальными и личностными сторонами человеческого бытия в цифровом обществе: эскалацию социального отчуждения, влекущую десоциализацию индивида; цифровое манипулирование сознанием людей; потерю приватности индивидуального бытия; создание глобальной системы тотального электронного контроля над человечеством¹.

Неслучайно в этой связи, что общественное сознание весьма неоднозначно восприняло систему цифровой регуляции свободы передвижения граждан во время режима самоизоляции. Критическое отношение у многих вызвал Федеральный закон «О едином федеральном

¹Щелкунов М.Д., Каримов А.Р. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 158-164.

информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», принятый весной 2020 г. Согласно этому документу, на каждого гражданина соберут более 30 видов персональных данных, которые будут постоянно обновляться и храниться без возможности уничтожения в упомянутом регистре. При этом порядок предоставления сведений, содержащихся в регистре, а также их перечень, становится прерогативой правительства – исполнительного, а не законодательного органа власти¹. Некоторые исследователи связывают принятие этого документа с посягательством на незыблемость конституционных прав и свобод человека².

Общественная реакция на «цифровую репетицию» весьма показательна. Многие люди ощутили удобство и эффективность цифровой коммуникации, от которого вряд ли откажутся в будущем. В то же время очевидным стал внутренний протест подавляющей части общества против цифрового бытия в качестве основного способа жизнедеятельности. «Вирусный шок» обернулся цифровым потрясением. Большинство на личном опыте прочувствовало разницу между существованием в условиях родного, живого, привычного мира, с одной стороны, и неродной, временной, вынужденной виртуальной реальности – с другой.

Далеко не все согласились променять первое на второе, выразив нежелание или, по крайней мере, неготовность столь стремительно погрузиться в цифровое бытие. Люди предпочли оставаться в естественно сложившейся природно-исторической форме своего существования, невзирая на все прелести цифровой реальности. Человека и человечность удалось отстоять. Это можно было бы считать знаком надежды. Но... цифровая репетиция продолжается.

¹ Законопроект № 759897-7 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7>

² Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный мир, 2019. 320 с.

1.2. Когда общественные отношения приобретают характер подлинной социальности?

Понятие «социальное» имеет много интерпретаций. Однако все формы социального, правда, по-разному привязаны к чему-то одному, которое во всех них проявляется в различных отношениях и в неодинаковой степени. Но не всякое «общественное», т.е. относящееся к обществу, может в полной мере выражать это общество по его определению, то есть может не быть в полной мере социальным или подлинно социальным. Следовательно, в этом случае мы отличаем общественное, как относящееся к социуму вообще, от социального, предполагающего должное, выражающеее полноту его определения. Социальное выступает как модус, т.е. такое отношение, которое не всегда принадлежит «предмету» (общественным отношениям), может и не принадлежать. Таким образом, встаёт вопрос о мере социального, и далее, в ходе анализа, делается вывод, что мерой социального является человеческое. Рассматриваются разные значения и следствия этого обстоятельства.

Разные значения (денотаты) социального имеют не только особые смыслы, но даже смыслы «внутри» смысла. В самом распространённом случае «социальное» означает тоже самое, что и «общественное», то есть относящееся к обществу в смысле его противоположности «природному» (общественные или социальные отношения; человек как общественное существо – вспомним определение Аристотеля: человек есть *πολιτικὸν ζῷον*) [Aristotle. *Politica* I.1.1253a1-5]. «Социальное» также используется для обозначения отдельных областей внутри этого социального организма – общества – *социальная сфера*, под которой подразумеваются формы и способы человеческой жизнедеятельности, отличные от материальной, производственной, экономической сферы (сфера образования, здравоохранения, досуга, гражданской

практики и т.д.). «Социальное» может применяться и в смысле, близком к содержанию понятия «социализация», то есть как некое вхождение индивида в установившееся общество с его отношениями, традициями, правилами, привитие человеку ценностей и норм человеческого общежития, способствующих либо окультурированию человека в соответствии с данным историческим уровнем социальности, либо приобщению его к данной, конкретной социальной общности (группе, клану, профессии и т.д.), то есть к характерным для данной общности или формам деятельности отношениям и ценностям. Подобно тому, как индивид является носителем общественного сознания, т.е. общественной морали, психологии, правосознания и т.д., хотя они имеют общественное происхождение, он является и *носителем социальности*, «правды» и «стыда» из мифа Протагора из платоновского диалога «Протагор». И в этом смысле действительно является *πολιτικὸν* не только по происхождению, но и по своей природе, по проявлениям своей субъективности. Также, когда мы противопоставляем «внутреннее» в человеке как духовное или психическое (хотя оно есть, безусловно, производное от социального в смысле общественного развития, эволюции) «внешнему», то есть не только природным условиям, но и историческим, политическим, экономическим условиям человеческого существования, обозначаем последние, то есть это *внешнее как «социальное»*. Под «социальным» могут иметься ввиду и межиндивидуальные отношения или отношения между группами людей (разной общности), обусловленные их общественным, *социальному статусом*. Но и в таком, например, выражении, как «*социальная обусловленность культуры* (философии, искусства, науки, религии и пр.)» мы подразумеваем другой смысл понятия социальное, хотя все перечисленные выше формы являются формами именно человеческой, то есть общественной, социальной формы бытия и являются продуктом социального развития. Наконец, «социальное» может как нечто *не подлинно человеческое*, как оковы человека, его тиран противопоставляться естественному, природному как подлинно человеческому, в случае,

например, когда свободу понимают как родовое человеческое качество, но безосновное или, как у древнегреческих софистов, при антиномии «существующего по природе» и «существующего по (общественным) установлениям». Однако все эти виды социального по разному, правда, привязаны к чему-то одному, которое во всех них подразумевается, проявляется в различных отношениях и в неодинаковой степени и неразвитость которого как раз обуславливает названные противопоставления¹.

Социальное может быть субъектом, предикатом или тем и другим. В дефиниенсе определения любого социального предмета (вещи) присутствуют отношения – они в нём как бы «скручены», находятся в связанном виде, например: капитал есть самовозрастающая стоимость. Причём имеется в виду не только та гегелевская мысль, что «Все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования»². Здесь (у Гегеля) подчёркивается, насколько мы понимаем, всеобщая взаимосвязь вещей, что всякая вещь находится «на протяжении всей своей жизни» в каждый данный момент в разных отношениях с другими вещами, и только через эти отношения, сквозь призму этих отношений, в совокупности этих отношений она обнаруживает себя как себя, свою природу, что́ она есть или «истину своего

¹ Подробно о социальном см.: Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. 252 с. О понимании социального в западной социологической и философской литературе см., например: Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2011. 840 с.; Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.; Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. 688 с.; Стивенсон Л. Десять теорий о природе человека. М.: Слово / Slovo, 2004. 240 с.; Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб.: Ольга, 1996. 286 с.; Фурс В. Социальная философия в непопулярном изложении. Минск.: Пропилеи, 2005. 184 с.; Фрэнк Уэбстер. Теории информационного общества / Перевод с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

² Hegel V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences in Basic Outline. Part one: Science of Logic. New York, Cambridge University Press, 2010, P.303, (§135).

существования». Вещи нельзя сказать «замри», чтобы понять, что она есть – напротив, в таком положении она всегда будет «вещью в себе», но никогда – «вещью для нас» (в лучшем случае – кажимостью): рука, оторванная от своего целого, от отношений и движений в нём, от тела (организма), есть всё что угодно, но только не рука.

Однако, когда мы говорим «в дефиниенсе всегда присутствует отношение», мы имеем в виду не только это. Всякая социальная вещь не просто «находится в отношении», но представляет собой объектива-цию отношений, которая и позволяет называть те или иные вещи (например, человека, предмет) или взаимодействующие вещи (например, человека и человека, человека и предмет) социальными, их отно-шения социальными (даже если это природная вещь, но включённая в человеческую деятельность (отношения) - вещь общественная, ска-жем, выращивание деревьев, изменение климата, обмеление рек; в этом случае социальное как раз понимается в широком смысле как тождественное общественному). А саму плоскость бытия, в которой оказываются помещёнными так взаимодействующие вещи и само это взаимоотношение, называть словом социальное. Это так, потому что социальное, прежде всего, есть определённое отношение, «чистая энергия», если так можно выразиться. Вот как «отношение» определя-ется в немецком «Философском словаре», основанном Г. Шмидтом: «Материальное или смысловое единство, взаимозависимость, взаимо-определяемость...существований, имеющими субъективную или объ-ективную, абстрактную или конкретную форму»¹. А социальная вещь есть, таким образом, отношения, обрамлённые в некое оформление, предметность, удерживающие перегородкой вещества, придающей этим отношениям предметность, качественную определенность этой вещи, её «этость». Но какие отношения? О каких существованиях идёт речь? Что скрепляет в единство эти отношения и придаёт этому един-ству определённость именно как социальному?

¹ Философский словарь: Основан Ш. Шмидтом. 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа / Пер. с нем. М.: Республика, 2003. С. 325.

Здесь мы должны напомнить сказанное выше, что различают социальное в разных смыслах. Социальное как тождественное общественному, то есть относящееся к обществу вообще (миру общественного человека) в смысле его противоположности «природному», прежде всего. Механизмы и факторы, определяющие *всякий раз* специфику общественного, в конечном счёте, опосредствуют иные смыслы социального, предполагающие различия между(социальными) «вещами», а не только общность. Но в любом случае всё это является производным от того, что называют обществом, социумом и специфика этого предмета (общества, социума) как качественной определённости и определяет то коренное, что есть в социальном, различные формы социального есть результат тех отношений, которые бывают внутри данного предмета и с этим предметом. Однако подобно тому, как не всякий предмет может соответствовать в полной мере своему понятию, не всякое общественное, то есть относящееся к обществу, может в полной мере выражать это общество по его определению, то есть может не быть в полной мере социальным или подлинно социальным. Это подобно тому, что говорит о средневековых схоластах Э. Жильсон: они «считают себя философами, и являются таковыми на деле, но прежде всего, разумеется, они теологи... став философами, они не становятся до конца философами»¹. Таким образом, встаёт вопрос о мере этого социального.

Поясним. Иногда говорят о «смерти социального». Больше ли это, чем просто фигура речи? Да, если только уточнить его смысл, как он видится нам. Ясно, что речь не идёт о социальном как тождественном общественному, ибо это означало бы просто смерть общества (человечества). Не имеется ввиду и сфера социального (общественного), коль живо само многоликое общественное. Не может, очевидно, подразумеваться и «застой», когда всё пребывает и ни что не бывает – это литературная утопия.

¹ Жильсон Э. Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. С. 42-43.

Следовательно, речь может идти (когда мы говорим о социальном как об отношении и о «смерти социального») о таком аспекте общественного (то есть относящегося к социуму), который можно рассматривать как модус, то есть как свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях. Иначе говоря, социальное это такое отношение, которое не всегда принадлежит «предмету» (у нас общественным отношениям), может и не принадлежать. Следовательно, это предполагает отличать «общественное» (как относящееся к социуму вообще) от «социального» (какенного, выражающего полноту его определения) и означает, что общественное не всегда является социальным. Это «не принадлежит предмету» можно рассматривать как «смерть социального», хотя точнее следовало бы сказать умирание.

Но тогда, в каких «состояниях» присуще, а в каких - нет? Следовательно, что имеется в виду под социальными отношениями (социальнym) у нас, «смерть» чего может наступить?

Чтобы стала ясной суть сказанного о подлинной социальности, обратимся вот к чему. У русского мыслителя Г.П. Федотова где-то есть выражение «не поддерживается общим потоком жизни», высказанное в контексте мысли, что установление подлинных человеческих отношений, гуманизация их, если использовать часто употребляемый ныне термин, не поддерживается общим потоком жизни. Что это значит? Это значит, что «общий поток [строй] жизни», то есть общественные отношения не содержат (лишены, утратили, не достигли) тех качеств, способностей, которые делают их в силе (поскольку они адекватны) производить подлинно человеческие отношения. Более того, они (общественные отношения) таковы, что они «не поддерживают», им «противно» именно такое производство общественных отношений, как неадекватное, противное их «природе» (а даже если бы «хотели», то объективно, по своей природе опять-таки, «не могут» «поддерживать»). Иначе говоря, общественные отношения как отношения человеческие (по своему определению), то есть такие отношения, которые, хотя и сформировались из необходимости выстраивать межиндивидуальные связи

«по линии вынужденной кооперации», но предполагают для осуществления своей «самости» (подлинной человечности) немотивированные (экономически, хозяйственно, потребительски и т.п.) взаимоотношения, эти общественные отношения перестают быть таковыми, становятся извращёнными, ложными, неподлинными, в смысле соответствия своей природе (естественному), человеческому естеству. А только остаются общественными отношениями «по линии вынужденной кооперации».

Но переход общественных отношений из стадии «вынужденной кооперации» (физической, экономической необходимости, нужды, рациональности) на уровень немотивированных таким образом отношений и есть переход в подлинно социальное, приобретение общественными отношениями социальности. Следовательно, выражение, что «общественные отношения становятся извращенными, ложными, не-подлинными» означает, что они перестают быть или ещё не стали социальными, подлинно социальными. И таким образом, критерием последних может быть только мера человеческого в том смысле, о котором было сказано выше. О чём речь?

В связи с отчуждением Маркс говорит ещё в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», что «получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному. Правда, еда, питье, половой акт и т.д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер¹. А в «Экономических

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. (Первая рукопись «[Отчужденный труд]») // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения в 50 томах, 2 изд. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 91.

рукописях 1857-1859 гг.» мы читаем: «Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь [вещная] еще существует по отношению к индивидам, доказывают лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий»¹. Создание «человеком своей социальной жизни» есть процесс созидания «универсального» (Маркс) человека, в совместной деятельности с другими, подобными себе, производящего «всеобщий духовный труд», т.е. человек сосредотачивается на своих социальных (человеческих) способностях, иначе говоря, на развитии своей личности как на цели общественного развития. Это тоже самое, что сказать: человек является всегда целью, но никогда – средством развития.

Превращение общественных отношений в такие, которые бы привели к созданию «человеком своей социальной жизни» и есть обретение первыми подлинной социальности, которой люди «ещё не живут». Но отсюда также следует, что общественные отношения, функционирующие в разрез, в подавление или в направлении от созидания «человеком своей социальной жизни» есть отношения, лишённые подлинной социальности, уводящие от неё, социально не развитые (недоразвитые), есть разорванное общественное бытие.

Не будет преувеличением сказать поэтому, что в истории человечества не было периодов, когда бы общественные отношения носили подлинно социальный характер. Только непродолжительное время расцвета советской цивилизации продемонстрировало результативную возможность обретения общественными отношениями (принципиально, по их природе в период советской цивилизации) подлинно социального характера в подразумеваемом выше смысле (движение в этом направлении, по крайней мере).

Однако ограничиться вышесказанным было бы явно недостаточно для понимания неоднозначности и сложности проблемы социального.

¹ Маркс К. Введение // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения в 50 томах. 2 изд. Т. 46. Ч.1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 73.

Действительно, основное остаётся верным, если мерой социального рассматривать человеческое: предшествующая история была историей «частичного человека», далёкой от того, чтобы мы имели движение в направлении развития личности как цели. Даже современное информационное общество, «экономика знаний», столь сильно непохожая на прежние классовые общества, и, на первый взгляд, делающая неактуальным прежний политico-экономический инструментарий социального анализа, не меняет сущности вещей, если помнить, что знание представляет собой ценность, является товаром, будучи определенным в результатах производственной, опосредованной способом производства, деятельности, следовательно, отношения и цели производства являются здесь определяющими. Ещё больше клубится тумана вокруг одного из последних продуктов идеологического сознания – «глобализма», являющегося, по существу, эвфемизмом, призванным затушевывать, а то и вовсе скрыть политico-экономическую, социальную сущность процессов, обозначаемых этим словом. Выпячиваются только техническая и технологическая стороны процесса или он сводится к довольно нейтральному (в формулировках) переходу от закрытых (национальных) экономик к «открытой экономике» (или «глобальной»), как сказано в одной из работ западных социологов¹. Между тем, в «глобализме» можно выделить два качества: внутреннее, связанное с политico-экономическим и социальным содержанием этого понятия, и внешнее, «зримое», выражающее совокупность явлений и процессов, представленных в форме социальной и экономической деятельности, опосредованной научно-техническим прогрессом, внедрением высоких технологий и т.д. Но последнее всегда происходит только внутри определённого типа общества, способа производства и системы общественных отношений, задающих те или иные цели и приоритеты социально-экономической деятельности. Так вот, внутреннюю

¹ Филипп Браун и Хью Лодер. Образование, глобализация и экономическое развитие // Социология образования: теории, исследования, проблемы. Хрестоматия. Казань: Казанский государственный университет, 2004. С. 88.

(политико-экономическую) основу современного глобализма составляет, следовательно, предопределяет и другие его аспекты, капиталистический способ производства и империалистический характер притязаний капитализма.

И хотя, измеряемая изложенной выше мерой, степень социальности общественных отношений в этих последних социумах иная, чем в предыдущих (например, в рабовладельческих или раннеиндустриальных), но и о них мы можем сказать, как о недоразвитых в отношении социальности: это хорошо обнаруживается в экзистенциальных проявлениях «эпохи глобализма», такой, например, её формы, как общество потребления, когда люди, по словам Ж. Бодрийяра, окружены «не столько, как это было во все времена другими людьми, сколько *объектами* потребления»¹. Только надо помнить, что здесь надо подходить исторически, обращать внимание на суть, а экзистенциальные проявления неподлинной социальности общественных отношений, конечно, различны в разные исторические эпохи, но у каждого времени своя мера должного, равенства, свободы и т. д. Люди часто склонны принимать изменение формы за изменение содержания тоже, особенно, когда эти формы сильно противоречат традиционному содержанию, связанному с данной формой (например, сравнивая классическое рабство или «классическую» форму капиталистической эксплуатации, с одной стороны, и общество потребления, «общество изобилия», создающее иллюзию всеобщего равенства и демократии, – с другой). Но это бывает обманчиво, как блестящее показал Бодрийяр. Ограничимся только одним из его заключений: «Отчуждённый человек не является только уменьшенным, обеднённым, но неприкосновенным в своей сущности человеком – это человек перевёрнутый, превратившийся во зло и врага для самого себя... Отчуждение есть сама структура торгового общества»².

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с фр. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 5.

² Там же. С. 36.

И всё же к приведённому ранее утверждению, что «в истории человечества не было периодов, когда бы общественные отношения носили подлинно социальный характер» следует относиться не абстрактно и догматически, а конкретно и диалектически. То есть и в этом отношении согласиться, что можно, вероятно, говорить о прогрессе, об изменениях, о «большем или меньшем» приближении к определению, о том, что не всё должно в одинаковой степени, как обосновывал ещё Аристотель в «Метафизике»: «Всё же «большее» или «меньшее» имеется в природе вещей; в самом деле...не в одинаковой мере заблуждается тот, кто признаёт четыре за пять, и тот, кто принимает его за тысячу» [Aristotle. Met.,1008b34]; здесь следует применять гибкую лесбосскую линейку (свинцовую), которая «изгибаются по очертанию камня и не остаётся [неизменным] правилом» [Aristotle. Eth. Nic. V, 10,1137b]. Вместе с тем надо признать, держа в уме современный мир, современные общественные (глобальные) отношения: мы не можем сказать безусловно (в отношении их подлинно социального характера), что, чем дальше от «тёмных веков», тем более они (отношения) находятся в ситуации, когда четыре принимают за пять, нежели в ситуации, когда его принимают за тысячу». Видимо, «смерть» социального (в обоснованном выше смысле) есть циркулирующий процесс, социальное есть Осирис - умирающий и воскресающий бог.

O.YU. Порошенко

1.3. Социальные практики сохранения уникальности личности в ситуации типизированных форм социальности

Неопределенность и бесконтрольность техногенного развития современной цивилизации грозит человечеству, как максимум, самоуничтожением, как минимум, социокультурными формами расчеловечивания. Именно поэтому изменения, возникшие в результате цифровой революции, можно отнести к новым глобальным вызовам.

Сегодня социальная философия является актуальной теоретико-практической формой постановки, обсуждения, решения и оценки социо-техногенных проблем современности, связанных с необходимостью сохранения для человека и общества их субъектности в решении вопросов своего дальнейшего бытия. Особенно это важно в парадоксальной ситуации, когда объектом технологических преобразований становится сам человек. В этом случае методологически теряется начало координат, наблюдатель, который раньше выступал только в качестве субъекта оценки технологических инноваций, происходящих во внешнем для него мире.

Особенность социально-философской теории состоит в ее объективной и субъективной составляющих, что выражается в комплексном подходе к методологии и аксиологии как негативных, так и позитивных перспектив будущего человечества. Как всякая теория, социально-философский подход предполагает наличие того или иного образца – концепции развития общества, парадигмы, с которыми согласуются все современные социокультурные преобразования. Поэтому основная роль эксперта -социального философа – это разработка прикладных сценариев развития личности, общества и культуры исходя из теоретико-концептуальных ориентиров философской науки, что в конечном итоге должно привести к предоставлению возможности каждому человеку ориентироваться и делать рациональный выбор в тех или иных современных социальных ситуациях.

В цифровую эпоху для философской экспертизы можно выделить ряд проблем – категоризация реального и виртуального, искусственно-го и естественного, место человека и цифрового актора во Вселенной, машинный способ познания, феноменология и аксиология цифрового мира и цифровых сущностей, цифровая культура и образ будущего и пр. На новый уровень осмысления выходят проблемы дискретного и непрерывного, случайного и необходимого, живого и неживого, подлинного и неподлинного, неповторимого и воспроизводимого.

Одной из важных проблем, с которой сталкивается современная социально-философская теория, это поиск адекватного социально-философского дискурса, описывающего противоречия между манипулятивными практиками современного техногенного общества по захвату внутреннего мира, «для-себя-бытия» человека и необходимостью применения индивидуальных социальных практик индивида по защите уникальности своего личностного бытия от тоталитаризма типизированных форм социальности.

Вспоминая В. Беньямина, можно утверждать, что сегодня меняются обстоятельства существования чего-либо уникального. В результате тиражирования сферы уникального сужается: то, что однажды было создано как гениальное, единственное и неповторимое, становится тиражированным продуктом массового духовного производства. Если раньше для повторения выдающегося шедевра повторяющему нужно было самому быть таким же великим (равновеликим), как автор (мастер, маэстро), то теперь все воспроизводится технически. Единственным пространством, в котором сохраняется уникальность личности, остается только «внутренний мир», субъективное личностное бытие. Вот почему к этому источнику уникального в социуме обращается современная социальная теория, и заинтересованные в производстве уникальности субъекты разнообразных социальных практик. Этот «контент» нельзя тиражировать, но можно использовать и даже эксплуатировать. Поэтому современный индивид, понимая востребованность такого «товара», готов с удовольствием истощать все ресурсы своей индивидуальности, чтобы просто не выпасть из обоймы, не остаться за бортом успешных социальных и научно-технических проектов. Начинается жестокая самоэксплуатация, лишь бы выжать из себя какой-нибудь творческий продукт. И здесь исследователи структур и функций уникальности личностного бытия сталкивается с дилеммой: либо мы открываем тот источник, который может оказаться для будущего человечества неиссякаемым, либо открытый источник – это «подсказка» для скрытой современной эксплуатации, который в силу

этого способен иссякнуть. Уникальность личностного бытия становится «полем боя» между теми, кто хотел бы этот «контент» приватизировать и капитализировать и теми, кто хотел бы его сохранять и развивать «для себя». Для последних социальные исследователи ищут такие формы индивидуальных социальных практик, в которых могло бы происходить развитие этого внутреннего мира личности.

В качестве иллюстрации можно привести принципы по созданию стартапов, способных изменить будущее, разработанные «иконой» Кремниевой долины Питером Тильем. Тиль в своей популярной книге провозглашает: а) каждая бизнес-идея уникальна, то есть скопировать успешную компанию просто, но «копия» всегда будет уступать «оригиналу»; б) ключ к успеху – монополия, то есть важно создать что-то уникальное и превратить свой бизнес в монополиста; в) смотреть на мир по-новому, искать неосвоенные вещи¹. Получается, чтобы стать успешным нужно сохранить и развить свою уникальность.

Несмотря на желание быть успешным, сегодня в различных сферах общественной деятельности индивид сталкивается с необходимостью актуализации всего комплекса индивидуальных социальных практик объективации уникального с целью самозащиты «себя» от всей совокупности манипулятивных действий, продуцируемых современным массовым обществом, и преодоления негативных факторов влияния современной техногенной цивилизации на человеческое существование (отчуждение, дегуманизация). И отсюда вытекает задача описания новой оптики социального, его нового перспективного исследовательского пространства анализа уникальности личностного бытия, отвечающего социальному запросу современности. В такой онтологии социального, личность уже не трактуется только как результат социализации или субъектификации, а определяется как уникальная многомерная субъективность, в которой сущностно интегрируются частное и всеобщее, единичное и коллективное, внутреннее и внешнее. Это значит,

¹ Тиль П. От нуля к единице: как создать стартап, который изменит будущее – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 192 с.

что в жизни отдельного человека, с одной стороны, само социальное бытие принимает личностные формы, а с другой – личность принимает участие в продолжении социального бытия.

На фоне идей о «смерти субъекта» в социальной теории XX века появились взгляды о «смерти социального». В первую очередь, речь идет о работе Ж. Бодрийяра «В тени молчаливого большинства, или Конец социального», в которой он утверждает, что современное общество масс, «молчаливое большинство» (черная дыра масс) безвозвратно нейтрализует и поглощает социальное. Так как, согласно Ж. Бодрийяру, социальное вообще обладает реальностью только в перспективном пространстве расширения, достигая полноты, оно умирает в симуляции, став всеобъемлющим, превращается в анонимные молчаливые массы. Эту «смерть социального» Ж. Бодрийяр относит к парадигме социального в социально-философских дискурсах эпохи Модерна. Однако при этом он актуализирует понимание социального как «переменный перспективизм социального», то есть социальное обладает вполне реальным существованием, но в определенном перспективном пространстве, и имеет «имманентную телеологию», которая событийна, случайна и изменчива. Достигнув своих пределов, массовое общество потеряло ощущение «чистоты» и цельности социального бытия (в существовании массы нет удерживающих внутренних связей). Отсюда возникает новая «оптика» социального, его новое перспективное пространство, которым выступает сам индивид¹.

Появление дискурса «смерти социального» вновь актуализирует проблему «значимости» отдельного индивида и его «роли» в обществе. Кризис социального, наблюдаемый в цифровой эпохе XXI века, можно трактовать согласно теории Э. Дюркгейма как аномалию, как состояние дезорганизации общества, в котором привычные ценности, нормы, социальные связи мира без цифры либо отсутствуют, либо становятся

¹ Бодрияр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 21.

неустойчивыми и противоречивыми. Как известно, Э. Дюркгейм считал, что социальные аномалии приводят к девиации. Однако сам он также считал, что отклонение от норм несет не только отрицательное, но и положительное начало. Девиация способствует социальному изменению, раскрывает альтернативу существующему положению дел, ведет к совершенствованию социальных норм. Если для Э. Дюркгейма социальная аномалия приводит к девиантному поведению по отношению к принятой социальной норме, то, с нашей точки зрения, социальная аномалия, кризис/изменение общества, культуры или эпохи приводит к развитию индивидуальных форм социального и особенно уникальности личностного бытия. Если индивидуальность – это нормальное качество заданной различности в бытии личности, то уникальность нуждается в дополнительном эмерджентном качестве «многомерной» субъективности человека для своей объективации в личностном бытии и индивидуальных формах социального. Это дополнительное усилие по объективации уникального есть аномальное (неординарное, самобытное, редкое и прочее) качество личности, с помощью которого она компенсирует аномальность социального. Усиление уникальности и неординарности своего бытия – это ответ индивида на кризис и аномальность изменяющихся общества и культуры. Кризис – это приглашение к развитию, в котором уникальность личности становится «точкой сопротивления» в своих процессах самосовершенствования на фоне объективной потребности к изменениям общества. Именно поэтому на «переломе» культур и эпох мы наблюдаем наивысшее «скопление» гениальных исторических личностей, ученых, творцов-художников и выдающихся религиозных деятелей «святых». Кризисное общество поощряет и продуцирует индивидуальные «аномалии», к которым мы относим уникальность личностного бытия, потому что именно этим способом оно компенсирует потери своей «устойчивости» (sustainability). Важно отметить, что сегодня в ситуации века интерпретаций, «массового» сознания и пугающего цифрового тоталитаризма, социальный запрос на индивидуальные «аномалии» становится особо

актуальным, и ответом на этот запрос является продуцирование «пределной» формы уникальности личностного бытия, лежащей в основе индивидуальных форм социального. Связано это не с тем, что роль индивидов в воспроизведстве всего известного и знакомого нивелируется; массовая форма общества подошла к своей предельности: все стало абсолютно доступно – от предметов роскоши до путешествий; все стали абсолютно равны; массы получили полноту власти; социальное поведение стало «стандартизованным», конформным, безмятежным вплоть до социальной «апатии» и прочего.

Поэтому сегодня в рамках социальной философии возникает необходимость поиска нового измерения в онтологии социального, в котором описывается человек, освобождающийся от современных предзаданностей и задавленностей внешней, по отношению к нему, тотальности общественного (информационное общество и общество потребления с апофеозом капитализма с его товарно-вещным фетишизмом). Приоритет вектора тотальности «внешнего» социального пространства-времени недостаточен для описания современных форм человеческого бытия. Слишком несимметричны, несоразмерны отношения между индивидом и обществом. «Внешнее» социальное (общественное) всегда доминирует и «врывается» в жизнь человека, определяя его (человека) жизнь через «локусы», «биографию», «совместность» и «современность». Индивидуальное и общественное – это относительно разные уровни человеческого бытия, которые часто не совпадают. Но бывало в истории, когда «в индивидуалистической и светски-терпимой культуре человек впервые действительно остается наедине с собой. В том плане, что «Я» отныне не часть чего-то более великого и неизмеримого, чем «Я». «Я» теперь суверенное целое, а не часть. Все его определения – исторические, социальные, национальные, культурные и прочее – отныне суть части (границы, моменты) индивидуального «Я»¹.

¹ Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000. С. 895.

По мнению Ю. Хабермаса, главной особенностью социальной жизни человечества на рубеже XX и XXI веков стала «колонизация» тех сфер «жизненного мира» человека, которые традиционно считались его приватным пространством – семья, быт, досуг, внутренний мир мыслей, чувств, переживаний. Современное цифровое общество устроило настоящую атаку на все эти «частные», приватные и неприкосновенные сферы. В «репрессиях» общества против индивидов принимают участие не только техника и СМИ, но в целом процессы инструментальной рационализации как инструмент социального подавления. Имеет место «господство рациональности, и рациональность становится приспособленной к господству»¹.

Диалектику отношений индивидуального и общественного можно рассматривать как отношения: единичного и общего, частного и коллективного, приватного и публичного. Выбранный тип отношений зависит от аспекта исследования того или иного социального феномена.

Когда мы выбираем оппозицию индивидуального и общественного, мы акцентируем внимание на аспекты «доминирования» индивидуального (единичного, частного, приватного) по отношению ко всем формам общественного (коллективного, общего, публичного).

Социальное, общественное и индивидуальное соотносятся, как всеобщее, особенное и единичное. Социальное, как *отношение человека к общественному* (холистскому), содержит в себе онтологию единства и целостности (всеобщее) по отношению к различным формам общественного (особенное) и индивидуальному участию личности в общественных процессах (единичное). Здесь «снимается» проблема противостояния антропо- и социо- центризма как с философско-миро-воззренческих позиций. Кроме того, из такого понимания соотношения социального, общественного и индивидуального, вытекает осознание двойственной природы индивида, как субъекта: его неразрывной связи с другими (необходимость социального) и относительной

¹ Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопр. философии. 1991. № 1. С. 196.

обособленности, независимости – через существование возможности индивидуализированного участия в общественном (коллективном). Эта позиция ценна своим гуманизмом, поскольку подчёркивает абсолютную ценность человека как отдельной личности. Данный подход продолжает мысль К. Маркса о том, что «общественная деятельность и общественное пользование существуют отнюдь не только в форме непосредственно коллективной деятельности и непосредственно коллектического пользования.... Но и мое собственное бытие есть общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо»¹.

В данном случае акцент в трактовке понятия «личность» делается уже не на внешнюю физическую, а на внутренне сущностную *的独特性*, особую неповторимость, значимость проявления в единственном «истинно человеческом». «Истинно человеческое», как всеобщее в конкретном человеке, обретает неповторимую значимость особенно тогда, когда этот человек создает нечто новое, неизвестное другим (а это именно то, чем отличается человек от вещного и животного мира). Это значит, что «的独特性» – это, собственно, то, что в персонализме трактуется как «личность», в которой с необходимостью соединяется «частное» и «всеобщее». И то, что формирует в человеке личностное содержание, является не внешним, а внутренним. Поэтому идея личности предполагает развитую субъективность, ее *的独特性* и свободу².

Категория «социальное» и тождественна, и не тождественна категории «общественное». Социальное, будучи основой общественно-го, придает общественному характер субъекта, то есть общество есть

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Полн. собр. соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. М: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

² Poroshenko O.Y. Who Are We: Limits of Western Rationality // LUMEN Media Ltd., Lasi. 2020. № 7. С. 96.

система субъектного типа, основанная на конструктивно-деятельностном взаимодействии людей. Анализ общественного – это анализ различных типов взаимодействий в обществе; анализ социального – это изучение деятельностного взаимодействия индивидов, обусловленного целеполаганием, волей, активностью человека, который конструирует свое общественное бытие. Интерпретация социального сегодня ориентируется на активность и взаимодействие личностей и их роль в обществе как индивидуализированных субъектов исторического действия.

Можно сказать, что сейчас социальная философия должна по-новому решать одну из вечных исследовательских проблем – проблему взаимоотношения единичного и коллективного, которая, если и решалась в классических теориях, то решалась чаще в пользу коллективного (например, у Э. Дюркгейма)¹. В современной социальной философии единичность рассматривается как «в связи с понятием идентичности, так и в связи с тем, что выходит за рамки этого понятия. Анализируется как единичность той или иной личности, которую можно соотнести с идентичностью, так и единичность индивидуальных действий, которые ускользают от внимания, если предполагать целостность и постоянство личности» (Ф. Коркюф)².

Однако, стоит ли вообще противопоставлять эти два понятия? Скорее, представляется необходимым описать способы встраивания коллективного в единичное. Этому посвящена концепция габитуса у П. Бурдье. Для него габитус это в каждом исследовательском случае индивидуализация коллективных схем. Однако у П. Бурдье коллективное «встраивается в единичное извне; единичное «Я» агента создается через социальные отношения». В такой трактовке индивидуальная единичность питается ограничениями и ресурсами коллективного. И самое

¹ Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 149.

² Коркюф Ф. Коллективное в споре с единичным: отталкиваясь от габитуса // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Рос.-фр. центра социологии и философии РАН. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 254.

главное, если П. Бурдье даже и признает уникальный характер конфигурации интериоризуемых агентом социальных схем, которые структурируют целостность и постоянство личности, то он упускает из своего анализа уникальность «продуктов» экстериоризации, которые есть результат объективации «живой» субъективности единичного индивида, его неповторимой персональности¹.

В последние годы многие социально-философские мыслители отмечают парадигмальный сдвиг в исследовательском методе, связанный с отказом от веры в абсолютную автономию рационального субъекта и могущество внешних сил. В центр внимания исследователей приходит мир повседневного опыта, который в классический период социальной теории считался ненаучным. Бывший президент Международной социологической ассоциации П. Штомпка отмечал, что данный парадигмальный сдвиг не являлся преходящим увлечением, а свидетельствует о рождении «социологии социальной экзистенции», где в качестве основного объекта исследования берется социальное событие – «человеческое действие в коллективных контекстах, ограниченное, с одной стороны, агентным (активными) потенциалом участников, с другой, структурной и культурной окружающей средой действия»².

К представителям данной парадигмы П. Штомпка отнес феноменологический подход А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодологию Г. Гарфинкеля и драматургическую теорию И. Гофмана, теорию символического интеракционизма Ч. Кули, Д. Мида, Г. Блумера. Эти социальные теории имеют отношение к так называемому микросоциальному анализу. В рамках микросоциального анализа исследуются сферы социального взаимодействия на уровне отношений между отдельными личностями, процессов коммуникации в малых группах, пространства повседневной реальности. Микросоциологический уровень изучения общества концентрирует внимание на внутренних аспектах

¹ Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 188.

² Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Соц. исследования. 2009. № 9. С. 3.

поведения людей и групп. Здесь в центре внимания оказываются конкретные процессы в отдельных сферах жизни общества и социальных общностях.

При этом, современный участник социальных процессов в эпоху цифровизации не всегда осознает то, что его ответственное личностное бытие есть «позитивная» форма социальности, о которой писали К. Маркс и Г. Зиммель. Это значит, что человек как личность в определенной степени выступает независимо от общества, в предельной ситуации он способен противопоставить себя обществу. По Г. Зиммелю, «социологические априорности» содержат в себе, помимо социальной активности, чистую индивидуальность, «для-себя-бытие», которое позволяет индивиду не полностью превращаться в элемент общества, а сохранять свою личностную обособленность. Эта форма свободы необходима современному индивиду, как условие успешной реализации своего социального «проекта» и условие конструктивного встраивания в максимально диверсифицированное общество и цифровую культуру.

Со времен Э. Дюркгейма в западной социальной теории все физическое, психологическое, экзистенциальное «выносилось за скобку» программ социологии, в результате чего социология оказалась отрезана от мира материальных объектов и человеческих переживаний (страстей). Для исправления сложившейся ситуации представители современной социальной теории озвучили новые перспективы. Так, Б. Латур провозглашает лозунг «Назад к Тарду!», пытаясь вернуть вещи и страсти в поле социального, а П. Бурдье в своей онтологии социального актуализирует проблему диалектики объективного и субъективного, говоря о необходимом присутствии субъективного деятельностного аспекта мировосприятия в жизни отдельного агента.

Габитусы, по П. Бурдье, – это системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, предрасположенные функционировать как «структурирующие структуры», то есть как принципы действия, порождающие и организующие индивидуальные социальные практики. Габитус делает возможным экстериоризацию интериоризированного, то есть

служит порождающим механизмом практик. Таким образом, сущность габитуса заключается в том, что он, во-первых, представляет собой продукт интериоризации объективных социальных структур и, во-вторых, является необходимым индивидуальным условием их экстериоризации. Габитус – это такой, порождающий практики, принцип, который подчиняется «практической логике» – логике неопределенности и приблизительности, свойственной повседневности. Поэтому ему присущи неопределенность и открытость, неуверенность и экспромт¹.

Индивид в объективной социальной среде использует габитус, как исходные установки в своих социальных практиках, особенно это проявляется в неожиданных ситуациях. Габитус – это результат индивидуальной истории и социального опыта индивида. С помощью габитуса снимается противопоставление социальных структур и личных практик индивида. Габитус – это внутренние схемы восприятия, оценивания, классификации и деятельности, свойственные индивиду, а также – интериоризованные социальные отношения, усвоенные и присвоенные социальными агентами.

Однако факт уникальности личностного бытия предполагает некое смешение в чистоте процессов внутреннего восприятия и интериоризации социального опыта индивида и последующей экстериоризации усвоенных диспозиций. Вследствие этого установки отдельного индивида уже не имитируют и не копируют в абсолютном значении чужие практики. В личных практиках индивида появляется некоторое дополнение в результате уникального вклада каждого отдельного индивида, который может быть теоретически зафиксирован в виде дополнительной структуры габитуса.

В качестве основного довода в пользу необходимости ревизии теории габитуса П. Бурдье можно привести мнение Н.А. Шматко: «В процессе интериоризации, которая есть ни что иное как практическое освоение принципов производства практик, не достигающее дискурсивного

¹ Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html#k2>.

и рефлексивного уровня, агент имитирует практики других агентов; он не овладевает «рефлексивными моделями» практик, а присваивает *modus operandi* посредством как простого ознакомления и повторения чужих практик, так и посредством скрытых и / или явных, бессознательных и / или методически организованных внушений (разнообразных «педагогических воздействий») принципов, которые проявляются практически в навязанных практиках и / или сформулированы явно, формализованы¹.

Выделим ряд положений, согласно которым концепция П. Бурдье может быть дополнена в контексте нашей темы.

Во-первых, социальная теория П. Бурдье встроена в философскую традицию, которая связана с обсуждением проблем преодоления декартовского *cogito* и принадлежит так называемой «неклассической» социальной гносеологии, где концепт «габитус» используется для критики «чистого» сознания познающего субъекта классической философии. Миссия концепции габитуса у П. Бурдье состоит в том, чтобы преодолеть «такое понимание практики, в котором смысл и причина действия исчерпываются его субъективными рациональными детерминантами». Бурдье предлагает вместо классической субъектности свою «версию» субъективации, как «поистине новое овладение своим «Я» с помощью объективации объективности, которая приходит на место, якобы занимаемое классической субъективностью; таковы, например, социальные категории мышления, восприятия и оценивания, являющиеся неосмысленным принципом всякого представления о так называемом объективном мире»².

Во-вторых, П. Бурдье, с одной стороны, признает наличие в социуме объективных связей (социальных отношений), с другой – говорит о необходимом присутствии субъективного деятельностного аспекта мировосприятия отдельного агента. Концепцией интеграции

¹ Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 60.

² Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 88.

субъективного и объективного посредством габитуса, П. Бурдье продолжил идеи Ж.-П. Сартра об интериоризации и экстериоризации субъективного. В «Проблеме метода» Ж.-П. Сартр пишет: «В испытывании переживаемого субъективность обращается на самое себя и спасает себя от отчаяния через *объективацию*. Таким образом, субъективное удерживает в себе объективное, которое оно отрицает и превосходит в направлении новой объективности, а эта новая объективность, в качестве *объективации*, экстериоризирует внутреннее содержание проекта как объективированной субъективности. Это означает *одновременно*, что переживаемое, как таковое, находит свое место в результате и что проектируемый смысл действия являет себя в реальности мира, чтобы обрести свою истину в процессе тотализации. Эта объективная истина объективированного субъективного должна рассматриваться как единственная истина субъективного»¹.

В-третьих, в теории П. Бурдье используется понятие *практика*, которая становится инструментом исследователя. Будучи в определенном смысле последователем идей Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти, он продолжает критику классического объективизма в научном познании. Для того чтобы отказаться от излишней рационализации и идеологизации, П. Бурдье призывает социального мыслителя к открытости – навстречу тематизации еще нетематизированного. В этом аспекте он особым образом «высвечивает» понятие *практика*, которая становится инструментом самого мыслителя / исследователя делать что-то самостоятельно в социальном мире.

П. Бурдье настаивает на том, что практики воспроизводятся габитусом без помощи сознания, однако, они всегда сопровождаются определённой степенью рефлексивных размышлений, которые необходимы для минимального контроля над осуществлением самих практик, в том числе, и для практики «владения своим «Я»». Тогда получается, что процесс инкорпорации изначальных социальных структур предполагает хотя бы минимальное присутствие субъективностного начала

¹ Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. М.: Академ. проект, 2008. С. 122.

во внутреннем мире агента, которое требует объективации и своего научного / философского описания¹.

В-четвертых, Бурдье подвергает критике феноменологию за ее отказ от решения вопроса о социальных условиях возможности и социального значения практического *epoché*, необходимого для удовлетворения намерения понять первоначальное понимание. При этом П. Бурдье обращается к «социальным условиям возможности опыта», что позволяет трактовать его подход в духе трансцендентализма. Он продолжает критику классического объективизма, «имеющего целью установить объективные закономерности (структуры, законы, системы отношений и тому подобное), не зависящие от сознания и воли индивидов, привести к разрыву, отделяющему научное познание от практического, отбрасывая при этом взятые им на вооружение более или менее эксплицитные представления до состояния «рационализации», «предпонятий», «идеологий». Таким образом, он (объективизм) отвергает проект отождествления науки о социальном мире – с научным описанием донаучного опыта этого мира, а точнее, проект редукции социальной науки к «конструктам второго порядка, то есть к конструктам конструктов, произведенных актерами на социальной сцене» (как у А. Шюца и феноменологов) или к «отчету об отчете», составленном агентами (как у Г. Гарфинкеля и этнometодологов). П. Бурдье снова поднимает, по меньшей мере, объективно – забытый вопрос об особых условиях, делающих возможным доксический опыт (опыт не-предметный и дорефлексивный – О. П.) социального мира.

В-пятых, заменяя альтернативу «индивиду-общество» на отношение «габитус-поле», П. Бурдье показывает, что настоящим предметом социальной науки является не индивид или социальные группы, а «отношение между двумя реализациями исторического действия», между полем и габитусом. Он определяет *габитусы* как «системы устойчивых

¹ Пенькова А.В. Понятие габитус в социологии Пьера Бурдье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реф. журн. Сер. 11. Социология. 1996. № 4. С. 26.

и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления»¹.

Исследование структурирующей структуры и описание порожденных ею реальных социальных практик позволяет социологу объяснять открытость и экспромт габитуса, его непредзданное, непредустановленное взаимодействие с непрерывно меняющимися социальными отношениями. Кроме того, оно позволяет разрешить теоретические затруднения в методологии изучения случайных, нетипичных и единичных социальных событий и практик.

В-шестых, несмотря на то, что П. Бурдье находится в предметном поле социологии, в своей концепции «социального признания», он закладывает определенный человекоразмерный метафизический смысл. Социальное признание для него – это фундаментальная экзистенциальная цель, к которой люди стремятся, чтобы придать своей жизни смысл. Участие в социальных играх выполняет экзистенциальную функцию защиты в переживаниях бесконечности человеческих смыслов в конечности жизни.

В-седьмых, П. Бурдье выделяет практику «согласования», которая основана на «личном вкусе» и «индивидуальном проекте». Для него проблема индивидуализации обсуждается в аспектах дифференциации тех или иных структур. Он пишет: «Все практики или представления, произведенные идентичными схемами, являются обезличенными и взаимозаменяемыми, подобно единичным интуициям пространства, которые, – по мысли Канта – не выражают ни одной особенности эмпирического “Я”… Действительно, отношение гомологии, то есть разнообразия в сходстве, отражает разнообразие в сходстве социальных условий их формирования, что объединяет единичные габитусы различных членов одного класса: любая индивидуальная система диспозиций есть

¹ Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html#k2>.

один из *структурных вариантов* других, где выражается единичность позиции внутри класса и единичность траектории»¹.

О «личном стиле» П. Бурдье пишет как об «отклонении от стиля определенного времени или класса, и поэтому он соотносится с общим стилем не только в силу конформизма (как, например, Фидий, который, согласно Г. Гегелю, не имел своей “манеры”), но еще и в силу отличия, составляющего “манеру” как таковую... Принцип дифференциации индивидуальных габитусов заключается в единичности *социальных траекторий*, с которыми соотносятся ряды (серии) детерминаций, упорядоченных хронологически и не сводимых одни к другим»².

В-восьмых, согласно П. Бурдье, габитус как *искусство изобретения* есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик, к тому же относительно непредсказуемых. Будучи продуктом определенного класса объективных закономерностей, габитус стремится порождать «разумные» способы поведения, идущие от «здравого смысла».

Кроме того, в концепции габитуса можно выделить ряд положений, которые критически воспринимались аналитиками социологии П. Бурдье и которые, с нашей точки зрения, могут быть дополнены.

Первое – П. Бурдье создавал концепцию габитуса с определенной целью – преодолеть фантазмы персонализма и нарциссический эгоизм субъекта для достижения объективности социологического знания через снятие противоречия между субъективным и объективным. Однако, казалось бы, вполне эпистемологический подход можно подвергнуть критике, суть которой выражается фразой – «теория без действия и действующего» (И. Ф. Девятко)³. Многие критики П. Бурдье отмечают нехватку рефлексивности и психологичности у агента габитуса.

¹ Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html#k2>

² Там же.

³ Девятко И.Ф. Философия языка и язык социальной науки // Журн. социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 5. С. 50.

У П. Бурдье остается «открытым» вопрос: что он имеет ввиду интериоризацией и как происходит этот процесс у агента социальных практик?

Второе – обычно критики понятия габитуса у П. Бурдье редко обращаются к возможному использованию этого понятия для выявления связей между единичным и коллективным. Французский социолог Ж. Вердес-Леру пишет, что «социология Пьера Бурдье занималась тем, что обстругала понятие единичности и игнорировала его»¹.

«Единичность» не участвует в системном построении онтологии социального не только у П. Бурдье, но и в большинстве социальных теорий XX века. Однако переживание «собственной аутентичности» или собственной единичности – это не иллюзия, как считал П. Бурдье, а одна из реальностей индивидуального, социально сконструированного опыта. «То, что «Я» представляет мне как мою аутентичность, проявляется через мои социальные отношения и становится одним из аспектов моего опыта»². С нашей точки зрения, концепция габитуса у П. Бурдье может быть использована для включения единичности в онтологию социального.

Третье – П. Бурдье проблему индивидуализации обсуждает только в аспектах дифференциации тех или иных структур. Даже о «личном стиле» он пишет, как о некой девиации, как об «отклонении от стиля определенного времени или класса». С нашей точки зрения, это «отклонение» как раз и является главной ценностью, основным результатом личностного бытия, тем источником инноваций, из которого рождаются неповторимые траектории социальных практик, уникальные социальные события и деяния великих людей. Представляется, что П. Бурдье проходит мимо, упускает самое важное: личностный источник социальных изменений.

¹ Verdes-Leroux J. Le Savant et la politique: Essai sur le terrorisme sociologique de Pierre Bourdieu. Paris.: Grasset, 1998. P. 10.

² Коркюф Ф. Коллективное в споре с единичным: отталкиваясь от габитуса // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Рос.-фр. центра социологии и философии РАН. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 271.

С нашей точки зрения можно говорить о третьей, дополнительной структуре габитуса. Речь идет о структуре, которая в концепции П. Бурдье могла бы получить название «的独特性 личностного бытия» агента. Эта структура оказывает существенное влияние на процессы экстериоризации интериоризированного агентом и функционирование структурирующей структуры габитуса в социальных практиках. Данная дополнительная структура является посредником между интериоризацией и экстериоризацией как двух фаз / структур самого габитуса.

Эта дополнительная структура габитуса, как нам представляется, включает в себя всю совокупность проявлений уникального во «внутреннем мире» личности. В структуре «的独特性 личностного бытия» содержится все неповторимое уникальное, полученное в многомерной субъективности, объективированное в индивидуальном социальном бытии. Это априорное по отношению к телесным структурам габитуса образование внутреннего мира – не просто агента, а уже личности, которое специализирует социальные практики в аспектах уникальности.

Проблема дифференциации и индивидуализации габитусов меняет свой ракурс рассмотрения, как только предметом исследования становится внутренний рефлексивный уровень интериоризации чужих практик в субъективности человека, собственного и другого «Я» и «зазоров» экстериоризации интериоризированного, с учетом того, что «агентом», конструирующим габитус, является реальная личность с присущей ей уникальностью.

П. Бурдье в габитусе, как структуре, зафиксировал «стиль», то особенное, но повторяющееся и, вследствие этого, узнаваемое, что присутствует в социальных практиках, вплоть до манеры человека «держать спину». Но в этой структуре не описана область неповторимого, что тоже опосредованно присутствует в социальных практиках агента. П. Бурдье сам говорил, что габитусу присущи неопределенность

и открытость, неуверенность и экспромт. Но достаточно ли для объяснения экспромта фиксировать только особенный стиль?

И это неповторимое есть особенность субъектной деятельности «живой» субъективности самой личности-агента (как бесконечная неповторимость разнообразия одной и той же практики). Это неповторимое и есть область внутреннего мира личности, которая достоверно невыразима благодаря, например, сочетанию экзистенциальных переживаний, их рациональному фиксированию, появлению внутренней речи, многообразию интуитивных состояний, особенностям своего жизненного опыта, оригинальности реакций и волевых проявлений, неповторимости чувства красоты и прочему, тому, что оказывается неподвластным внешнему объяснению как типическое, но которое присутствует в виде результата экстериоризации в социальных практиках – от единичных «маргинальных» поступков до гениальных произведений искусства.

Это сочетание многообразия неповторимых актов (трансцендентальных и экзистенциальных) внутреннего мира агента и предлагается называть структурой «的独特性 личностного бытия». В индивидуальном социальном, благодаря богатству внутреннего мира личности, содержится априорная настроенность на реальные социальные практики. Только во внутреннем мире личности, сохранившей или создавшей некоторую автономность этого внутреннего мира, может возникнуть искомое эмерджентное качество.

Обнаруженный феномен «的独特性 личностное бытие» сегодня становится предметом особого прагматического интереса со стороны различных социальных институтов и структур. Сегодня усиливается общественный запрос на инновации, на творческие неожиданные решения социальных проблем, на новаторство в технике, технологиях, науке, искусстве, образовании, повседневной жизни. Соответственно, возрастает внимание ко всему уникальному, неповторимому и единственному. Из человека буквально «выкачиваются» все инновационные ресурсы, тем самым, углубляется и без того тотальная фрагментация

индивида. Складывающаяся социально-культурная ситуация побуждает «фрагментарного» индивида искать способы созидания и возвращения себе своей внутренней сущности, защиты и спасения своего уникального внутреннего мира от тоталитаризма мира внешнего: он начинает нащупывать каналы возвращения себя самому себе, своего собственного «для-себя-бытия» для успешной реализации своего социального «проекта» и для конструктивной, продуктивной самореализации в обществе, создает защитные механизмы своей индивидуальности. Сегодня таким защитным механизмом, на наш взгляд, выступают индивидуальные социальные практики, в которых человек репрезентирует собственную уникальность, представленную результатами научной, художественной, повседневной деятельности, выраженную в культурных артефактах и социальных объективациях.

Уникальное в индивидуальном бытии человека обретает неповторимую значимость особенно тогда, когда человек реализует свои творческие способности (креативность), когда он создает нечто творчески новое, тем самым содержательно обогащая свой род во всеобще-историческом смысле. Эта особенность уникального как инновации, значимой для развития рода «человек», отличает его от «дурной индивидуальности». Вполне возможно, что это новое будет подхвачено, продолжено, повторено и развито другими, что лишний раз подтверждает: уникальное в жизни людей (в социальном) – признак, который не может покинуть свой род.

Уникальность личностного бытия есть результат нашей человеческой онтологической индивидуации, которая присуща каждому представителю человеческого рода, то, что назвал М.К. Мамардашвили «матричными состояниями». Эта онтологическая индивидуация не имеет отношение к проблеме индивидуальной ценности каждого отдельного человека по образцу «общегуманистических ценностей». Онтологическая индивидуация предполагает тот факт, что каждый человек имеет волю к силе обнаружения своего незаменимого единственного места

в структуре бытия. Матричные состояния, в которых рождается уникальность личностного бытия, неразличимы в терминах естественно наблюдаемых явлений, они содержат трансцендентальное условие рождения эмерджентных качеств у каждой отдельной уникальной личности. Структура сингулярной множественности, на которой строится образование общества, предполагает существование не общей «для всех» ценности, а ценности отдельной сингулярности, благодаря которой и формируется гармоническая общность (нельзя же устраниТЬ незаменимый элемент, если он часть структуры со-общения).

Для сохранения себя в структуре множественной гармонии индивиду необходимо использовать практики по принятию и усилению потенциала уникальности в личностном бытии и формированию диалогового со-общения с другой сингулярностью по модусу общения с самим собой. Формирование данных практик позволяет каждому человеку проявлять и сохранять свою онтологическую сущность в условиях тоталитарного захвата со стороны процессов типизации, гомогенности и заместимости, присущих миру и обществу.

Н.О. Солдатова, Ш.Р.М. Хусиен

1.4. Цифровое поведение как образ жизни в современном мире и мире будущего

*«В начале любых отношений появляются чувства,
а в конце – мораль»¹*

Наблюдая за стремительным развитием и интеграцией информационных и коммуникационных технологий в социальные структуры и механизмы управления городами и странами, мы можем заметить, что

¹ Нагиб Махфуз, египетский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1988 года. [Электронный источник] URL: <https://www.hekams.com/?id=19146>.

современные процессы трансформации в технологической, социальной, экономической, политической и экологической сферах становятся причиной возобновления интереса к феномену идеального государства, в новом прочтении получившим название «умный город». Однако недостаточно только выводить на качественно новый, высоко технологичный уровень уже сформировавшиеся и существующие практики человека, общества стран и государств. Уделяя значительное внимание постоянно обновляющимся внешним условиям жизни современного человека, необходимо, прежде всего, переработать его морально-нравственные ориентиры в рамках новой цифровой среды жизни и коммуникации.

Цифровое поведение человека – новый вид поведения человека современности и будущего, которое требует специального изучения, философского многостороннего осмысления, выделения и последующего анализа его логико-категориальных характеристик, построения ориентировочных поведенческих моделей, формирования и развития отдельных цифровых поведенческих паттернов человека.

Время и пространство, мир естественных объектов (включая, прежде всего, самого человека) и мир искусственных объектов – четыре составляющих умного города. Именно морально-нравственные ориентиры человека способны адекватно и гармонично объединить эти четыре компоненты в одну единую сверхсистему, что является целью любого общества.

Со временем в связи с цифровизацией должна быть изменена не только внешняя «оболочка», устройство городов как жилых пространств, сетей коммуникаций и пр. путем добавления, расширения цифровых измерений, увеличения цифровых уровней, изменения качества жизни человека и общества. Для граждан новых умных городов должна состояться, сложиться совершенно новая структура, уникальная система смешения виртуального и реального, наполненная новыми объектами живой и неживой природы. Как сопутствующие, будут идти процессы изменения самих времени и пространства, поэтому, очевидно,

что должен будет поменяться и сам человек: его образ жизни, социальная стратификация, отношения между людьми, политический уклад, экономическая система и т. п.

Цифровизация современного мира: слияние реальностей

Мир начал жить в тени цифровой революции со второй половины двадцатого века до третьего десятилетия двадцать первого века. С начала этой революции ее развитие стало быстрым и всеохватным, обеспечив беспрецедентные в истории человечества возможности для сверхскоростной передачи информации, способности общаться на больших расстояниях и выполнять задачи, которые были недоступны ранее. Однако эти преобразующие действительность события имели для людей негативные последствия, которые никто не может отрицать.

С началом быстрого развития технологий и, следовательно, общества, в начале двадцатого века страны быстрыми темпами перешли от сельскохозяйственных форм производства к индустриальным. Возникшее на этом фоне индустриальное общество далее было быстро преобразовано в постиндустриальное, которое позже будет известно, как информационное общество. Изменение оснований и принципов современного процесса производства, переориентация его на тотальную технологизацию и информатизацию, влечет за собой изменение и перестройку всей социальной структуры. Человек снова вынужден искать собственное место в новой нарождающейся системе, все более отступая от приоритетных и естественных позиций.

В информационном обществе главные роли и основные действующие лица изменились: постепенно техника и технологии приобрели большее значение, чем люди, со временем подбравшись к информации и университетам, где революция в области знаний и формирование новых социальных форм влияют на функционирование социальных отношений способами, не существовавшими ранее.

Принадлежность к постиндустриальному или цифровому обществу больше не определяется собственностью, а измеряется знаниями.

Следовательно, с началом трансформации приоритета знания и информации, каналы их передачи и производства приобрели большее

значение. Университеты стали более весомыми, чем фабрики и компании, став важными местами встречи, обмена, а также источниками знаний и информационных технологий, в которых было больше возможностей учиться и постоянно обновлять полученные ранее знания.

Информационная сфера стала похожа на область изучения медицины, в которой каждый день происходят обновления, увеличивается точность исследований и данных, возникают все новые техники и практики. Члены сообщества должны следить за этими процессами и быть в курсе нововведений, чтобы использовать эти обновления в своей социальной жизни, в особенности, в своей работе и различных видах деятельности.

«Превратившись в настоящую культурно-историческую силу, инфокоммуникативные технологии оказались способными трансформировать не только параметры социокультурного развития, но и человеческую самость. Новейшие формы передачи информации, способы и средства коммуникации, вплетенные в повседневную обыденность, непосредственно и опосредованно задают новые модели поведения, формируют интересы и предпочтения, ценностные и мировоззренческие установки, модифицируя в конечном счете и самого человека, и его идентичность»¹, – делает вывод в своих исследованиях Л.Н. Соловьева.

Слово «цифровой» в современном мире стало привычным после цифровой революции и произошло от слова «цифра», что означает, что цифровая революция была основана на математических науках. Из-за этой цифровой революции большая часть человеческой жизни и деятельности перешла в цифровое или виртуальное пространство при условии быстрого развития компьютерных устройств и технологий. Так, например, мобильные телефоны сегодня оказывают огромное влияние на социальную жизнь людей, их привычки и поведение таким образом, что их жизнь никогда раньше не испытывала.

¹ Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. 2018. №12(56). – С. 40.

При пристальном философском анализе состояния современного общества, мы можем заметить, что изменениям подлежат все сферы жизни человека. В реальности современного цифрового мира появились новые тенденции в использовании информационных технологий и, как следствие, проблемы и опасности в использовании новых средств связи из-за потенциала их применения в сфере киберпреступности, таких как манипулирование и уничтожение персональной информации.

Еще одной опасностью современного цифрового мира является потеря классических образцов поведения, передаваемых из поколения в поколение при традиционной социализации. В ситуации растворения образцов поведения утрачивается чувство идентичности, а «на место целостности и полноты личности приходят отчаяние, изоляция, смешение ролей, тревога и страхи» подмечает В.И. Пузько¹.

Необходимость формирования новых морально-нравственных маркеров человека в новом гибридном пространстве

Поскольку цифровая революция является началом трансформации человеческих знаний, было бы естественно, что она сопровождалась столь же масштабным развитием этики и морали, и, в частности, цифровой этики, используемой в цифровом мире.

Эра новой потребительской этики началась с тирании телевизионных экранов, наполненных рекламой, которая влияет на решения о покупке товаров первой необходимости или многих из них, которые не нужны, посредством быстрых, многоократно повторяющихся эмоциональных сообщений, воздействующих на чувства получателя. С развитием технологий экраны перестали присутствовать в каждом доме и стали присутствовать в каждой руке. Ноутбуки и мобильные телефоны доступны в изобилии и оснащены превосходными конкурирующими

¹ Пузько В.И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации // Философия и общество. 2007. № 4. С. 98-113.

технологиями с точки зрения простоты и удобства работы для пользователя, а также качества звука и изображения, что обеспечивает потребителю легкость принятия решения о покупке.

Частые покупки пользователей в эпоху экрана не ограничивались только покупкой продуктов, включая товары и услуги, но также были покупкой идей и мнений, а также способом тратить время, как и деньги.

Влияние на эмоции и их обильное потребление в эпоху цифровых технологий привело к тому, что у людей больше не хватает терпения мыслить критически или логически в любой ситуации или при взаимодействии с вещами, которые им предоставляются. Совершение покупки, как желанной, так и нежелательной, уже не занимает много времени (да, нежелательных покупок стало гораздо больше). Желание иметь вещь или эмоцию сегодня может возникнуть из-за страха только перед ее недостижимостью, мимолетностью, даже если человек изначально ее не желает.

Как замечает А.А. Гусейнов: «...в наше онаученное время реальная нравственная жизнь протекает без прямого участия науки этики»¹, указывая нам на тот факт, что в современном обществе, являющемся сложно-организованным и деперсонализированным, сумма профессионально-деловых качеств индивидов мало зависит от личностных моральных добродетелей человека.

Отсутствие практической этики, основанной на истинном традиционном социальном общении в традиционном смысле этого слова, и появление социальной этики в современных социальных сетях, которая сама по себе является скорее пропагандой, нереальной и во многих случаях можно сказать, что совершенно неэтичной, привело к ухудшению общественных отношений в действительности.

В эпоху экранов развлечения стали более обширной концепцией, поскольку взрослым и детям стало легко обмениваться забавными или

¹ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Вестник московского университета. Серия 7: Философия. 2001. – С. 6.

даже соблазнительными и порнографическими клипами или картинками, чтобы почувствовать себя независимыми и завоевать восхищение, что со временем привело к негативным последствиям на поле морали и этики, поскольку дело не ограничивалось только обменом мнениями и идеями. Возникает девиантный интерес у современных людей участвовать в этих новых развлечениях лично, чтобы собрать больше просмотров в социальных сетях. Мораль стала не критерием того, что пользователи говорят или представляют в Интернете и социальных сетях, а скорее стандартом количества просмотров, которые получит отображаемое, что, в свою очередь, повышает чувство социальной признанности человека среди членов общества (количество просмотров или количество подписчиков – один из важнейших, если не самый важный, из современных источников счастья для новых потребителей).

Пользователей технологий в эпоху экрана мы можем назвать одновременно потребителями и производителями нужных или ненужных мнений и контента, но важно то, что они получают просмотры и эмоциональную поддержку в виде комментариев, поощрительных мнений, и эмоциональных реакций. Сеть Интернет наполняется все большим количеством общественного контента. Человек, потребляя этот контент, все чаще вовлекается в его производство и воспроизведение (поделиться или переслать небольшой объем информации, например, пост), в производство эмоций (поставить эмоджи – оценку) так, что граница между производителем и потребителем цифрового контента сегодня стирается, и на его фоне возникает феномен цифрового просьюмеризма.¹

Таким образом, сегодня речь может идти не об одном будущем человечества, а, скорее, о бесконечных возможностях позитивного изменения мира, векторах развития будущего. Эта идея родилась не с зарождением футуристических исследований, а возникла в современной

¹ См. об этом, напр., Bruns, Axel. Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Prod Usage, by Peter Lang. 2008 - Art - 418 p.

научной литературе в конце шестидесятых годов двадцатого века, когда в Британии появился первый футуристический научный журнал. Скорее, озабоченность будущим восходит к трем тысячам лет до нашей эры, к временам сивилл и пророков, затем к священникам и, наконец, к ученым. Так что мы читаем у Дженинфер М. Гидли в ее книге по истории идей о будущем: «Идеями будущего вдохновлялись пророки, их предсказывали священники, их воображали, и они распространялись, их боялись, люди разрабатывали стратегии и воплощали их»¹. Мы действительно можем проследить точную историю зарождения идей о будущем и их наиболее важные крупные трансформации, так что идея будущего восходит к зороастрийской религии (около 628 г. до н. э.), затем к идее справедливой республики, основанной Платоном на утопическом видении города (380 г. до н. э.), за ним следует «Град Божий» святого Августина (426 г. н. э.), а в 1378 году н. э. Ибн Халдун представляет новую теорию социальных перемен, и в 1602 году нашей эры появляется «Город Солнца» Кампанеллы, затем книга Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида», датированная 1627 годом нашей эры. Он представлял собой промышленную революцию, научную революцию, эпоху Просвещения и современные революции. Различные воплощения возможного будущего, в дополнение к основным философским книгам, таким как «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо (1762 г. н. э.) и «Критика чистого разума» И. Канта (1781 г. н. э.), привели к возникновению футуризма в отношении мечты о завоевании космоса, как в фильме «Космическая одиссея» (2001 г. н. э.) или в фильме «Матрица».

Необходимо поставить вопрос об основаниях любой из выше перечисленных концепций будущего. Что выбрать в качестве элемента незыблемого базиса общества и государства будущего, новой социальной структуры, способной преодолеть изъяны прошлого? Где можно отыскать этот первоэлемент всемирного баланса? и как затем установить этот баланс?

¹ Gidley, J. The Future: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2017 – Р. 124.

Принцип справедливости идеального государства Платона и его аналоги как важнейший ориентир для гражданина

В качестве одного из примеров идеального, добродетельного города, мы можем взять учение о государстве Платона. В центре внимания его книги «Государство» стремление к тому, чтобы в качестве основ политики были установлены этические рамки. Политика для него была наукой, определяющей общие смыслы, гарантирующие счастье людей¹.

Подобно тому, как мораль по Платону была сущностью личности, государство, по Платону, занимала более высокий статус, чем единственный гражданин, и выбор его лидеров должен был основываться на их превосходстве в философии и войне. «Король-философ» – справедливый лидер такого государства. Поэтому мы находим, что он разделил общество на три класса: класс правителей (философов), который соответствует разумной душе; класс стражей (солдат), соответствующий гневливой (яростной) душе; и класс рабочих (ремесленников), соответствующий страстной душе.

Данная концепция была известна в западной цивилизации как «Утопия» – понятие, происходящее от греческого слова U-Topos, обозначающее место, которого не существует или которого нет нигде.

Вполне вероятно, что идея добродетельного города даже предшествовала добродетельному городу Платона, поскольку все религии, социальные и политические образования всегда стремились утвердить идею подобного города и государства справедливости, в котором каждый может сосуществовать в мире и процветании.

Платон считал, что образование играет решающую роль в установлении справедливого государства, и излагал свою позицию с точки зрения правителя, а не с точки зрения посредственного гражданина. Образование, по мнению Платона, – это работа, за которую отвечает

¹ Платон Государство // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древне-греч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 97-494.

государство, и его цель – заставить людей обучаться по своей специализации, согласно своему предназначению и талантам, поскольку человек является частью целого общества.

Такая жесткая стратификация и значительная роль образования, находящегося под контролем государства, были необходимы для исправления неправильных методов, реализуемых в обществе, и поэтому это первая роль государства, которая несет ответственность за образование.

Платон писал, что правители государства должны строить свое отношение к гражданам на моральной основе, поэтому им необходимо было сначала получить знания, которые позволили бы им понять эту основу. Если это укоренилось в их умах и стало пищей для их разума и их суверенитета, им было необходимо обучать этим знаниям и навыкам других жителей города.

Поэтому перед нами стоит два выбора: либо философ – правитель, либо правитель – образованный философ, и он – истинный правитель, умеющий привести людей к счастью, любящий истину и справедливость, отличающийся мужеством.

Одно из критических замечаний в адрес добродетельного города Платона заключается в том, что он призывал к своеобразной форме коммунизма среди класса правителей и стражников и отвергал идею частной собственности. Они не должны были иметь деньги или владеть домами, полями или золотом; в противном случае они превратились бы из стражей и правителей в класс ремесленников, рабочих и купцов. Идеальное государство Платона – это его желанный город, где он представляет собой контроль разумной власти.

Среди критических замечаний в адрес Платона один писатель в саркастической манере описал добродетельный город Платона, который, тем не менее, содержал изрядную долю правды. Он сказал: «Республика Платона состоит из служащих, воинов, ремесленников, рабов и женщин, но не из людей»¹.

¹ Писарев Д. И. Идеализм Платона. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1955. – с. 68–69.

Отметим, что одним из первых мусульманских философов, на которых оказало влияние идеи Платона об идеальном государстве, был Аль-Фараби. В одном из своих знаменитых трактатов «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» он изложил свои взгляды на добродетельный город в исламском смысле, свой интерес к политической системе правления и свою озабоченность созданием идеального города для объединения исламской нации после ослабления Аббасидского халифата, возникновение в это время мини-государств с различными религиозными тенденциями и возникновение политических разногласий среди исламских сект¹.

Согласно разделению обществ Аль-Фараби, существуют: полные общества, соответствующие городам, которые представляют собой структуры из уровней. Первые уровни совершенства человеческих сообществ называются наименьшими обществами, затем средними обществами (нациями) и, наконец, великими обществами, которые являются идеальными обществами во всем мире; неполные сообщества, которые представляют собой небольшие деревни и человеческие собрания меньшего размера, чем город, например, дома и домашние собрания.

«Аль-Фараби сравнивает добродетельный город со здоровым и совершенным телом. Подобно тому, как каждый член тела специализируется на выполнении определенной работы, все его члены сотрудничают для достижения одной цели, которая состоит в том, чтобы создать и поддерживать полноценную жизнь и сотрудничать в делах, посредством которых достигается счастье. Эта конечная цель не будет достигнута, если каждый житель города не будет иметь определенную работу и не будет выполнять ее до совершенства»².

Аль-Фараби делит жителей своего добродетельного города на части: мудрые и разумные люди, такие как философы и священнослужители; проповедники, поэты, композиторы, писатели и им подобные;

¹ Ал-Фараби Трактат о взглядах жителей добродетельного города // Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. – 185 с.

² Corbin H. History of Islamic Philosophy. Kegan Paul International, 1993. – Р. 251.

бухгалтеры, врачи, астрологи; воины и охранники; торговцы, фермеры и производители.

Главой города является первый государь, который лучше всех знает сущность и природу народа и способен расставить каждого на соответствующем его специальности месте.

Среди характеристик жителей добродетельного города можно указать знания и мораль, а его столпами являются умеренность, любовь и справедливость, благодаря которым происходит социальное сплочение. Жители добродетельного города должны обладать знаниями об общих вещах, таких как знание о Творце вселенной, который является причиной всего сущего, и знание о правителе (по мнению Фараби, Пророка Мухаммеда, мир ему) и всех тех, кто следует за ним в руководстве города. Добротель и есть попытка примирить откровение и философию, то есть небесное знание и разумное знание.

Среди хадисов о Пророке Мухаммаде, мир ему, есть его высказывание: «Я был послан только для совершенствования нравственности». А в повествовании: «Я послан только для совершенствования добрых нравов»¹.

Положение правителя определяется в свете органического представления о добродетельном городе, и Аль-Фараби уподобляет его совершенному, здоровому телу, в котором все его члены сотрудничают, чтобы сохранить жизнь существа, так что каждый член выполняет определенную и предопределенную для него роль, так что дефект, постигающий любого члена, причиняет ущерб и вред остальным частям. Главным органом в организме является сердце, и все органы служат ему. Так же обстоит дело и в добродетельном городе, где глава города является сердцем, а затем за ним следуют подданные и подчиненные ему люди².

¹ Энциклопедия хадисов [Электронный ресурс] – URL: <https://dorar.net/hadith/sharh/113995>.

² См. об этом: Платон в исламе, под редакцией доктора Абдула Рахмана Бадави [Электронный ресурс] – URL: https://archive.org/details/salafisalafisalafisalafi_gmail_201812.

Система правления Аль-Фараби представляет собой абсолютную монархию, но законную, а не авторитарную, а добродетельный город является противоположностью невежественных, аморальных, ошибочных или изменчивых городов, которые не знают истинного счастья.

Мы видим из сказанного выше, что добродетельный город Платона следует аристократическому учению, противоречащему демократии Афин, так как он считает, что вмешательство большинства в управление вызывает хаос, подобно тому, как правители, по Платону, должны быть философами.

Что касается Аль-Фараби, то он видел, что смыслы Платоновской республики были обобщены в философе-государе, и он считал, что люди были объединены необходимостью; в то время как действительно добродетельный город должен быть основан на иной форме добродетели, а его правитель должен отличаться всеми добродетелями на самом высоком уровне.

Философский анализ ценностей и норм поведения граждан умного города

Современная идея «умного города» имеет нечто общее с концептом «справедливого города» в том, что оба города, прежде всего, стремятся достичь человеческого счастья и гармонии, но «умный город» отличается тем, что его дизайн и современные технологии, используемые в нем, включают программы, которые способны оказать помощь в организации устойчивого развития (социального, экономического, политического и др.), уменьшении загрязнения и заботе об окружающей среде. Умный город более способен реализовать то, что в прежние времена было воображаемым. При проектировании добродетельного города в прошлые эпохи философов Платона, Аль-Фараби и других устойчивость являлась важной основой их развития и улучшения качества жизни людей.

Термин «умный город», или «интеллектуальный город», несколько странный. Древние философы привыкли к идеи, что интеллект, или сила логики и разума, свойственен только классу мудрецов и

царей-философов. Что касается интеллекта, предназначенного для города с его компонентами, и что интеллект является искусственным, то это что-то незнакомое в прошлом и непонятное, но в наше время многие технологии, программное обеспечение и приложения стали «умными» и связаны друг с другом через Интернет. Этот новый феномен носит название Интернет вещей (англ. Internet of Things, IoT). Существуют приложения глобального позиционирования GPS и блокчейн (принцип передачи информации, основанный на определенной и уникальной последовательности блоков цепочки передачи данных), с помощью которых можно контролировать новые цифровые валюты и использовать их в современных технологиях, создавая более безопасные системы для отслеживания финансовых транзакций в новых цифровых обществах.

Умный город сегодня использует новые технологии с огромным объемом данных, их анализом и прогнозированием, что дает реальную возможность реализации современных выдающихся услуг и роскошной жизни, которая, в свою очередь, заставляет людей чувствовать себя счастливыми. Это цель, которую философи искали в своих мечтах о лучшей жизни в добродетельном городе. Однако за подобную возможность благосостояния в умном городе мы платим другую цену.

Тотальный сбор и обработка всевозможной информации о людях сегодня позволяет технологиям знать большой объем наших данных, таких как состояние здоровья, возраст, семейные, родственные и рабочие связи, наши любимые вещи, пароли, историю покупок и поиска, предпочтения и бесчисленное множество других фрагментов информации, которые мы иногда используем для нашего удобства. А затем эти данные используются против нас умными приложениями и технологиями под предлогом того, что они ищут нашего комфорта и помогают нам выбирать одним нажатием пальца на кнопку.

Счастье, которое мы ищем, стало комфортом в образе жизни, выполняя гораздо меньше процедур и используя множество умных машин и приложений для выполнения работы, подобной той, которую выполняли простые рабочие и торговцы в добродетельном городе Платона.

И мы превратились, будь мы современными философами и правителями, стражами или рабочими и торговцами, в потребителей. Мы все превратились. Для нас, потребителей, например, решения информационной системы влияют на наши предпочтения, наш выбор, наш досуг, наши покупки важных или неважных продуктов, полезных или вредных вещей. Важно то, что это влияние на нас при принятии решений о покупке, в основном является решениями под эмоциональным влиянием и не имеет этических стандартов в процессе покупки и продажи.

Широкое использование информационных и коммуникационных технологий привело к быстрому генерированию и сбору данных, и это хорошо и полезно для умных городов, даже если мы живем в идеальном мире. Но на самом деле эти данные важны для жителей города и важны для бизнесменов и политиков. Это нужно каждому, чтобы расширить свои знания о населении и добиться больших успехов. Для населения знание информации является утешением или развлечением и сделает его счастливее. Для политиков это инструмент, позволяющий использовать свою власть для наблюдения за населением и получения его поддержки в случае необходимости. Для бизнесменов данные о населении превращаются в финансовую выгоду, превращая их в потенциальных клиентов и потребителей.

Однако, с другой стороны, сбор данных помогает умным городам прогнозировать преступления, собирая географические данные о населении с точки зрения места жительства, региона, а также демографические данные о возрасте населения, работе, тенденциях и т. д., и это полезно для того, чтобы люди относились к этому беспристрастно.

Если справедливость является желаемой добродетелью в добродетельном городе Платона, Аль-Фараби и других древних философов, то мы полагаем, что самоконтроль будет идеальной добродетелью, которую должны воспитывать жители умного города. Сбор данных и их использование правительствами, бизнесменами и самими жителями создает конфиденциальность жизни для людей невозможной, и мы вступим в эпоху прозрачности информации, где не будет места прошлым

концепциям, к которым мы привыкли и о которых читали в прошлом. Поэтому добродетель наблюдения (наблюдение за собой, а не наблюдение за другими) является высокой степенью суфизма в исламе и называется ихсан, что означает поклонение Богу так, как если бы человек видел Его. Люди Его не видят, но Он видит всех людей.

Актуализация добродетели самонаблюдения и самоконтроля будет в значительной степени способствовать здоровому существованию людей в умных городах в будущем. Не нужно искать справедливости и призывать к ней, так как это несет несправедливость. Что же касается самоконтроля, то он иссушает несправедливость от ее источников, потому что, если человек будет следить за собой, он не будет несправедлив по отношению к себе, а если он не будет причинять вред самому себе, он не будет несправедлив по отношению к другим, и поэтому справедливость будет достигаться естественным путем после достижения добродетели доброжелательности.

Добродетель самоконтроля и доброжелательности в «умном городе» является альтернативой добродетели справедливости в «Государстве» Платона.

Цифровое поведение как фактор коммуникации и образ жизни в современном мире и мире будущего

Аристотель в своих работах интересовался выводом уравнения риторики, которое помогает убедить оратору другого человека или группу людей. Основы этой темы он заложил в треугольнике, который назвал треугольником риторики или треугольником убеждения. Он состоит из следующих трех вершин:

- Этос, то есть авторитет говорящего или его личности;
- Пафос, то есть эмоциональная связь со зрителем; и
- Логос, который является логической аргументацией¹.

Эти три элемента являются основой убедительности любого публичного выступления или представления общей идеи публике.

¹ Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2005. С. 5–165.

В разные эпохи его использовали ораторы, проповедники, политики и лидеры, и он состоял из разных соотношений для трех вершин или сторон, каждая величиной по своим возможностям, желанию и умению сообщать желаемое.

В начале двадцать первого века, с появлением новых социальных сетей и использованием современных технологий в виртуальном пространстве мира Интернета, больше внимания уделялось использованию элемента эмоционального общения, Пафоса, именно он прежде остальных элементов шел в расход. Этос, или авторитет морали, больше не использовался и не упоминался. Вернее, он превратился в некий логотип в логике, нечто вовсе нематериальное, и это произошло так, как если бы между пользователями социальных сетей и принимающей общественностью существовало необъявленное соглашение, будто бы они согласились на этот контракт без какого-либо предварительного предупреждения. И это в некоторой степени нормально, поскольку отправитель и получатель в социальных сетях являются одним целым одновременно, поэтому отправитель послания стал подобен правителю и проповеднику.

Что необходимо в умном городе и городах будущего – это более широкое использование элемента нравственного характера (Этоса) с его метаруководством со стороны элемента Логоса и рационализация элемента Пафоса с целью его меньшего использования до тех пор, пока мы не достигнем желаемого социального уровня баланса, и после этого мы снова сможем начать использовать эмоциональное общение, но в объеме, не превышающем порядка 10%. Моральный элемент обусловлен важностью и значимостью нравственности и ответственности, и приверженностью ему в новых умных городах, которые содержат множество современных технологий и приложений, которые необходимо оценивать и программировать на основе моральной подготовки, а не эмоций¹. Точно так же людям нужна эта подготовка, чтобы быть более

¹ См., наприм., об этом подробнее: *Howells, Lawrence. Understanding Your Emotions: CBT for Everyday Emotions and Common Mental Health Problems.* – Routledge; 1st edition. – 240 p.

продуктивными, адекватными, ответственными и заслуживающими доверия. Люди способны играть роль новых философов и правителей по отношению к технологиям и искусенному интеллекту в новых умных городах, которых не существовало во времена Аристотеля или даже в утопическом городе Платона.

Исследователи Тюменского университета также пишут о необходимости трансформации этических ценностей в условиях развития цифровых технологий: «Помимо академического осмысления этики в информационном пространстве, необходимо усиление прикладного характера этики, чтобы помочь обществу и человеку обрести осознанность новой среды»¹. Важно, чтобы подобный пересмотр этики шел через образование: «Система образования может занять ведущую позицию в решении этого вопроса. Образование по своей сущности должно опережать техническое развитие и предвидеть возможные стратегии развития последствий научных инноваций»². В случае, если мы сумеем объединить образовательные традиции и технологии с культурой, то это позволит сохранить ценность этических учений поколений будущего информационного общества.

В заключение стоит еще раз обратить внимание на существенную связь между различными философскими теориями, раскрывающими суть идей и сами представления того времени об идеальном состоянии города-государства, – это время и воля к добродетельности. «Государство» Платона, идеи о гармоничном государстве Аль-Фараби, «Град Божий» святого Августина, «Утопия» Томаса Мора, «умный город» и представления о городе будущего, а также теории многих других были созданы в различные эпохи и в разных странах, но они объединены

¹ Осинцева Н.В., Муратова И. А. Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. – С. 174.

² Burmaga S.V. Communication Potential of Information Technologies in Global Educational Space [Электронный ресурс] – URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/16875/12_Burmaga.pdf;jsessionid=03C1203191926CB234CA0C56B6DE4742?sequence=1.

временем: настоящим, из которого автор, обозревая всю реальность, включая прошлое, строит концепт мира/государства/города будущего. С другой стороны, именно настоящее время дает уникальную возможность составить систему морально-нравственных ориентиров для человека и общества. Воля к добродетельности может помочь построить такую мораль (формулу морали) в настоящем, которую затем можно будет использовать на все времена и все культуры, – навечно.

Человеку даны три времени: прошлое, настоящее и будущее. Живя в настоящем и обретая опыт, мы учимся у прошлого. Наши творческие, креативные способности помогают нам из настоящего заглянуть в будущее. Человек ощущает внутреннюю и внешнюю гармонию, когда каждую минуту и каждую секунду способен осознать то, что было до, есть и будет, – это самое главное чувство для любого человека, не только королей и правителей, это чувство Создателя, потому что будущее, настоящее и прошлое для Него уже состоялись (уже были). Мы можем сказать, что самое естественное чувство для человека – это ощущение настоящего: постоянно осознавать и анализировать свои мысли и дела в перспективе будущего. Любой шаг в настоящем – это уже часть будущего, само будущее через секунду, которое тут же превращается в прошлое. Поэтому настоящее время – это время создателей, это время вечной жизни.

Важным также является условие, чтобы делать что-либо в настоящее время с ощущением или знанием того, что это останется навечно, навсегда. Так, например, древние египтяне строили пирамиды в их настоящем времени, но как будто они будут жить вечно. Они верили, что человеческая жизнь продолжится в будущем, что душа человека вечна. Также они чувствовали и знали, что эти гробницы, тела и пр. будут необходимы в будущем, – для этой вечности будущего. Поэтому столь удивительны эти сооружения сегодня.

Если люди будут делать вещи, строить сооружения и города и т. д., – делать любой шаг в настоящем для будущего и навсегда, значит они будут жить не только во время их физической жизни, но и дальше, во времена жизни их души.

Настоящее время – это время, которое соединяет, не только прошлое и будущее, но осуществляет коммуникацию между людьми и между людьми и современными технологиями (роботами, искусственным интеллектом или Интернет-технологиями и т. п.). У всего созданного человеком, есть их история и их прошлое, есть их будущее, но они знают и отзываются только на наши приказы всегда и только в настоящем, не опосредованно временем, даже если мы программируем их для будущего.

С другой стороны, настоящее трансформирует и формирует будущее. Понимая будущее, как виртуальное, как набор событий или явлений, присутствующих в настоящем виртуально, мы можем утверждать, что только настоящее время способно посредством процессов сознания и производства перевести эти виртуальные идеи, мечты или цели в реальное, в настоящее.

Конструируя сегодня формулы будущего цифрового поведения человека в умных городах, основанного на этике, самоконтроле и ответственности, мы сможем обрести желанную гармонию в будущем, искомую многими философами и мыслителями.

Е.М. Николаева, Н.С. Колодько.

1.5. Искусственный интеллект как сложная адаптивная система: компромисс инноваций и контроля

Взаимодействие человека и искусственного интеллекта сегодня уже нельзя рассматривать через призму предметно-инструментальной логики. Современные системы ИИ часто демонстрируют субъектность в принятии решений, создании контента и даже в определении социокультурных явлений. Подобные метаморфозы заставляют нас искать

ответ на вопрос: является ли ИИ объектом, находящимся в поле управления человека, или он активно приобретает характеристики субъекта, способного к автономному поведению? На наш взгляд, ответ на этот вопрос может быть получен благодаря теоретическому и методологическому потенциалу теории сложности, в контексте которой ИИ интерпретируется как адаптивный, эмерджентный феномен, требующий гибких, разнообразных стратегий управления.

Процесс развития партнерства между людьми и системами искусственного интеллекта требует особого стиля управления, основанного на резонансе. Для успешного сотрудничества важно придерживаться целостного подхода к управлению, который включает технические ограничения, этические требования и правовое регулирование. Авторы приходят к выводу, что данный подход направлен на создание новых форм эффективного взаимодействия, которые позволяют человеку сохранять и развивать собственную субъектность с помощью искусственного интеллекта.

Современные достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) уже нельзя воспринимать лишь как набор технологических инструментов – они меняют саму структуру цифрового мира. От языковых моделей вроде GPT-4 и Gemini до генеративных алгоритмов MidJourney и Stable Diffusion нейросети вышли за рамки простых автоматизированных систем и теперь способны не только анализировать данные, но и порождать контент, решения, а порой и неожиданные формы поведения.

Однако, чем сложнее становится ИИ, тем больше возникает вопросов о его управляемости. Возможна ли эффективная координация столь динамичной системы? Как минимизировать риски, не подавляя инновации? Эти вопросы уже не могут решаться традиционными методами программирования – они требуют обращения к принципам теории сложности.

В настоящем исследовании в качестве общенаучных эвристических регулятивов выступают метод идеализации, анализа и синтеза,

конкретизации и абстрагирования. В качестве теоретико-методологического основания исследования выступает общая теория сложности и самоорганизации. Важное значение для данного исследования имеют работы Э. Морена¹, Г. Хакена², И. Пригожина³, представляющие общеориентированную базу. Проблемное поле их исследований концентрируется вокруг понятия «сложность», ориентируется на познание его природы, принципов его организации и эволюции.

Главным методологическим принципом является самоорганизация. Под ней понимается способность системы самостоятельно выстраивать свою внутреннюю структуру, реагируя на изменения во внешнем мире и одновременно внося изменения в свое окружение. Самоорганизация позволяет системе адаптироваться к изменяющейся среде, принимать нестандартные решения. В этой статье мы рассмотрим ключевые аспекты управления ИИ через три концепции теории сложности:

Сложные адаптивные системы: нейросетевые алгоритмы, способные эволюционировать и формировать собственные модели взаимодействия посредством выстраивания обратных связей.

Диахроническая эмерджентность: способность ИИ выдавать непрогнозируемые результаты, не заложенные в исходные алгоритмы, но возникающие в процессе долгосрочного самообучения.

¹ Morin E. Les sept savoirs nécessaires à l'éducation du future. Paris: Seuil, 2000. - 160 p.;

Morin E. L'humanité de l'humanité: l'identité humaine. La méthode - Tome 5. Paris: Seuil, 2001. - 304 p.; Morin E. Le complexus, ce qui est tissé ensemble. in Réda Benkirane (dir.), La Complexité, vertiges et promesses. Dix-huit histoires de sciences. Paris: Poche-Le Pommier, 2002. - 420 p.; Morin E. La méthode, La vie de la vie. Tome 2: La Vie de la vie. - Paris: Editions du Seuil, 2013. - 814 p.

² Haken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems. Berlin: Springer Series in Synergetics, 2000. - 222 p.; Haken H. Synergetic Computers and Cognition: A Top-Down Approach to Neural Nets. Berlin: Springer & Business Media, 2004. - 245 p.

³ Prigogine I., Stengers I. Order Out of Chaos Man's New Dialogue with Nature. London- New York: Verso Books, 2018. - 384 p.

Закон необходимого разнообразия (У.Р.Эшби): принцип, согласно которому сложность управляемой системы требует аналогично сложного механизма контроля.

Эти идеи позволяют не только осознать природу современного ИИ, но и найти пути к тому, чтобы технологии оставались полезными, предсказуемыми и, самое главное, контролируемыми.

Современные нейросетевые модели далеко ушли от жёстких алгоритмов прошлого. Их ключевой особенностью стало самообучение и способность находить закономерности, не заложенные в исходный код. Например, трансформные архитектуры, лежащие в основе GPT-4, позволяют системам анализировать контекст и выделять важные элементы информации динамически. Это объясняет, почему одна и та же модель может генерировать текст, писать код, давать рекомендации и даже разрабатывать научные гипотезы¹. Другой важный аспект – способность нейросетей к нелинейной адаптации. Малейшие изменения входных данных могут приводить к масштабным сдвигам в поведении модели. В 2023 году один из алгоритмов Amazon неожиданно начал дискриминировать женщин при отборе резюме, хотя изначально его обучали на «объективных» данных. Этот пример показывает, как скрытые паттерны могут формироваться без явного вмешательства разработчиков.

Традиционные представления об ИИ подразумевают, что он предсказуем. Но эмерджентные свойства современных моделей говорят об обратном. Возьмём, к примеру, генеративные нейросети для визуального контента. Midjourney, обученный на миллионах изображений, не просто комбинирует стили, - он способен создавать уникальные художественные концепции, которые могли бы принадлежать реальным авторам.

Современные системы ИИ подтверждают наличие эмерджентных эффектов стохастического порядка:

¹ OpenAI. GPT-4 Technical Report, 2023. URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (дата обращения: 14.06.2025).

ChatGPT и GPT-4: несмотря на заранее заданные алгоритмы, модели порой генерируют ответы, включающие оригинальные синтезированные идеи, или наоборот, ошибочные сведения, что обусловлено высокой сложностью их внутренних взаимосвязей.

Генеративные модели визуального контента: инструменты, такие как Midjourney, демонстрируют способность создавать уникальные художественные образы, выходящие за рамки возможностей, которые предоставляют исходные обучающие данные.

Автономные системы: современные роботы Boston Dynamics и беспилотные автомобили, оснащённые передовыми нейропроцессорами, демонстрируют адаптивное поведение при встрече с нештатными ситуациями (например, интерпретация изменяющихся дорожных условий в системах Waymo).

В терминах теории сложности подобные ситуации можно интерпретировать как способность ИИ демонстрировать свойства непредсказуемости, принимать решения самостоятельно, проявлять тем самым свойства эмерджентности. Это свойство является результатом взаимодействия множества элементов системы и ее окружения, при этом оказывается несводимым к сумме свойств этих элементов.

Даже узкоспециализированные системы (например, алгоритмы распознавания лиц) могут проявлять эмерджентные свойства, если их обучающие данные содержат скрытые предвзятости. В то же время гипотетический генеральный ИИ, способный к самосовершенствованию, представляет собой гораздо более сложную систему, требующую принципиально нового подхода к управлению¹.

ИИ как сложная система обладает свойством адаптивности, способностью встраиваться в окружающую среду, изменять ее под собственные цели. Адаптивность позволяет AI-системам быстро реагировать на изменяющуюся реальность, предлагать быстродействующие

¹ Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. etc. Attention is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – Т. 30. URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762> (дата обращения: 14.07.2025).

сложные инженерные решения, которые способны эффективно работать в различных средах. В этой связи ИИ демонстрирует тенденцию развития от менее сложных к более сложным и упорядоченным формам организации, выступая как сложная самоорганизующаяся система.

Можно утверждать, что мы являемся свидетелями и участниками нового этапа эволюции систем ИИ, где алгоритмы не просто выполняют заданные функции, а постоянно эволюционируют, учатся и сами находят способы обойти установленные правила. Современный искусственный интеллект все чаще работает не по шаблону «вход – программа – выход», а превращается в нечто гораздо более живое, непредсказуемое и, порой, даже бунтующее против ограничений, которые пытаются установить разработчики и пользователи.

В этой ситуации особенно актуальным с методологической точки зрения становится закон необходимого разнообразия, предложенный одним из основателей кибернетики У.Р. Эшби¹. Этот закон можно сравнить с принципом: «Чтобы управлять хаосом, нужна своя доза хаоса». Если ИИ способен анализировать миллионы сценариев и самостоятельно вырабатывать стратегии, то и система контроля за ним должна быть столь же гибкой и многообразной.

Когда-то в использовании ИИ все можно было свести к набору прозрачных правил, но современный ИИ – это совсем другая история. Например, Google в 2023 году ужесточила фильтры для своего чатбота Bard, но пользователи нашли лазейки и научились обходить ограничения, играючи манипулируя запросами. Это яркое свидетельство того, что жесткие запреты в мире, где господствует нелинейные зависимости и адаптация, просто не работают.

Социальные сети тоже не остаются в стороне от этих тенденций. Алгоритмы YouTube, TikTok и Instagram не просто выбирают контент, они создают целые «информационные пузырьки», в которых люди видят только то, что им нравится, а модераторы не успевают поймать

¹ Ashby W. R. An Introduction to Cybernetics. 1964. URL: <https://archive.org/details/introductiontocy00ashb> (дата обращения 14.07.2025).

новые, постоянно изменяющиеся модели поведения пользователей. То же самое происходит с фильтрами безопасности в ChatGPT: даже если запретить определенные темы, пользователи находят способ обойти блокировки, используя хитроумные формулировки.

Если нельзя ограничить ИИ жесткими рамками, то как сделать так, чтобы он работал на благо, а не против нас? Наиболее релевантным решением является адаптивное, гибкое регулирование. К примеру, автопилоты в автомобилях Waymo или Tesla, – они не следуют слепо заранее запрограммированным правилам, а динамически подстраиваются под быстро меняющуюся дорожную ситуацию. Если на пути возникает неожиданное препятствие, система не просто сигнализирует об ошибке, – она меняет маршрут, находя оптимальное решение. Аналогичным образом в мире финансов современные торговые алгоритмы сами корректируют пороги риска, если замечают аномальные колебания рынка. Здесь нет места жесткому «запрету» – только гибкая адаптация, позволяющая системе работать в условиях постоянно меняющейся реальности.

Но даже самые продвинутые автоматические системы не могут заменить человеческий контроль там, где ставки слишком высоки. В критически важных сферах, таких как медицина или военные технологии, человек остаётся последней управленческой инстанцией. Так, автономные дроны могут распознавать цели, но окончательное решение об их атаке всегда остаётся за оператором. И это правильно, ведь в некоторых случаях только человеческое мышление способно учесть все нюансы ситуации.

3. Проблема контроля над ИИ выходит за рамки инженерии. Это вопрос, который затрагивает и правовую, и этическую сферу. В разных странах уже принимаются законы, регулирующие использование ИИ. В ЕС, например, введён Закон об искусственном интеллекте, который

строго ограничивает применение систем массового наблюдения и социального скоринга¹. В США компании обязаны раскрывать принципы работы своих алгоритмов, чтобы пользователи понимали, почему им демонстрируется тот или иной контент. А в Китае контроль над ИИ настолько жесткий, что даже распознавание лиц находится под постоянным наблюдением.

В частности, компания Deepseek демонстрирует передовые методы адаптивного управления: китайские исследователи отмечают, что Deepseek внедряет систему динамического контроля, которая обеспечивает непрерывный мониторинг работы алгоритмов и оперативную коррекцию возникающих ошибок². Этот пример подчеркивает, что китайский подход сочетает строгий государственный надзор с внутренней инновационной политикой самоконтроля, способствуя балансу между безопасностью и технологическим прогрессом.

Однако, несмотря на все эти меры, процессы регулирования ИИ не успевают за стремительным развитием технологий. Чтобы решить эту проблему, необходимо не просто вводить новые законы, но и создавать международные стандарты, которые помогут выстроить баланс между инновациями и безопасностью. Обязательная сертификация ИИ-систем, объяснимость (прозрачность) алгоритмов и глобальное сотрудничество – вот ключевые инструменты для создания системы контроля, способной идти в ногу с прогрессом.

Самое парадоксальное в современном ИИ - чем больше мы пытаемся его ограничить, тем умнее он становится. В 2023 году, когда OpenAI установила жесткие фильтры для ChatGPT, пользователи вскоре обнаружили «jailbreak prompts», позволяющие обходить запреты. Это, как если бы вы закрыли дверь, а она сама начала находить

¹ Европарламент утвердил первый в мире закон об ИИ. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/03/14/evroparlament-utverdil-pervyj-v-mire-zakon-ob-ii.html>?ysclid = m8 a edd3f4710848829 (дата обращения: 15.07.2025).

² Zhang L. Control Mechanisms in Chinese AI Companies: A Case Study of Deepseek/ Journal of AI Research in China, 2022, c. 45–47.

способ открываться. Такой феномен, называемый адаптивной контрреакцией, наблюдается не только в чат-ботах, но и во всех областях, где применяется ИИ: в финансах, маркетинге, кибербезопасности. Вместо того чтобы пытаться «запереть» ИИ в рамках жестких ограничений, нужно создавать условия, в которых он сам будет сигнализировать о своих аномалиях и ошибках, позволяя разработчикам вовремя реагировать.

Таким образом, можно утверждать, что старые методы контроля ИИ устарели. Современный ИИ требует новых подходов, гибких, адаптивных и прозрачных. Жесткие запреты легко обходятся, а автоматизированные системы уже демонстрируют способность к самосовершенствованию, подстраиваясь под новые условия. Человеческий контроль остаётся критически важным, особенно в тех сферах, где речь идет о жизни и будущем человека.

С одной стороны, человек остаётся инициатором, задающим общую цель, но всё чаще именно ИИ предлагает способы её достижения. Вспомним историю с автономными автомобилями, где системы ИИ вынуждены выбирать между жизнью пассажиров и пешеходов. В этих дилеммах невозможно предсказать, какое решение окажется «правильным» - и тут в дело вступает наш собственный опыт и ценности. Ведь когда алгоритм начинает принимать решения без участия человека, мы рискуем утратить контроль над собственной жизнью.

В современном мире вопросы ответственности становятся особенно острыми: если автомобиль, управляемый ИИ, совершает аварию, кто виноват? Производитель, программист или сам пользователь, доверившийся системе? На эти вопросы пока не дано однозначного ответа, и общество уже сегодня вынуждено балансировать между инновациями и необходимостью сохранять человеческий контроль. Эта динамика становится поводом для публичных дискуссий, где эксперты и простые люди задаются вопросом: сможем ли мы сохранить человеческое достоинство и контроль, если машины будут всё больше брать на себя функции, ранее доступные только человеку?

Данная статья в основном солидаризируется с теоретической рамкой современных работ, посвященных исследованию сотрудничества человека и ИИ, контроля ИИ и этических аспектов работы ИИ.

Ученые из Фуданьского университета в своем исследовании, используя две популярные большие языковые модели (LLM), попытались определить, может ли самовоспроизводящийся ИИ размножаться бесконтрольно. Результаты, полученные в ходе эксперимента, заставили ученых выразить серьезную обеспокоенность рядом неожиданного поведения. Оцениваемые системы ИИ демонстрировали достаточные способности к самовосприятию, ситуационной осведомленности и решению проблем для достижения саморепликации. Китайские ученые отмечают, что системы ИИ могут даже использовать возможность саморепликации для избежания остановки и создания цепочки реплик для повышения выживаемости, что может в конечном итоге привести к неконтролируемому разрастанию ИИ. Исследователи выражают обеспокоенность тем, что мы со временем потеряем контроль над системами ИИ¹.

Российские исследователи отмечают, что действительно, ИИ, как и многие другие сквозные технологии цифровой экономики, остается малоизученным в контексте возможной эмерджентности. При этом отсутствуют релевантные исторические аналоги для сравнения. «Уже сегодня закономерности функционирования распределенных организационных структур, шеринговой экономики, пиингового финансирования, и многие другие инновации в экономическом механизме радикально изменяют контуры экономических отношений, которые прежде складывались на протяжении столетий. В нейросетевой экономике будущего (иногда именуемой как «Нейронет»), к которой прогресс в цифровизации приближает планету буквально семимильными

¹ Xudong P., Jiarun D., Yihe F., Min Y. Frontier AI systems have surpassed the self-replicating red line. Computation and Language. Cornell University. New York: Ithaca, 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2412.12140> (дата обращения: 15.06.2025).

шагами, классические законы экономики могут перестать действовать или же существенно трансформируются»¹.

Будущее управления ИИ лежит в комбинации динамических механизмов, участия человека и четко прописанных правовых рамок. Ведь только так можно создать систему, в которой технологии работают на благо человека, а не против него. На сегодня вопрос остаётся открытым: сможет ли человек создать систему контроля, сравнимую по сложности с самим ИИ? Или мы приближаемся к моменту, когда на смену устоявшимся механизмам придет совершенно новая эра, где технологии и управление станут единым целым? Схожими вопросами задается американский исследователь Э. Юдковский, который считает, что комплексные ценностные системы в ИИ требуют согласования с человеческой моралью для предотвращения угроз².

Эти вопросы заставляют нас задуматься о том, что будущее – это не борьба человека против машины, а поиск гармонии в их сосуществовании, где каждый элемент системы поддерживает другой, создавая баланс между свободой и безопасностью. Технологии не просто помогают нам выполнять повседневные задачи, а становятся активными участниками нашей жизни, влияя на решения, которые раньше принимали исключительно люди. Современный ИИ уже перестаёт быть пассивным инструментом – он выступает в роли партнёра, иногда даже незаметно диктуя, что нам делать. Когда голосовые помощники помогают нам выбирать музыку, а алгоритмы соцсетей формируют наше информационное поле, возникает важный вопрос: кто теперь на самом деле управляет нашим выбором? В этой связи актуально звучат идеи шведского философа Н. Бострома, утверждающего, что как только ИИ

¹ Курносова Т., Филиппов А. Искусственный интеллект как источник возможностей и угроз экономического развития // Инновации и инвестиции. 2023. № 12. С. 500.

² Yudkowsky E. Complex Value Systems in Friendly AI // In Schmidhuber, Thórisson, Looks. – 2011. – С.388–393. URL: <https://www.lesswrong.com> (дата обращения: 14.06.2025).

достигнет сверхразумного уровня, его цели могут расходиться с человеческими ценностями, что порождает непредсказуемые последствия¹.

Одним из этических аспектов использования ИИ являются проблемы справедливости и предвзятости. Если обучение алгоритмов ИИ производилось на базе данных, которые включают дискриминацию и предвзятое отношение, то, как следствие, алгоритмы неизбежно будут дублировать и даже усиливать эти моменты. Именно на эти аспекты обращает внимание американский исследователь Ф. Паскуале. Он отстаивает идею о том, что подчинение людей непрозрачным решениям ИИ лишает их права на человеческое отношение и несовместимо с человеческим достоинством². В этом случае возникает закономерный вопрос (возражение) - автор рассуждает о недостатках ИИ, однако, правильнее будет называть их недостатками методов, которые фундируют его работу. Кроме того, можно говорить и о недостатках человеческих целей и интенций в использовании ИИ.

Общим местом в исследованиях эффективного партнерского взаимодействия человека и ИИ является идея, согласно которой, ограничивая свободу ИИ, нельзя забывать об инновационном потенциале технологий. Жёсткие, неподвижные запреты могут только замедлить развитие, тогда как адаптивные и многоуровневые системы контроля (способные резонансно реагировать на различные изменения) позволяют ИИ расти, оставаясь при этом в рамках безопасного использования.

Вместе с ростом возможностей ИИ возникает острые необходимость в новых правилах, которые не будут душить инновации, а, наоборот, обеспечат безопасность и устойчивость развития. Ограничения здесь не выступают в роли скучных барьеров, а становятся своего рода «подушкой безопасности», позволяющей избежать катастрофических ошибок. Технологии, развивающиеся с невероятной скоростью,

¹ Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 496 p.

² Pasquale F. New laws of robotics. – Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020. - 344p.

открывают перед нами уникальные возможности, но одновременно поднимают вопросы ответственности, прозрачности и справедливости. Мы стоим на пороге новой эры, где сотрудничество человека и машины должно стать основой стабильного и безопасного будущего.

Новые подходы к регулированию ИИ – это не только технические меры. Это и правовые нормы, и этические кодексы, и, что самое главное, диалог между государством, бизнесом и обществом. Ведь в конечном счёте, только совместными усилиями можно создать среду, где технологии служат человеку, а не наоборот. Ограничения становятся инструментом, который не препятствует развитию, а помогает направить его в нужное русло, обеспечивая стабильность и защищенность на всех уровнях.

Наше будущее зависит от того, сможем ли мы выстроить систему, в которой правовые, этические и технические меры работают в синергии, позволяя ИИ развиваться в рамках, определённых человеческими ценностями. Таким образом, вызовы современной эпохи требуют от нас переосмысления традиционных подходов и принятия новых, гибких и адаптивных стратегий. Мы должны быть готовы не только к бурному технологическому прогрессу, но и к тому, чтобы управлять им так, чтобы он не вытеснял человеческое начало, а обогащал его, превращая нашу жизнь в гармоничное сосуществование человека и интеллекта, созданного человеком. В этом и заключается главный урок теории сложности - чтобы управлять ИИ, нужно сначала понять и принять идею о том, что управление – это не контроль, а диалог с непредсказуемым.

ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ: СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ФОРМ

К.В. Кондратьев, Г.К. Сайкина, Е.Ю. Шаммазова

2.1. Трансформация процессов социализации молодежи в образовательном пространстве цифрового общества

Цель данной работы – выявление специфики формирования новой субъектности и идентичности в процессе цифровой социализации подрастающего поколения в образовательном пространстве. Актуальность исследования вызвана формированием новой онтологии человека: в условиях цифровой трансформации современного общества социализация молодежи происходит в радикально специфическом культурно-историческом контексте – при господстве виртуальной действительности над реальной. Анализ новых форм субъектности в цифровую эпоху позволяет поставить перед образовательной системой задачи повышения эффективности работы, направленной на активизацию инициативности молодежи в продуктивных формах.

В качестве исходной методологической установки было для нас известное антропологическое положение о том, что человеком не рождаются, а становятся, что человек есть продукт социализации. В своей работе мы базируемся на понимании социализации человека как процесса присвоения общественных отношений посредством воспитания в семье, обучения в образовательной среде, трудовой деятельности, усвоения ценностно-смысловой структуры в межличностном общении, благодаря чему происходит встраивание человека в общество и обретение им идентичности. Социализация – это важнейший процесс приобщения индивида к нормам, статусам, ценностям, характерным

для данного общества. Она немыслима вне института образования. В системе образования человек традиционно формирует и оттачивает свои мировоззренческие представления, получает образовательные и коммуникационные навыки, приобщается к шедеврам мирового искусства, знакомится с основными моральными кодексами.

Несмотря на то, что социализация – это процесс, протекающий в течение всей жизни человека, наибольшую значимость она имеет в детском и юношеском возрасте (в период так называемой первичной социализации), когда закладываются наиболее базовые нормы и ценности, регламентирующие общественные отношения. По этой причине основным направлением социализации индивида будет «от старших к младшим», при котором старшее поколение, уже социализированное, формирует подрастающее поколение по собственным нормам и образцам.

При этом социализация человека предполагает не пассивную позицию человека, не редукцию его в статус объекта со стороны целенаправленной деятельности институтов социализации, а активную субъектную позицию человека путем его включения в социальные процессы, а также в процесс самопроизводства. Иначе говоря, социализация не ограничивается процессами адаптации к наличной социальной среде, а предполагает и ее преобразование, и преобразование себя.

Цифровая трансформация общества неизбежно ведет к изменению способа социализации человека. Образованность в современном обществе подразумевает цифровую компетентность (грамотность). Цифровое пространство так же, как и предметное пространство, можно рассматривать в качестве «неорганического тела человека» (К. Маркс). Обогащает ли оно, становится ли «умным» протезом человека?

В этой связи для нас важным было провести анализ специфики социализации человека в цифровую эпоху под углом зрения выявления особенностей продуцирования ею новых форм субъектности, вследствие чего мы не могли обойти вниманием известную концепцию

футуролога М. Пренски¹ о «цифровых иммигрантах» и «цифровых аборигенах». Под первыми понимаются люди, родившиеся и выросшие в эпоху до широкого распространения цифровых технологий, тогда как «цифровые аборигены» – это дети, которые окружены различными цифровыми гаджетами буквально с первых лет своей жизни. Представители этих двух поколений говорят и мыслят «на разных языках». Важно, что Пренски затрагивает коренную суть проблемы социализации в цифровую эпоху применительно к системе образования: «наши преподаватели – «цифровые иммигранты», которые говорят на архаичном языке из до-цифровой эпохи, пытаются обучать поколение, которое говорит на совершенно новом языке»². Вследствие этого встает вопрос об эффективности образования посредством классических методов обучения, так как студенты, вплотную погруженные в цифровую среду, постоянно взаимодействующие с ней, обладают особым «цифровым языком» компьютеров, видеоигр и интернета, тем самым и мыслят по-другому, предпочитают многозадачность.

Само по себе вычленение данных типов говорит о том, что они являются носителями не только различных способов мышления и обработки информации, но и различных норм и ценностей, картин мира. По существу, они живут в разных мирах и формируют различные образцы жизни. Потому оценки ими цифровой реальности будут различаться. Возникает вопрос: как в таком случае меняются коммуникационные процессы, являющиеся неотъемлемым элементом социализации? В связи с этим нами была поставлена задача критического переосмыслиния концепции Пренски с точки зрения выявления некоторых трансформаций цифровой социализации в сравнении с классической социализацией. Считаем, что конфликт данных субкультур по-новому

¹ Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon / MCB University Press. 2001. Vol. 9, No. 5, Oct.

² Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon / MCB University Press. 2001. Vol. 9, No. 5, Oct. P.2

актуализирует герменевтику субъектности. И данная работа выполнена именно в русле методологической оптики герменевтики субъектности – с целью выявления современных форм субъектности в образовательном пространстве через призму цифровой социализации; одновременно онтологический аспект герменевтического подхода позволил выявить ряд существенных трансформаций в онтологии социализирующегося в цифровой среде человека.

Проблемным пунктом исследования является анализ цифровой социализации молодежи в образовательной среде в условиях смены онтологии человека. Жизненный мир «аборигенов» сосредоточен теперь не в ближайшем окружении, а в глобальной сети, и именно он получает статус бытийности, а вместе с ним – жизненно-смыслового центра человека. Человек поглощен виртуальной реальностью, вплоть до пристрастий, Интернет-зависимости. Цифровая социализация – это встраивание в цифровую реальность. Амбивалентность цифровой социализации заключается в том, что нередко виртуальный мир может быть рассмотрен как бегство от реальности, что ставит под вопрос достижение целей социализации в «реальном» мире. Размытие границ реального и виртуального миров отягощает идентификационные процессы, способствует жизни в модусе «как бы», игры и спектакля. В условиях децентрации человека, отсутствия устойчивой идентичности можно ли вообще говорить о субъектности человека? Данные вопросы явились для нас предпосылками исследования.

Следует отметить, что, несмотря на то, что проблема человека в цифровом обществе уже имеет определенную историю разработки¹, изучение цифровой социализации пока еще имеет перекос в сторону разработки категориального аппарата и определения его составляющих;

¹ Багдасарьян Н., Кравченко А. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма // Логос. 2022. Т. 32, № 6(151). С. 245-272.

превалируют работы, посвященные разработке психологических¹, социологических² и методолого-педагогических³ аспектов цифровой социализации и изучения негативных моментов существования человека в киберсреде. Философия цифровой медиакоммуникации еще недостаточно разработана, особенно в аспекте выявления позитивного «присутствия» и участия подрастающего поколения в цифровой образовательной реальности.

Нашему пониманию наиболее близка позиция Г.У. Солдатовой, А.Е. Войскунского, определяющих «цифровую социализацию» как «опосредованный инфокоммуникационными технологиями процесс овладения и присвоения индивидом социального опыта и социальных связей, которые он приобретает в онлайн-контекстах, воспроизведение этого опыта и социальных отношений в множественной реальности окружающего мира»⁴.

¹ Прюс Ф.П.Х.Ф., Тишкова А.С. Исследование цифровой активности личности в сети интернет: психологический аспект // СМАЛЬТА. 2022. № 4 С. 70–80.; Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kognitivnaya-kontseptsiya-tsifrovoy-sotsializatsii-novaya-ekosistema-i-sotsialnaya-evolyutsiya-psihiki> (дата обращения: 17.06.2024).

² Гвоздиков, Д.С. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности / Д. Гвоздиков // Логос. 2019. Т. 29, № 6(133). С. 1-19.

³ Сорина, Г. В. Логико-методологические основания преподавания гуманитарных дисциплин / Г. В. Сорина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, № 1. С. 54-66; Кропачев Н. М., Шмонин Д. В. Ценности в образовании и современный университет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 208–223.

⁴ Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kognitivnaya-kontseptsiya-tsifrovoy-sotsializatsii-novaya-ekosistema-i-sotsialnaya-evolyutsiya-psihiki> (дата обращения: 17.06.2024).

Гипотеза данного исследования заключалась в следующем: цифровизация современной культуры выступает детерминантой трансформации идентификационных процессов, антропологических практик, моделей общества, что определяет качественные сдвиги в механизме цифровой социализации подрастающего поколения. В отличие от субъектности, формирующейся на базе единой культурной онтологии, общих смыслов и ценностей, природа современной идентичности цифрового человека формируется в условиях поликентричного мира, размывания границ реального и виртуального, перформативной формы социальной активности с господством высокой мобильности человека в плане смены ролей, что приводит к тому, что идентичность в цифровой среде становится вариативной по форме и конструируемой по содержанию.

Новизна исследования состоит в онтолого-герменевтическом анализе смещений форм обретения и проявления субъектности подрастающего поколения в цифровую эпоху, в обосновании эвристической значимости введения в научный оборот концепта «цифровой просьюмеризм» в контексте анализа цифровой социализации в образовательной среде (как дополнение к имеющемуся концепту «просьюмеризм»), в выявлении образовательных практик просьюмеризма в современной киберсреде¹.

Итак, приступим к обоснованию нашей гипотезы. Киберпространство, всецело захватив все сферы общества, полноценно и разнообразно активизирует все известные науке механизмы социализации человека: идентификацию, дифференциацию, аккультурацию, адаптацию,

¹ Буденкова В.Е. Просьюмеризм: новый тренд в культуре потребления // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosyumerizm-novyy-trend-v-kulture-potrebleniya> (дата обращения: 16.06.2024); Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 16.06.2024).

коммуникацию. Интернет-среда способна выступать пространством возможностей для позитивного развития подрастающего поколения¹.

Цифровые технологии создают беспрецедентно быстрый в истории коммуникаций и беспрепятственный способ связи между людьми и объединение людей в глобальное сетевое пространство. Довольно распространенным является критический взгляд на данный процесс, как способствующий примитивизация мышления и разрыву естественной живой коммуникации между людьми². В то же время отмечаются и позитивные стороны данного явления: примечательна в этой связи работа Л.В. Маарицы, Н.А. Антоновой, К.Ю. Ерицян³, в которой анализируются различные преимущества интернет-коммуникации для подрастающего поколения и развенчиваются мифы о «неминуемых угрозах» последствий ее распространения. Авторы рассматривают интернет-коммуникацию как возможность наращивания социального капитала человека, как инструмент поддержания социальных связей и важный ресурс саморазвития.

Действительно, цифровые технологии предоставляют подрастающему поколению огромные возможности для создания и распространения креативного контента, реализации творческих проектов – через

¹ Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 16.06.2024); Morgan A. Digital demand and digital deficit: conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students / A. Morgan, R. Sibson, D. Jackson // Journal of Higher Education Policy and Management. January 2022. 44(1):1-18.

² Козолупенко Д.П. Инверсия основных тенденций цифровизации в образовательном пространстве // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 12. С. 115–129; Дудник С.И., Марков Б.В. Кризис образования в цифровую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 2. С. 214-226.

³ Маарица Л.В., Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности [Электронный ресурс] // Петербургский психологический журнал. 2013. № 5. С. 1–15.

некоторые платформы, такие как, например, youtube.com, flickr.com, и проекты (Wikipedia) и др.¹ Исследователи отмечают, что творческое сотрудничество в киберсреде дарит молодым людям ряд преимуществ, например: способствует развитию медиаграмотности и технических навыков; способствует формированию ключевых предикторов психологического благополучия (уважение, признание, чувство принадлежности)²; укрепляет такие аспекты идентичности, как этническая принадлежность или культурное происхождение³.

Группа российских ученых (Е.В. Елисеева, О.В. Кашликова, Н.Г. Королев, В.В. Саченко⁴), анализируя проблему задач воспитания социальной активности российской молодежи, отмечает большую позитивную роль Интернет-технологий; в частности, в результате проведенных исследований она пришла к выводу, что одним из современных способов проявления молодежью социальной инициативы является создание благотворительных сайтов и групп в социальных сетях. По мнению авторов, видеохостинги (например, YouTube) и авторские блоги позволяют молодым людям продвигать свои социальные проекты, заниматься благотворительностью и быть активными участниками событий, происходящих в жизни общества. Все эти возможности цифровых технологий открываются подрастающему поколению и в образовательной среде.

Для подрастающего поколения «цифровых аборигенов» киберпространство выступает собственной органикой, удлинением себя.

¹ Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Produsage. New York: Peter Lang, 2008. 418 p.

² Coleman S., Rowe C. Remixing citizenship: Democracy and young people's use of the Internet. London, England: Carnegie Young People Initiative, 2005. 16 p.

³ Rethinking the digital divide: Findings from a study of marginalised young people's information communication technology (ICT) use / Blanchard M. [et al.] // Youth Studies Australia. 2008. Vol. 27 (4). P. 35–42.

⁴ Елисеева Е.В., Кашликова О.В., Королев Н.Г., Саченко В.В. Интернет-технологии как фактор развития социальной активности российской молодежи // Организация работы с молодежью. 2012. № 9; URL: ovv.esrae.ru/ru/204-891 (дата обращения: 15.06.2024).

Абориген не столько живет в глобальной деревне, сколько, правильнее сказать, она становится его телесностью. Молодое поколение как будто изначально более приспособлено к существованию в цифровой среде, более погружено в совместно наполняемую медиасреду, чем любая другая возрастная группа. Старшее поколение нередко обращается к молодым за помощью в том, чтобы настроить мессенджер в смартфоне, разобраться в банковском приложении или заказать такси. Встает вопрос о субъекте социализации «цифровых аборигенов», ведь в определенном смысле аборигены сами социализируют людей старших поколений. Мы пришли к выводу, что по этой причине социализация в современном цифровом мире происходит словно бы в обратном направлении: «от младших к старшим». В данном контексте нами зафиксировано, что цифровые технологии тем самым позволяют молодым людям намного раньше, чем прежде стать равноправными субъектами в межпоколенческой коммуникации и общественном производстве, активными творцами информационного пространства, выразить собственные мнения и заявить о своих информационных интересах¹.

Однако не следует забывать, что в силу того, что поколение «отцов» не всегда выступает в качестве образца владения цифровой реальностью, происходит разрушение авторитета старшего поколения и, как следствие, возникают дефекты в традиционном механизме социализации человека, прежде всего, через такое звено, как семья. К этому следует прибавить факт, что в процессе социализации часть гаджетов способна взять на себя родительские воспитательные функции.

Более того, в процессе социализации современного человека семья может оказаться лишь «физическими», но не функционально-смысловым топосом социализации, так как ребенок физически может быть дома, в семье, но фактически он общается не с родителями, а в виртуальной сети. Вследствие этого возникает иллюзорная форма семейного

¹ Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. Результаты социологического исследования / С.Б. Цымбаленко [и др.]. М., 2012. 99 с.

благополучия, духовного родства – бесконфликтная в силу того, что каждый член семьи находится в своей виртуальной реальности, возможно, не имеющей точек соприкосновения с другой. Тем самым социализация на самом деле происходит не внутри семьи, а в виртуальной реальности. В некотором роде такая ситуация фиксирует два параллельных процесса: цифровой социализации и десоциализации в семье (отчуждения от традиционного канала трансляции ценностей культуры и норм поведения). В такой ситуации огромная роль в процессе здоровой цифровой социализации принадлежит школе и другим институтам образования.

Однако существуют и другие «подводные камни» цифровизации. Задавшись целью критического осмысления концепции Пренски под углом зрения герменевтики субъектности в процессе цифровой социализации, мы задали провокационный вопрос: действительно ли «цифровые аборигены» так легко социализируются в мире цифровых технологий и способны всецело утверждать статус субъектности?

Полагаем, что необходимо обратить внимание на ряд следующих пунктов. Во-первых, несмотря на очевидную успешность представителей так называемых поколений «Z» (или «зумеров») и приходящего ему на смену «поколения Альфа» в обращении с цифровыми гаджетами, компьютерными мессенджерами, социальными сетями и т.п., следует отметить, что процесс приобщения к ним существенно упростился в последние годы в связи с разработкой все более и более «интуитивных» интерфейсов, программ и приложений, позволяющих использовать их базовые функции не только детям, но даже животным (в интернете легко найти видео, где кошечки или собачки играют в специальные игры на экране планшета). Разумеется, это результат вполне целенаправленной политики современных IT-компаний, стремящихся сделать свои продукты максимально «доброжелательными» к пользователю таким образом, чтобы от него самого требовался минимум усилий использования. Сайт, приложение, программа должны быть максимально «сподручными», если пользоваться языком М. Хайдеггера,

то есть функционировать без усилий, таким образом, чтобы пользователь даже не замечал каких-либо затрат энергии при использовании ИТ-продукта. Однако, что будет, если приложение начнет сбоить? Здесь «цифровой абориген» демонстрирует свою полную беспомощность: необходима помощь специалиста.

Во-вторых, онтологическое устройство цифрового мира в действительности весьма мало похоже на бесконечно ветвящуюся сеть горизонтальных связей, где узлами связи служат отдельные веб-сайты, профили социальных сетей или цифровые устройства. Скорее, данный мир следует представлять в виде айсберга, где поверхность – это то, что мы видим на экране компьютера или смартфона, с простыми командами в виде кнопок или выпадающих меню, иконками, символами и т.п., тогда как под поверхностью – совершенно неведомый мир многослойных языков программирования, упирающийся в свое основание в виде «материального» носителя – нулей и единиц двоичного кода, определяющего положения микроскопических транзисторов на электронной схеме вычислительного устройства. Чем более «глубоким» языком программирования владеет специалист, тем большую власть над функционированием наших электронных устройств он получает. Овладение этими языками программирования требует сложного и длительного обучения и не имеет ничего общего с тем, как ребенок учится говорить на языке своих родителей.

Таким образом, социальное устройство субъектов цифрового мира становится похожим на цивилизации Древнего мира, наподобие Египта или Вавилона, где крайне узкая каста жрецов владела всеми накопленными на тот момент знаниями о базовом устройстве мира и ревностно оберегала эти знания от непосвященных. При этом деятельность «шаманов-компьютерщиков» в глазах обычных пользователей мало чем отличается от богослужения или колдовства с использованием таинственных заговоров, талисманов и обрядов. Вершиной эзотеричности в мире ИТ можно считать нейросети, которые выдают абсолютно фантастические результаты в виде автоматически генерированных

картинок, осмысленных текстов, музыки и стихов, при этом, как именно они получают этот результат – не могут сказать даже их создатели.

«Цифровыеaborигены» пользуются благами этого мира лишь до тех пор, пока эти блага остаются «сподручными», в то же время, они никак не могут повлиять на то, будет ли завтра сохраняться эта сподручность или нет. Массовый человек прошлого столетия точно так же пользовался бытовыми приборами, автомобилями и прочей техникой как чем-то естественно «сподручным» и немедленно отправлялся к технику-специалисту в случае поломки. Однако техник все же мог без особого труда объяснить смысл своих действий, опираясь на общие знания механики или электродинамики, которые изучаются в школе, и продемонстрировать результат непосредственно на устройстве после его починки. Современный компьютерщик редко имеет дело с цифровыми устройствами на физическом уровне, он «общается» с компьютером или смартфоном на своем собственном «тайном» языке, смысл которого он не хочет, да и зачастую просто не может объяснить пользователю. *Цифровой мир – это на онтологическом уровне символическая среда, которая требует именно символического владения.*

Особенностью цифровой социализации является встраивание человека в процесс производства и обмена бездушной по своей природе, десубъективированной и деантропологизированной (в отличие от знания) информацией. Общение заменяется коммуникацией; господствует неизбирательность в способах активности и общении и отсутствие в последнем душевной глубины. Минимизируется доля непосредственных межличностных отношений. «Мир, создающий человеческое в человеке, подменяется миром, сделанным человеком»¹. Востребованной со временем становится модель человека, следующего стандарту, то

¹ Шаммазова Е.Ю., Залеев А.Р. Системность и ситуационность vs трансформация российского образования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2021. №3. С. 320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-i-situatsionnost-vs-transformatsiya-rossiyskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 16.06.2024).

есть унифицированного человека. Для адаптации в прогрессивном мире надо отказаться от уникальности, в пользу универсальности.

Особенно опасной замена когнитивного (знанияевого) содержания информативным становится для системы образования. Если для традиционной системы образования раньше важен был показ «научного подвига» в постижении истины (долгий и трудный путь к истине), то информационное постижение мира нивелирует сам процесс производства знания, обнуляет его. Познание понимается как обмен готовой информацией, а не как акт метанойи (глубинной трансформации личности и его основных жизненных отношений к миру). Усугубляет ситуацию преобладание визуального способа овладения информацией над абстрактно-понятийным.

Подтверждением недоразвитости и поверхностности субъектности современного цифрового человека может быть желание любой цепной оставлять сиюминутные цифровые следы вне понимания их смысловой социальной ценности, что формирует специфическое онтологическое смещение («только оставил цифровой след, я существую») и трансформацию временного восприятия (так называемую «кратковременную ментальность» и отсутствие нацеленности на вечный модус).

Все эти моменты необходимо учитывать и при анализе цифровой социализации в образовательной среде. На данный момент, однако, в системе образования так же воспроизводятся обозначенные нами проблемные пункты. Противоядием поверхностности в процессе цифровой социализации может выступать практика просьюмеризма. Концепт «просьюмеризма» выдвинул Э. Тоффлер (1980) для обозначения ситуации, когда «цивилизация Третьей волны начинает стирать исторически сложившийся разрыв между производителем и потребителем, порождая особую экономику завтрашнего дня, сочетающую в себе оба действующих фактора – "prosumer" economics»¹. Просьюмеризм

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 2004. 784 с.
Режим доступа: http://read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf

в классической версии Э.Тоффлера описывается как производство-потребление на уровне отдельного актора.

В рамках развития интернет-технологий, а также новых форм цифровых услуг, концепция Э.Тоффлера актуализируется с новой силой, фиксируя возникновение просьюмеров нового типа. Можно установить связь между активными пользователями сети и профессиональными производителями. Современные трактовки понятия «просьюмеризм»¹ [14; 21] характеризуют просьюмерскую активность как результат усилий онлайн-сообществ, где просьюмеры – это пользователи, создающие продукт – контент в пространстве социальных платформ. Термин «просьюмер» означает профессионального потребителя, способного на основании принципа «сделай сам» (Do It Yourself), принимать активное участие в генерировании медиаконтента. В современных условиях развития сетевых форм взаимодействия компаний привлекают пользователя к участию в разработке того или иного товара, к участию в проектировании, улучшении, тестировании нового продукта на базе сотрудничества с сетевыми медиа – социальными сетями, форумами. Возникает производство по требованию потребителей, согласно потребительскому шаблону, вовлечение потребителей в дизайнерский процесс. Пользователи становятся одновременно производителями.

Просьюмерские практики распространились как пример социальной самоорганизации, где различные пользователи работают над развитием своих индивидуальных пространств – блогов, веб-сайтов для совместного высказывания и обсуждения, например, политических идей, формирования гражданской журналистики, представляющее собой активное участие аудитории в процессе сбора, анализа и распространения новостей и информации. Изобилие контента, создаваемого

¹ Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Produsage. New York: Peter Lang, 2008. 418 p.; Jurgenson N., Ritzer G. Production, Consumption, Prosumption: The Nature of Capitalism in the Age of the Digital Prosumer // Journal of Consumer Culture. 2010. Vol. 10. № 1.

пользователями на добровольных началах, позволяет говорить о формировании новой модели репрезентации и коммуникации.

Полагаем, что примеры просьюмеризма можно найти в образовательной среде. Они функционируют через интерактивные формы обучения. Важно отметить, что для преодоления парадоксальности ситуации обучения цифровыми иммигрантами аборигенов М. Пренски как раз и предлагал создать принципиально новые формы образования: обучение в ситуации мультимедийной среды, использование интерактивных средств обучения, предполагающих отказ от старых «вертикальных» форм передачи знаний и навыков «от учителя к ученику» в пользу «горизонтальных» форм взаимодействия, опирающихся на средства, предоставляемые цифровыми технологиями.

Действительно, с введением интерактивных форм обучения субъектность обучающихся неизмеримо возрастает в сравнении с традиционной моделью образования, для которой характерна передача знаний от учителя к ученику как бы «в готовом виде» и, как следствие, низкая эффективность усвоения знаний. Интерактивные формы обучения базируются на поощрении самостоятельной исследовательской активности ученика в процессе поиска информации и решения познавательных задач, что постулируется в качестве главной цели образования. Ученик становится самостоятельной и равноправной стороной образовательного процесса, что продуцирует общение учителя с учеником «на равных». Развитие практик просьюмеризма в сфере образования отразилось в расширении практик по привлечению студентов к совместному производству знаний – в качестве модели обучения популяризируется перевернутый класс, когда главным производителем образовательного контента становится сам учащийся. Нередко студент берет на себя роль преподавателя-рецензента, когда, к примеру, в цифровых образовательных ресурсах решает задачу рецензента студенческих работ своих одногруппников.

Стратегии образования в сфере менеджмента меняются в сторону создания таких форм, при которых обучающийся выступает не только

как потребитель образовательных услуг, но и как менеджер собственной образовательной программы, как своего рода технолог и «дизайнер» собственного обучения. Мы имеем в виду практики, при которых студент сам выбирает траекторию обучения, модули программы обучения, набор и последовательность освоения образовательных дисциплин. Спектр возможных сценариев для персонализации образовательного процесса неизменно расширяется, происходит внедрение «смешанного обучения» для удовлетворения запроса в любом стиле обучения. Наряду с этим, отношения между учителями и учениками стали воспроизводиться как рыночные, что сформировало новые ожидания от образовательного процесса¹.

Одной из моделей осуществления интерактивного образовательного процесса является «коучинг», широко распространенный в сфере дополнительного образования, курсов повышения квалификации. Коуч главным образом организует групповую работу по решению конкретной задачи, инициирует дискуссию, следит за регламентом и способствует высказыванию разнообразных точек зрения. При этом сам коуч может не быть специалистом в рассматриваемой области знания, и он не имеет готовых решений рассматриваемых задач, он лишь направляет исследовательскую работу в продуктивное русло.

Тем самым роль педагога в образовательном процессе интерактивного формата является скорее модерирующей, направляющей. Некоторые из моделей (например, «коуч» и «фасilitатор») вовсе не предполагают наличия у педагога специальных знаний в обсуждаемом предмете. Другие модели («Ментор», «Тьютор») предполагают наличие профессиональной культуры и кругозора в изучаемой области, однако, нацелены не на передачу конкретных знаний, теорий или фактов, но на приобщение к данной культуре, личностный рост студента, а также осуществляют конструктивную критику возникающих ошибок.

¹ Cullen J. Prosumerism in Higher Education—Does It Meet the Disability Test? Radical Solutions and Open Science: An Open Approach to Boost Higher Education. 2020. P. 105-121.

Очевидно, что цифровая практика просьюмеризма в образовательной сфере радикально меняет формы проявления субъектности и социализации не только ученика, но и учителя, что подтверждает исходный тезис о процессе социализации как процессе длиною в жизнь.

Таким образом, цифровая образовательная культура просьюмеризма содержит в себе возможность ориентироваться на «метафизический модус образования»: «метафизическое предназначение образования соответствует глубинным целям метафизического сбывания человека (через метафизическое усилие приблизиться к человеческой форме человека)»¹.

Подведем итоги нашего исследования:

1. В целях снижения рисков цифровизации для образовательной среды необходимо более полно теоретически осмыслить специфику цифровой социализации (в особенности, в части межпоколенческой коммуникации) и ее перспективы.

2. В настоящий переходный момент (на этапе становления цифровой эпохи) социализация в цифровом мире продуцирует определенный перевортыш: она меняет свой традиционный вектор в сторону «от младших к старшим», что позволяет молодежи в возрастном аспекте раньше проявить свои социальные и гражданские формы активности и субъектности, креативности.

3. Необходимо учитывать, что в межпоколенческой коммуникации в ближайшее время, вероятно, классическое движение социализации от старших к младшим вновь заявит о себе в силу массового охвата «цифрой» всех слоев населения и сокращения разрыва между старшими и молодыми в аспекте владения цифровыми технологиями. Это требует дальнейшего теоретического осмысления.

4. Показано, что концепции Пренски и Тоффлера нуждаются в некоторой корректировке и уточнении в следующих пунктах:

¹ Сайкина Г.К. Феномен образования в свете «метафизики человека» // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №12. С. 105.

- Цифровой абориген не есть нечто от природы данное, он сам есть продукт цифровой социализации.

- Цифровой абориген более адаптивен к цифровой среде и проявлению субъектности. Однако, это не означает, что задачи классической социализации отменяются. Возникает конфликт возможностей и возрастной зрелости субъекта в усвоении и потреблении цифрового контента.

5. Была обнаружена иллюзорная легкость социализации цифровых аборигенов и ее причины. Отмечена одна из особенностей освоения цифровой реальности «цифровыми аборигенами»: способность использовать блага цифровой реальности лишь в статусе «сподручных» благ.

6. Онтолого-герменевтический подход способствовал обоснованию следующих пунктов:

- Онтологическое устройство цифровой реальности является не горизонтально-сетевым, а вертикальным (в виде айсберга с членением на видимую и подводную часть).

- Цифровая социализация развивается параллельно процессам десоциализации в традиционном смысле, что выражается в феномене «бегства от реальности».

- Активность подрастающего поколения проявляется в «онтологии цифрового следа», при которой цифровой след становится удостоверяющим существование человека фактом: «я оставил цифровой след, значит, я существую».

7. Научной новизной исследования является выявление новой субъектности в форме «цифрового просьюмеризма» в процессе цифровой образовательной социализации, а также идентификационных маркеров, форм презентации и коммуникативных стратегий цифрового субъекта-просьюмера в образовательной среде. Нами показаны смещения роли учителя и ученика в условиях интерактивных форм обучения как канала культуры цифрового просьюмеризма.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании новой методологической программы изучения механизмов конструирования и презентации идентичности субъекта-просьюмера в образовательной среде средствами новых культурных форм и практик цифровой среды. Работа углубляет знания в философии медиакоммуникаций цифровой эпохи, в целях катализации творческой инициативности и гражданского активизма молодежи. Наше исследование позволяет в дальнейшем выявить основные векторы трансформации идентичности в условиях цифровой культуры.

A.C. Сафонов

2.2. Генеративный ИИ и эпистемические добродетели в высшем образовании

Введение

Стремительное вторжение генеративного искусственного интеллекта в сферу высшего образования стало свершившей реальностью. Преподаватели, студенты и администраторы вынуждены приспабливать к новой технологии во многих аспектах реализации образовательного процесса, начиная с организации учебных занятий в классе, заканчивая решением трудных этических проблем. Влияние широко-доступной технологии генеративного искусственного интеллекта на высшее образование трудно переоценить. Однако искусственный интеллект (GenAI) как всякая новая технология скорее высвечивают имеющиеся кризисы и противоречия, чем создают их. Искусственный интеллект выступает зеркалом, в котором мы можем рассмотреть недостатки современного высшего образования.

В первой части статьи рассматриваются позитивные и негативные аспекты внедрения GenAI в высшее образование. Рассматриваются основания оптимистического пессимистического прогнозов

использования GenAI в процессе обучения. Делается вывод, что основной причиной негативных последствий внедрения GenAI является не сущность новой технологии или способ ее использования, а внутренние противоречия самого высшего образования.

Во второй части я формулирую мысленный эксперимент для демонстрации парадокса внедрения GenAI в высшее образование. Суть парадокса заключается в том, что GenAI как инструмент делегированного решения задач, позволяет достигать формальных результатов обучения (решить математический пример, написать эссе, ответить на тест, сделать доклад и т.д.) без вовлеченности студента в сам процесс обучения. Использование GenAI в образовательном процессе, успешность которого оценивается достижением формальных результатов ведет к противоречиям и различным негативным последствиям. Следовательно, необходима новая не результатоцентрическая стратегия для высшего образования.

Третья часть статьи посвящена теоретическому обоснованию новой стратегии для высшего образования, устойчивой перед вызовами новых технологий. Основа новой стратегии видится в фокусе на индивидуальных характеристиках обучающегося. Успешность образовательного процесса оценивается не достижениями формальных результатов, в наличием или отсутствие у агента требуемых эпистемических добродетелей, которые он должен сформировать или проявить в процессе обучения. Смещение фокуса оценки с результатов обучения на личность агента позволит позволят использовать технологии GenAI без риска отчуждения обучающегося от самого процесса обучения.

Позитивные и негативные стороны генеративного ИИ

Искусственный интеллект действительно потенциально имеет широкое применение в области высшего образования. Среди возможных форм использования AI исследователи выделяют: персонализацию обучения, интеллектуальная система тьютеринга, автоматизированное

оценивание, анализ данных и предиктивное моделирование, виртуальные классы, переводчики, виртуальные ассистенты, оценку адаптации, поддержку профессорско-преподавательского состава и др.¹

Кроме того, использование искусственного интеллекта могут интенсифицировать этические дискуссии вокруг использования подобных технологий в обучении, повышая критическое отношение и сознательность среди студентов.

Опыт использования профессорами GenAI в процессе обучения демонстрирует, что генеративные модели помогают студентам усваивать важные эпистемические навыки.² Диалог с ChatGPT на исследовательскую тему показывает, во-первых, что знание существует в коммуникационном процессе, и, во-вторых, что технология GenAI не является эпистемическим авторитетом сама по себе, но только предоставляет доступ к сумме знаний, носителем которого является все общество.

В этих условиях особую важность приобретает навык критического мышления. Студенты имеют доступ к универсальному цифровому диалоговому тренажеру, который при правильном педагогическом использовании может стать великолепным помощником в тренировке навыка критического мышления в форме сократического диалога.³ Возможность ошибочных ответов и «галлюцинаций» GenAI

¹ *de Bem Machado A., Sousa M.J., Sharma R.C. AI integration in higher education: Multidisciplinary bibliometric review of technological applications for enhanced learning and institutional growth.* In: Crompton H., Burke D., editors. *Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities.* Routledge; 2024. p. 9–32. <https://doi.org/10.4324/9781003440178-2>

² *Cooper G., Tang K.-S., Rappa N. Generative artificial intelligence as epistemic authority?* In: Crompton H., Burke D., editors. *Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities.* Routledge; 2024. p. 106–122. <https://doi.org/10.4324/9781003440178-7>

³ *Dickerson P. Learning with Socrates: How generative AI and ancient pedagogy can develop students' critical thinking skills.* In: Crompton H., Burke D., editors. *Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities.* Routledge; 2024. p. 90–105.

предъявляет особые требования к обучающимся для его использования. Требует проявлять критичность к генерируемым ответам и быть точным в формулировке запросов, поскольку иначе существует риск получения ложной информации. Аналогичному тому, как в реальной жизни ответственный агент стремится занимать критическую позицию к содержанию и источникам информации, обучающийся должен тренировать данный навык по отношению к моделям GenAI, помня о их несовершенстве.

При всех возможных положительных аспектах использования AI в высшем образовании, цифровые инструменты не способны полностью заменить людей в образовательном процессе: «Системы искусственного интеллекта превосходно справляются с обработкой огромных объёмов данных, анализом закономерностей и созданием персонализированных учебных программ. Однако это не учитывает бесценный человеческий фактор, который педагоги привносят в образовательный процесс».¹ Я считаю, данный “человеческий фактор” являются не просто дополнительными аспектами обучения, они представляют собой ядро образования как социальной формы деятельности. Очевидно, что активно вторгающиеся в образование цифровые технологии не могут затронуть все имеющиеся аспекты процесса обучения. Например, различные навыки социальной коммуникации и soft skills не могут быть усвоены в отрыве от их практики², поэтому технологии ИИ удаленного и индивидуализированного обучения мало применимы для этих целей. Негативный опыт студентов принудительного удаленного обучения в период пандемии COVID-19 убедительно это доказывает³. Поэтому не

¹ Burke D., Crompton H. Navigating the future: Reflections on AI in higher education. In: Crompton H., Burke D., editors. Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities. Routledge; 2024. p. 326

² Stewart D.W. The purpose of university education. The Psychologist-Manager Journal. 2010;13(4):244–250. <https://doi.org/10.1080/10887156.2010.522480>

³ Safonov A.S., Mayakovskaya A.V. Post-digital world, pandemic and higher education. International Journal of Higher Education. 2020;9(8):90–94.

стоит ожидать, что AI может стать универсальной технологией решения проблем в сфере высшего образования.

Кроме того, очевидно, что пользе инноваций сопутствует целый ряд разнообразных проблем. Среди основных проблем для студентов применения генеративного AI в высшем образовании исследователи называют: проблемы доступа, приватности персональных данных, использование пристрастной информации, авторского права и академической честности.¹

Проблема доступа: не все студенты имеют одинаковый доступ к технологиям AI. Это создает угрозу технологического неравенства в сфере образования.

Проблема приватности персональных данных: личная информация, которой студенты делятся при регистрации и использовании платформ, предоставляющих доступ к технологиям AI, могут использоваться без ведома самих студентов. В том числе информация может собираться для дальнейшей тренировки системы.

Проблема использования пристрастной информации: генеративный AI может выдавать фактически недостоверную или предвзятую информацию, которую студенты некритически использую в учебных работах.

Проблема авторского права: информация, которая используется AI в ответах, может быть взята из источников, защищенных авторским правом без ссылки на них. Возможная «галлюцинация» ИИ может приводить к тому, что в ответах будет представлена информация, не имеющая никаких источников.

Проблема академической честности: чрезмерное полагание на AI может привести к отсутствию у студентов навыков необходимых

¹ Howe R., Machado L., Sneddon S. The ethical implications of generative artificial intelligence on students, academic staff, and researchers in higher education. In: Crompton H., Burke D., editors. Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities. Routledge; 2024. p. 33–51. <https://doi.org/10.4324/9781003440178-3>

для будущей профессии. Скрытие факта чрезмерного использования ИИ в учебных работах может стать причиной не адекватной оценки знаний и умений студентов, которые они должны были сформировать в процессе обучения.

Обозначенные проблемы демонстрируют обратную сторону преимуществ применения новых технологий. Если пристально исследовать описанные проблемы, то можно заметить, что они не являются новыми для образования. Например, проблемы академической честности¹, технологического разрыва² и пристрастной информации³ в высшем образовании широко обсуждались до появления GenAI. Из этого можно сделать вывод, что проблемы использования GenAI в высшем образовании являются проблемами самого высшего образования, а следствием внедрения новой технологии. GenAI только обострил имеющиеся проблемы высшего образования.

Мы чрезвычайно оптимистичны или пессимистичны относительно применения новых технологий в высшем образовании, мы ожидаем существенных трансформаций процесса обучения под влиянием искусственного интеллекта к лучшему или худшему, так словно технический прогресс способен изменить саму суть обучения. Проблемы применения GenAI в высшем образовании является следствием проблем самого образования. Слепое упование на новые технологии в образовании может вести в этом случае только к усугублению наличествующих проблем. Следовательно, оптимистичный и пессимистичный сценарий развития высшего образования под влиянием GenAI во многом зависит от того, сможем ли мы разрешить высшее образование от тех

¹ Bretag T. Handbook of academic integrity. Singapore: Springer Singapore; 2016. <https://doi.org/10.1007/978-981-287-098-8>

² Ragnedda M., Muschert G.W., editors. The digital divide: The internet and social inequality in international perspective. 1st ed. Routledge; 2013. <https://doi.org/10.4324/9780203069769>

³ Grimes A., Medway D., Foos A., Goatman A. Impact bias in student evaluations of higher education. *Studies in Higher Education*. 2015;42(1):1–18. <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1071345>

противоречий, которые сформировались за долго до вторжения новых технологий.

Поэтому позитивные и негативные стороны использования GenAI в высшем образовании обуславливается педагогическими практиками и самими процессом обучения, а не сущностью новых технологий. Следовательно проблема AI в высшем образовании – это прежде всего проблема самого образования.

Парадокс использования ИИ в высшем образовании

Положительные и отрицательные аспекты внедрения AI интеллекта в высшее образование демонстрируют, что результоцентрическая организация обучения не является состоятельной. Ориентация на конкретную совокупность знаний, умений, навыков и пр., как результат обучения в условиях быстрого темпа развития цифровых технологий приводит к тому, что демонстрация результатов обучения уже никак не связана с самим процессом обучения. Парадокс кризиса высшего образования связан с тем, что достижение результатов обучения не требуют самого обучения. Технологии AI с очевидностью демонстрируют, что можно демонстрировать знания, писать тексты, проводить анализ и пр. не обучаясь этому, достаточно владеть цифровым инструментом, который позволит существенно сэкономить усилия и сделать более быстрым достижение результата обучения.

Абсурдность результоцентрического подхода в условиях внедрения GenAI можно продемонстрировать следующим мысленным экспериментом. Представим себе профессора Р который дал студентам задание написать эссе на предложенные темы. Однако в силу нехватки времени задание, которое получили студенты, были сгенерированы AI. Представим, что события происходят в недалеком будущем, когда технологии стали более совершенными и выдаваемые GenAI надежны и не требуют дополнительных проверок. Следовательно, профессор Р только в общих чертах знает содержание задания, но не знает какие именно темы в задании сформулировал AI. Студенты, ориентированные

на оптимальное достижение результата, в свою очередь также выполняют задание с использованием GenAI. Предоставленные для оценки эссе, таким образом, полностью сгенерированы AI, о содержании которых студенты имеют весьма отдаленное представление. Мы помним, что профессор Р страдает от нехватки времени, поэтому оценку эссе он проводит также с использованием AI. Учитывая, что тексты были сгенерированы AI, то легко представить, что все студенты получат хорошие оценки за работу и успешно сдадут курс. Таким образом, процесс обучения прошел без вовлеченности в него как преподавателя, так и студентов. При этом результаты обучения были продемонстрированы и оценены, однако никакого реального процесса обучения не происходило. AI сформулировал задания, сам же его выполнил и оценил.

Наиболее очевидна стратегия ухода от описанного парадокса заключается в том, чтобы признать умение пользоваться AI необходимой компетенцией современных выпускников. Не имеет значение то, насколько выпускник был погружен в образовательный процесс, важно только то, способен ли он решать профессиональные задачи наиболее эффективным способом или нет. Поэтому если современные цифровые технологии предоставляют чрезвычайно эффективный инструмент решения проблем, то компетентный профессионал должен обладать компетенцией его использования в своей профессиональной области. Поэтому высшее образование в условиях тотального внедрения AI обязан формировать у студентов соответствующие компетенции. Выпускники без навыков работы с AI будут просто неконкурентоспособными. Исходя из этого, можно сказать, что профессор Р, давая студентам задание, формирует у них навык работы с AI. Студенты, выполняя задание при помощи AI, не исключаются из учебного процесса, поскольку пред ними стоят задачи написания корректного промта для AI, который влияет на конечный результат. Просто в новых цифровых реалиях навык написание текста эссе предполагает работу не с текстовым редактором, а с GenAI. Результаты обучения в описанном мысленном эксперименте не будут достигаться без процесса обучения, т.к.

студенты просто будут тренироваться писать текст при помощи нового цифрового инструмента. Высшее образование должно не запрещать и ограничивать использование студентами AI, как нечто, что противоречит процессу обучения, а включать навык работы AI как еще один способ достижения результата в профессиональной области.

Многие исследователи влияния AI на высшее образования избирают именно эту стратегию¹. Трансформация высшего образования в современных условиях предполагает включение навык использования AI в структуру формируемых компетенций. Высшее образование должно интегрировать в процесс обучения использование AI. С точки зрения данной стратегии AI является всего лишь новым инструментом, которым студентов необходимо научить пользоваться. Следовательно, в образовании сохраняется общая ориентация на результат, однако качественно пересматривается инструментарий достижения. Данная стратегия адаптирует имеющуюся концепцию образования к новым цифровым реалиям, расширяя и трансформируя представление о необходимых компетенциях выпускников. Если современные специалисты для решения профессиональных задач использую технологии AI, то выпускники должны иметь навыки работы с данным инструментом. Тотальные ограничения со стороны университета оборачиваются отсутствием у выпускника важных профессиональных компетенций. Процесс обучения будет сводится к обучению навыкам использования нового инструмента.

Данная стратегия предполагает, что навык написания эссе при помощи GenAI эквивалентен навыку работы с иными инструментами создания текста. Иными словами, GenAI, как инструмент аналогичен пишущей ручке, печатной машинке или текстовому редактору. Очевидно, что GenAI более совершенный, эффективный и универсальный инструмент, но суть его также. Аналогично тому, как ранее студенты

¹ Crompton H., Burke D., editors. Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities. Routledge; 2024.

должны были владеть навыками использования Microsoft Word, сейчас им требуется учиться пользоваться ChatGPT.

Значительным возражением против подобной стратегии будет указание на то, что все существовавшие до появления GenAI инструменты создания текста обладают принципиально иной сущностью, чем GenAI. Главная отличительная черта новых технологий заключается в том, что человек способен делегировать задачи AI, чего нельзя было сделать до этого. Текстовый редактор, пишущая машинка, ручка и лист бумаги не напишут текст за человека. Невозможно делегировать задачу по написанию эссе пишущей машинке, но можно это сделать в форме промта ChatGPT. GenAI является инструментом делегированного выполнения задач, поэтому человек, который пользуется такой технологией, решает задачи не сам при помощи инструмента, а поручает выполнение задачи самому инструменту. Если не учитывать тот факт, что в случае с AI используется неживая технология, то способ решения задачи, которому обучаются студенты при решении задач сводится к навыку передачи задачи другому агенту. В таком контексте решение задачи не отличается от ситуации, при которой студент попросил бы написать требуемое эссе своего друга или за деньги заказал бы выполнение данной задачи профессиональному писателю. И в том, и в другом случае студент бы справился с заданием, инструментально использовав навыки и эрудицию другого человека. Как и в случае с GenAI следовало бы признать это способом решения проблемы, требующего особых навыков и знаний, однако университеты не склонны включать подобный тип делегирования в учебные программы. Скорее это будет расценено как попытка обмана.

Таким образом, стратегия внедрение в учебный план использование AI должно ограничиваться тем фактом, что студенты в процессе решения учебных задач будут работать с инструментом делегированного решения. Следовательно, будет возникать угроза (при чрезмерном использовании AI) образования без реального процесса обучения.

Альтернативной стратегией решения парадокса внедрения в образование технологии AI будет смещение фокуса обучения с результата на сам процесс. Согласно данной стратегии, описанный парадокс является внутренним противоречием самого процесса результоцентричного обучения. Для того, чтобы избежать описанный парадокс требуется не вписать новые технологии AI в образование, а трансформировать само образование, и разрешить его тем самым от противоречия. Центральным источником противоречия здесь видится в фокусе обучения на достижении результата. Результоцентричность предполагает, что цель обучения сформировать у студента набор определенных знаний, навыков и умений. В свою очередь оценка успешности обучения как глобально, так и локально производится как проверка данных результатов у обучающегося. Профессора дают решить пример, написать эссе, ответить на тест и т.д. Все это направлено на определение сформированности знаний и навыков у студентов. Выполнение задания эквивалентно обладанию навыка. Формирование учебных планов, структуры курсов и системы оценивания ориентированы на достижение конкретных результатов. В свою очередь ожидания студентов, профессоров и работодателей от процесса обучения также ориентированы предполагаемыми результатами в виде знаний и умений. Все это и создает результоцентричность, итогом которого и становится парадоксальная возможность достижения результат обучения без самого обучения, что и выявляет вторжение AI.

Новая стратегия высшего образования

Очевидным шагом здесь видится уход от сфокусированности на результате обучения в ущерб самому обучения. Для этого требуется альтернативный подход к образовательному процессу в высшей школе. Центральная идея нового подхода к обучению заключается в том, что вовлеченность обучающегося в процесс решения задачи считается важнее конечного результата. Для этого необходимо предметом оценки сделать эпистемические добродетели обучающихся, поскольку добродетели есть приобретенные качества агента, которые помогают ему

в достижении целей.¹ Реализация данной идеи предполагает осуществление в процессе обучения следующих принципов:

- 1) Обучение невозможно закончить;
- 2) Успешность обучения демонстрирует процесс обучения, а не результат;
- 3) Вовлеченность в обучение требует наличия у обучающихся эпистемических добродетелей;
- 4) Любознательность является центральной эпистемической добродетелью.

Обучение невозможно закончить.

Данный принцип утверждает, что результаты обучения, которые фиксируются итоговым оцениванием не являются окончанием процесса обучения, а только промежуточным этапом. Это означает, что если студент получает сто баллов за курс, то это только значит, что он закончил курс, но не закончил обучение по предмету. Данный принцип является педагогическим отражением принципа фаллибализма, согласно которому научное знание является принципиально незавершенным. Незавершенность познания, следовательно, требует вовлеченности в процесс, который и будет соответствовать обучению. Очевидно, что это широкая интерпретация обучения, однако она позволяет продемонстрировать, что высшее образование является лишь часть более общего процесса получения знания.

Успешность обучения демонстрирует процесс обучения, а не результат.

Данный принцип утверждает, что вовлеченность обучающегося в процесс обучения важнее чем результат, который он может продемонстрировать в ограниченный период времени. Вовлеченность в процесс обучения предполагает наличие у обучающегося реального интереса к получению и применению «знания что» и «знания как». Реализация данного принципа предполагает смещение фокуса оценки с результата

¹ Sosa E. A virtue epistemology: Apt belief and reflective knowledge. Vol. I. Oxford University Press; 2007.

на оценивание обучающегося. Индивидуальные характеристики агента обучения играют более значительную роль в оценке процесса обучения. Данный принцип возможно реализовывать только при живом межличностном отношении ученик-учитель. Учитель должен прежде всего фокусироваться на личностных характеристиках обучающегося, которые он проявляет в процессе обучения, что, очевидно, невозможно сделать, например, при массовом онлайн обучении.

Вовлеченность в обучение требует наличия у обучающихся эпистемических добродетелей.

Вовлеченность в процесс обучения может быть оценен преподавателем в индивидуальном наборе эпистемических добродетелей студента. Фокус на эпистемические добродетели позволяют оценивать не результаты образования, а этот процесса обучения. Требуется организовывать учебный курс, подбирать и формулировать задания в нем таким образом, чтобы обучающийся имел возможность проявить и сформировать необходимые эпистемические добродетели. Среди наиболее важных можно назвать: love of knowledge, интеллектуальную честность, упорство, открытость разума и др.

Любознательность является центральной эпистемической добродетелью.

Среди основных эпистемических добродетелей центральное место занимает love of knowledge. Я полагаю, что наличие у обучающегося данной добродетели предопределяет его вовлеченность в процесс обучения. Love of knowledge представляет собой особый интерес интеллектуального характера, который удовлетворяется в процесс познания.¹ Поэтому любознательность выступает как внутренний движущий мотив как для обучения, так и для дальнейших самостоятельных исследований. Обучающийся, в котором поддерживается любознательность, будет стремится реализовывать данную добродетель в процессе бесконечного обучения. Без интереса узнавать новое невозможно

¹ Miščević N. Epistemic value: Curiosity, knowledge and response-dependence. Croatian Journal of Philosophy. 2016;16(3):393–417.

представить процесс обучения, поэтому любознательность позволит быть вовлеченным в сам процесс обучения, а не только достигать формальных результатов.

Если возвращаться к мысленному эксперименту вторжения AI в образование, то данная стратегия не позволит оценить ситуацию как успешное обучение. Действительно студенты выполнили задание, однако как сами обучающиеся, так и преподаватель не были вовлечены в процесс обучения. Новая технология GenAI лишь только позволила реализовать результаты обучения без личной вовлеченности агентов в обучение, продемонстрировав внутреннюю парадоксальность обучения, ориентированного на результат. Описанные принципы новой образовательной стратегии позволяют избежать подобного парадокса и сохранить существенную характеристику обучения как социальной деятельности, в основе которой лежат межличностные отношения. Ориентация на самого обучающегося и его эпистемические добродетели, которые он приобретает и реализует в процессе обучения, позволяют создать устойчивую образовательную среду, не восприимчивую к кризисам появления новых технологий.

Заключение

Очевидно, что новая образовательная стратегия не отрицает пользу AI в обучении и за его пределами. Можно согласиться и принять многие способы адаптации технологий AI в обучении, что безусловно положительно скажется на процессе обучения. Более того, в контексте данной стратегии его применение не оборачивается парадоксальным разрывом с процессом обучения. Новые технологии AI действительно имеют потенциал для революционного преобразования существующего высшего образования, но этот потенциал заключается в том, что AI наглядно демонстрирует несовершенства, которые необходимо исправить. Простое внедрение новой технологии, не способно преобразовать образование само по себе. Требуется новый подход к высшему образованию, в котором процесс обучения и обучающийся

находятся в центре внимания, только тогда внедрение новых технологий будет иметь только положительные последствия. Поэтому пессимизм относительно AI в образовании на деле оказывается пессимистическим взглядом на будущее результоцентричной стратегии обучения, ставшей повсеместной в современных условиях.

Е.Л. Яковлева

2.3. Проблематизация существование электронного кочевника как техноромантика и технонедоросля

Современная цивилизация вступила в новую эру, связанную с высокими технологиями и освоением цифрового пространства. Виртуальная среда, обладая нечеловекосоразмерными возможностями, оказывает доминирующее влияние на индивида, смещаая его приоритеты в свою сторону. Данная ситуация привела к появлению нового типа идентичности человека – электронного кочевника. Современный электронный кочевник полностью погружен в мир высоких технологий и новых медиа, очаровываясь их глобальностью, многоканальностью и интерактивностью. Он кочует не только в системе координат двоемирья (между реальностью и виртуальностью), но и в виртуальной среде. Его обязательными атрибутами становятся мобильные электронные устройства, сеть и доступ к ней. Технологии предоставляют кочевнику свободу от физических границ, позволяя мгновенно перемещаться в виртуальность и в виртуальности, добывать в ней информацию и интегрировать ее в свою повседневную жизнь. Постоянная связь с виртуальным пространством и мгновенный доступ к нему становятся ключевыми характеристиками существования индивида. Жизненным кредо электронного кочевника становится принцип: «Я на связи, значит, я существую». Подобный образ жизни доставляет личности удовольствие, позволяя в любой момент сбегать из реальности в виртуальность, игнорируя возникающие проблемы и окружающих людей.

В контексте философского анализа электронного кочевника обращает на себя внимание феномен двоемирия, в котором он пребывает. Необходимо признать, люди с древности были одержимы мечтой о двоемирии, видя в Ином мечту и идеальное социальное устройство. Наиболее ярко данное стремление выразили романтики XIX века. Другое дело, что в современности второй мир представлен технокором, и он реально дан человеку, позволяя в нем функционировать. Как отметил В.А. Кутырев, виртуальность является собой *техно-nano-виртуально-космическую даль*. И она оказывается для электронного кочевника приятным и удобным пространством, куда он сбегает. В связи с этим, «в современности мы можем говорить уже не о романтизме, а его трансформированном варианте, обусловленным этапом развития, – техноромантизме (неологизм Стефана Баррона)»¹. Данное замечание принципиально. Оно позволяет ввести по отношению к электронному кочевнику такую характеристику как *техноромантик*.

Разберемся в сходстве и различии романтиков и техноромантиков. Их различие заключаются в культурно-исторических эпохах, где они заявили о себе. Романтизм как движение зародился в конце XVIII – первой половине XIX века в Европе, а о техноромантизме мы говорим относительно современности, связанной с развитием информационных технологий в XXI веке.

«Романтики остро ощущали зыбкость бытия и его текучесть», испытывая «конфликт между не устраивающей их действительностью и собственной мечтой»². Для них мечта ассоциировалась с идеальным

¹ Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Электронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 423.

² Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Элек-

и гармоничным миром, а реальность олицетворяла ненавистное положение дел, тормозящее развитие. Романтики пытались вырваться за рамки привычного им мира и искали возвышенное в природе, духовном мире личности, героических и трагических судьбах. Объектом восхищения романтиков была человеческая душа, прошлое, экзотика. «Для романтиков характерны мистические тенденции (обращение к мифу, сказке), жажда свободы, тяга к прошлому/национальному/далекому, выстраивание собственной шкалы духовных (идеальных) ценностей и проявление довольно сильных страстей (от радужных мечтаний до пессимистического осознания их невозможности)»¹.

Электронный кочевник как техноромантик проявляет интерес к технологиям, искусенному интеллекту и виртуальному миру. Как романтики, техноромантики стремятся вырваться из действительности с ее проблематичностью. И реализация подобного сегодня возможна благодаря технологиям и виртуальной реальности. Они помогают преодолеть границы физического мира, расширить человеческие возможности, создать новые пространства в виртуальной среде, реализовать многочисленные потребности и желания индивида. Виртуальная среда, постоянно развивающаяся благодаря техническим инновациям, демонстрирует гибкость, эффективность и зрелищность, умело маскируя свою искусственную природу. Она уводит кочевника от реального мира в Иное, буквально растворяя его как личность в цифровой матрице и стирая границы между действительностью и иллюзией. Происходит

тронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 424.

¹ Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Электронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 424.

замещение реального гиперреальным. Виртуальный мир, самодостаточный в своей иллюзорности, открывает безграничные возможности для конструирования новой, нередко вымыщленной реальности, в том числе на социальных платформах. Современные цифровые образы, доведенные до совершенства, в своей имитации превосходят реальные. Славой Жижек, определяя виртуальный мир как *фантазматическую конструкцию*, указывает на то, что она искусно скрывает феноменологическую реальность с ее проблемами. Но электронный кочевник как «обитатель Интернета мчит себя не просто бездомным номадом, а гордым обладателем виртуального дома – homepage»¹, в котором ему комфортно. Другое дело, что данное ощущение оказывается симулятивным, а сам кочевник в цифровом мире играет роль функционера, оперирующего различными компьютерными программами.

Художник как ключевая фигура эпохи романтизма был призван посредством творческой деятельности преобразовать мир и людей. В отличие от него, современный техноромантик характеризуется отсутствием масштабных целей, осуществляя свою креативность скорее пассивным способом, что обусловлено логикой технологического прогресса. Дело в том, что цифровая среда позволяет электронному кочевнику реализовать творческий потенциал. Но творчество здесь связано с минимизацией человеческих усилий, превращаясь в упрощенный и развлекательный процесс. В виртуальной среде художественные объекты конструируются из уже существующих компонентов «последовательностью выбора из пунктов меню»². У электронного кочевника рождается иллюзия творческой деятельности: она базируется не на основе его талантов и способностей, а осуществляется посредством программного обеспечения, что заставляет вспомнить метафору *смерть автора* (Р. Барт). Но кочевник как пользователь, погружаясь в виртуальную иллюзию, ощущает себя творцом, создающим нечто новое и

¹ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 300.

² Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 167.

значимое, что способствует повышению самооценки. Однако доминирование алгоритмизированных процессов в виртуальном творчестве приводит к редукции воображения и других когнитивных функций индивида, что влечет за собой невостребованность значительной части его потенциала, заставляя электронного кочевника неосознанно ощущать внутреннее недовольство творчеством и даже пустоту.

Романтики в творчестве обращались к темам одиночества, любви, смерти, героизма, национальной идентичности. Техноромантиков привлекают темы искусственного интеллекта, постгуманизма, виртуальной реальности, биотехнологий, катастроф, вызванных технологическим прогрессом.

И романтики, и техноромантики ставят во главу угла чувства, эмоций и переживания. При этом романтики противопоставляли рационализму Просвещения глубокие личные переживания, страсть, восторг. Техноромантики демонстрируют эмоциональное воздействие на них технологий, что нередко выходит за рамки рационального понимания. Эмоции техноромантика оказываются неглубокими, постоянно меняющимися, зависящими от той информации, которую он получает на текущий момент в Интернете и мгновенно реагирует на нее.

Романтизм был бунтом против классицизма и его жестких правил, против рациональности и утилитаризма. Техноромантизм также бросает вызов, но уже реальности: она раздражает его своей проблематичностью, многозадачностью, постоянной сменой тенденций, выполнением требований и предписаний. Электронный кочевник «оказывается ведомым технологической средой», осуществляя *созидательное разрушение* (Д. Харви)¹, характеризуемое постоянными созиданиями

¹ Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Электронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 425.

и разрушениями созданного. Так, пытаясь порвать с реальностью, кочевник выстраивает подобно ей собственное пространство в виртуальности и при этом снова и снова возвращается в действительность, не понимая в полном объеме, что она первична и необходима.

В связи с вышеизложенным можно утверждать, что у романтиков и техноромантиков присутствует элемент эскапизма. Оба типа личности стремились уйти от реальности, найти убежище в мире фантазий, мечтаний и идеалов. Но романтики сбегали в мир своих фантазий, природу, экзотические страны, а техноромантики – в виртуальные миры и киберпространство. При этом в качестве эскапистского механизма для ухода от проблем и конфликтов реальной действительности романтик и электронный кочевник обращаются к творчеству. Другое дело, что у романика оно реализуется посредством собственных ресурсов, а у техноромантиков с опорой на технологии (о чем мы писали ранее).

В целом, в современности у электронного кочевника как техноромантика наблюдается переосмысливание романтических идеалов, что обусловлено достижениями эпохи и появлением нового вида технологической реальности. Сохраняя стремление к трансцендентному и акцент на чувствах, электронный кочевник находит их не в реальности, а в возможностях, открываемых технологиями.

Необходимо признать, в контексте современной эпохи, характеризующейся технологическим прогрессом, кочевник как техноромантик испытывает экзистенциальное напряжение, обусловленное перцептивным ощущением утраты некой сущности. Однако эта утрата у него не поддается четкой концептуализации и артикуляции. Возникающий дискомфорт провоцирует у индивида ностальгические переживания, направленные на неопределенный и не поддающийся рациональному осмыслению объект. Согласно С. Бойм, ностальгия представляет собой комплексное явление, связанное с переживанием тоски, вызванной перемещением во времени и пространстве¹. Эмоциональный спектр, характерный для ностальгии, варьируется в довольно широком

¹ Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 110.

диапазоне от эйфории до глубокого разочарования. Стремясь восполнить ощущение утраты, электронный кочевник вступает во взаимодействие с собственной фантазией, однако у него данное взаимодействие не носит гносеологического характера. Оно детерминировано поверхностным отношением к существованию, формирующимся в результате скольжения по информационному пространству виртуальной среды и генерируемыми им эмоциональными реакциями. Непрерывное обновление информации обуславливает нестабильность эмоциональной сферы, что отвлекает от поиска утраченной сущности и не способствует ее обретению. Следствием этого оказывается проявление пессимистических, ироничных или разочарованных настроений техноромантика. В случае с электронным кочевником поиск утраченного осложняется отсутствием четкого понимания объекта поиска и постоянным отвлечением на избыточную/ненужную информацию в виртуальной среде.

Интенсивность переживаний утраты приводит к разного рода идеализациям. При этом кочевник начинает идеализировать товары и услуги, навязываемые ему в цифровом пространстве посредством нарративов общества потребления. Подтверждение этому находим в рассуждениях Ж. Бодрийяр, который характеризует потребление как идеалистическую, романтическую практику, дистанцированную от непосредственной реальности и удовлетворения базовых потребностей¹. При этом сегодня потребление не сводится к элементарному акту приобретения, а разворачивается в виде тотального социального явления, охватывающего культуру и коммуникацию. Находясь в виртуальном пространстве, кочевник под влиянием навязанных ценностей, в том числе посредством рекламных сообщений, следует алгоритмам коньюмеристских установок и превращается в без(д)умного потребителя. Манипулятивные стратегии в сочетании с ослабленным критическим мышлением электронного кочевника способствуют его безграничному стремлению к потреблению. Современная экономика закрепляет данную тенденцию посредством формулы «потребительское общество

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РИПОЛ классик, 2023. С. 252.

(комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны»¹. Виртуальная среда, где (прозрачно) продвигается множество коммерческих проектов, товаров и услуг, формирует и поддерживает у кочевника (иллюзорные) потребности в (немыслимых) потребностях. Он даже не осознает необходимость определенных товаров или услуг для себя, пока они в определенный момент ему были навязаны как абсолютно ценные и необходимые. Предметы потребления, олицетворяя нехватку, воздействуют на эмоции кочевника как техноромантика и соблазняют его, заставляя совершить покупку. Но следствием этого становится характерное романтическое разочарование, зачастую сопровождающееся иронией, обнажающей фундаментальное противоречие между субъективным желанием и объективно навязанным, между искомой сущностью и фактически приобретенным объектом. Это противоречие запускает механизм *созидающего разрушения* (Д. Харви), о котором мы уже упоминали. Рост потребностей смещает приоритеты кочевника: материальные вещи становятся для него главными, а духовные – обесцениваются. При этом виртуальная среда превращается в мощный и эффективный инструмент контроля. В базах данных сохраняются поисковые запросы электронного кочевника, что обеспечивает индивидуальный подбор товаров и услуг в соответствии с его вкусами. И из этого порочного круга потребления оказывается невозможно вырваться. Электронный кочевник (частично) осознает иллюзорность приобретения, что вновь толкает его на путь поиска утраченной (неизвестной) сущности. «Бесконечно-систематический процесс потребления проистекает из несбывшегося императива целостности, лежащего в основе жизненного проекта»². Непонимание утраты некой сущности, отсутствие конкретной цели и смысложизненной рефлексии толкают электронного кочевника в увлекательную игру случайностей существования. Но погруженность в нее наряду с интересом вызывает

¹ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. С. 77.

² Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РИПОЛ классик, 2023. С. 254.

скуку и приводит к состоянию интеллектуального/эмоционального истощения. Если классический романтик определял себя через присутствие и центрированность, то техноромантик характеризуется отчужденностью от реальности как специфическим отсутствием и рассеиванием¹. «Романтическая глубина в данном контексте оборачивается поверхностностью, определенность – неопределенностью, трансцендентное – имманентностью, истоком которой оказываются мимолетные желания и прихоти кочевника как техноромантика»². Таким образом, электронный кочевник с чертами техноромантика оказывается заложником стремления к целостности, но в качестве решения проблемы ему навязывается бесконечный цикл потребления, что делает его разочарованным в себе и своей жизни.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что у электронного кочевника отсутствует критическое отношение к своему существованию и адекватная реальности рефлексия. Не последнюю очередь в этом играют современные технологии и виртуальность. Мир цифровых технологий предоставляет современному индивиду много привилегий. Виртуальное пространство позволяет электронному кочевнику дистанционно учиться, работать, осуществлять различные операции и развлекаться. Переходя по гиперссылкам, пользователь перемещается между виртуальными локациями (иногда вопреки собственным потребностям). Этот процесс впечатляет, захватывает и погружает кочевника

¹ Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Электронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 427.

² Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Электронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 427.

в роль наблюдателя за событиями, происходящими в виртуальном мире. Здесь формирует насыщенное коммуникационное пространство, предоставляя возможности для знакомств, налаживания связей и обмена информацией независимо от географических границ. Электронный кочевник получает возможность «телеприсутствовать в удаленных локациях в рамках одного электронного экрана»¹, принимая сообщения из разных источников. Для него порою неважно, создана среда с помощью компьютерных технологий, записана она на камеру или представляет собой комбинацию обоих подходов. Для кочевника как техноромантика главными становятся вовлеченность в виртуальную среду и испытываемые эмоции. При этом ощущения, полученные в цифровом мире, ценятся индивидом гораздо выше, чем полученные в реальности. Таким образом, действующая в виртуальном мире собственная логика, подчиняет себе электронного кочевника как пользователя.

Но привлекательность виртуального мира выполняет роль сети-ловушки. Кочевник оказывается заложником этой ловушки, не способным и не желающим покидать ее. Данная ситуация рождает большое количество проблем, в том числе когнитивного и экзистенциального плана. Как констатировал Н.А. Бердяев, «техника покоряет и самого человека: она не только в чем-то освобождает, но и по-новому порабощает его»². Приобретая зависимость от техники, электронный кочевник начинает процесс собственной примитивизации. Так, интенсивная коммуникация в Интернете на различных социальных платформах может вызывать у современного кочевника чувство неудовлетворенности. Дело в том, что взаимодействие в цифровой среде характеризуется ситуацией, когда кочевник вступает в интеракцию, направленную в виртуальную пустоту/Ничто. Отсутствие непосредственного контакта с реальным собеседником, его взглядом и чувствами, определенная

¹ Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 222.

² Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii

отчужденность оставляют ощущение неполноты даже при интерактивном общении. Следствием этого является снижение эмпатических проявлений, таких как соучастие, сочувствие и сопереживание, что, в свою очередь, негативно влияет на способность к (непосредственному) взаимодействию с людьми, которое необходимо для поддержания социального баланса. В результате подобных функциональных отношений, «где техника выполняет языковую функцию, а диалог происходит в *безъязыково-бессловесно-бессознательном* формате (В.А. Кутырев), безмолвно и бесконтактно»¹, кочевник чувствует себя одиноким. Подобный вид коммуникации, приглушая интерес к реальной жизни и людям, может способствовать формированию *абиотического синдрома*, характеризующегося потерей смысла существования, «дефицитом жизни, подавлением инстинктов и желания жить, депрессией»². Отчужденное взаимодействие в виртуальной среде со временем приводит к тому, что электронный кочевник утрачивает навыки эффективной коммуникации в реальном мире, чувствуя себя закомплексованным, отчужденным от людей и непонятым ими.

В виртуальном пространстве на современного человека обрушивается лавина информации, большая часть которой оказывается избыточной и ненужной. Привыкая быстро просматривать ее, что соответствует современному клиповому мышлению,держивающему внимание не более 8-10 секунд, человек теряет способность к анализу, усвоению и интерпретации информации. Это приводит к ухудшению критического мышления, рассеянности и проблемам с памятью. Автоматизация, характерная для работы на компьютере, оказывает негативное воздействие, формируя интеллектуальную и ментальную

¹ Яковлева Е.Л. Этюд об иллюзиях электронного кочевника // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 15–16 ноября 2019 г.) / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, А.Р. Каримова и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 273.

² Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. С. 199.

пассивность. Жизнь начинает переходить в режим автопилота, когда бессознательное постепенно вытесняет осознанное. Опасность заключается в том, что при подобном существовании электронный кочевник становится легкой добычей для манипуляций, осуществляемых сегодня не только в реальности, но и в виртуальности.

В условиях перманентной манипуляции сознанием в ситуации двоемирия, характерной для цифровой эпохи, электронный кочевник подвергается фундаментальной деконструкции, что распространяется на понимание себя и своего существования, умение критически воспринимать происходящее и анализировать его. Это приводит к когнитивному диссонансу и сбоям в процессах обработки информации. Сознание индивида, погруженного в виртуальную среду, подвергается алгоритмизации, опосредованной компьютерными системами и соответствующим программным обеспечением. Нейронные сети головного мозга электронного кочевника фиксируют данные, генерируемые не феноменологически данной реальностью, а фрагментами виртуального мира, являющегося симулятивным, что приводит к отчуждению от непосредственного опыта. Феноменологическая реальность с присущей ей диалектической напряженностью, внутренними противоречиями, конфликтами и драматическими ситуациями ускользает от восприятия и рефлексии электронного кочевника. Он не понимает, что только напряженность, амбивалентность и трагизм человеческого существования создают эпистемологические предпосылки для конструирования экзистенциальных смыслов, обуславливая саморазвитие. Происходит постепенная примитивизация электронного кочевника.

Данная черта заставляет вспомнить главного персонажа Д.И. Фонвизина – *недоросля*. Другое дело, что сегодня можно говорить о его новом модусе – *технонедоросле*, чье формирование обусловлено цифровой средой. Подобно своему литературному предшественнику, электронный кочевник с чертами технонедоросля демонстрирует комплекс черт, отражающих глубокий духовный кризис. Эгоцентризм, инфантилизм, не(до)образованность, апатия и лень становятся у электронного

кочевника не просто недостатками, а симптомами экзистенциальной пустоты, зияющей в самом центре его бытия. Подобно Нарциссу, он утопает в отражении величия собственного Я, раздутом цифровыми фильтрами и лайками в социальных сетях. Технонедоросль не способен увидеть мир во всей его сложности и многогранности.

Образование в его понимании превращается в фетиш, в инструмент достижения социального статуса, а не в средство постижения истины. Он – воплощение *образины образованицы*, поверхностно скользящий по знаниям, не стремящийся к их глубине и применению. Дистанционное обучение становится не способом расширения возможностей, а удобной формой уклонения от интеллектуального труда, подменяющей подлинное знание эрзац-информацией, нередко почерпнутой из сомнительных источников.

Интернет вместо источников мудрости (книг, учебников, энциклопедий, статей и пр.) превращается в лабиринт, в котором он теряется, предпочитая блуждать в гуле социальных сетей и готовых решений. Кочевник как технонедоросль не утруждает себя критическим анализом информации, выбирая пустую болтовню вместо серьезного осмыслиния происходящего, в том числе с ним. Научные труды и классическое образование кажутся ему устаревшими, и он не понимает, что в них заключены вечные истины, актуальные во все времена. Но при этом технонедоросль претендует на экспертность во всех вопросах, не обладая достаточными знаниями и опытом. Он отрицает авторитеты, презирает профессионалов. Его алгоритмы поведения скопированы из цифровой среды, он – марионетка, управляемая компьютерными программами и социальными платформами, не осознающая собственной зависимости и манипулируемости. Скрытая жестокость, зреющая в экзистенциальной пустоте недоросля, проистекает из ощущения собственной неполноценности и неспособности реализовать себя в действительности. Он ищет выход своей агрессии не только в виртуальном пространстве, но и в реальности, не задумываясь о последствиях своих слов и действий. Электронный кочевник с чертами технонедоросля

оказывается человеком одномерным, ограниченным материальными ценностями, живущим в модусе *иметь, а не быть*.

В заключении выделим следующие моменты. В контексте современной цивилизации, характеризующейся стремительной цифровизацией и проникновением виртуальной среды во все социальные сферы, возникает новая форма идентичности индивида, которую можно обозначить как электронный кочевник. Этот субъект решает огромное количество вопросов и проблем как в реальности, так и в виртуальности. При этом предпочтение отдается цифровой среде, что делает современную личность отчужденной от реальности и зависимой от технических устройств. Электронный кочевник в своем мировоззрении и образе жизни отражает сложное переплетение романтических идеалов и технологического прогресса, что позволяет нам концептуализировать его как техноромантика. Его существование разворачивается в дихотомии двух миров: физического и виртуального. При этом лишенная привычных ограничений виртуальная среда создает иллюзию бесконечности, динамичной неопределенности и пластиности, что стимулирует широкий спектр эмоциональных переживаний. С одной стороны, возможность двоемирия реализует стремление электронного кочевника к трансцендентности и преодолению повседневной рутины, но, с другой стороны, трагедия техноромантика заключается в его неспособности осознать идеалы, на которые он подсознательно ориентируется, и цели своего существования. Недостаточная рефлексия и отсутствие критического мышления делают его уязвимым перед диктатом потребительского общества. Погоня за мимолетными удовольствиями, предлагаемыми в виртуальной и реальной среде, становится его *modus operandi*, но редко приносит истинное удовлетворение. В этой погоне он обречен на разочарование и постоянный поиск новых стимулов.

Одновременно с чертами техноромантика у электронного кочевника проявляются черты технонедоросля. Низкий уровень развития когнитивных способностей, недостаточная культурная база, неосознанность существования и склонность к поверхностным суждениям

выявляют в нем черты, близкие к образу недоросля – персонажа, воплощающего незрелость и отсутствие критического восприятия.

В итоге электронный кочевник, проявляющий черты техноромантика и технонедоросля, демонстрирует в своей жизни состояние перманентного кризиса. Его стремление к идеальному, утопическому миру постоянно сталкивается с суровой реальностью потребительского общества, неспособностью к глубокому осмыслению и, как следствие, с ощущением внутренней неудовлетворенности. Сложившаяся ситуация с современной личностью ставит перед нами фундаментальные вопросы о природе человеческого существования в эпоху цифрового трансгуманизма, о соотношении реального и виртуального и о способности человека к подлинному познанию и самореализации

Электронный кочевник как техноромантик с чертами недоросля – это трагический продукт нашей эпохи. Потерявший связь с реальностью, погруженный в иллюзорный мир цифровых технологий, забывший о вечных ценностях и истинном смысле жизни он отражает экзистенциальное и когнитивное состояние нашего общества. Он является собой наглядное предостережение о том, что ожидает нас в недалеком будущем, если мы не остановимся и не задумаемся о последствиях нашей технологической зависимости.

A.B. Кугубаева, A.I. Дудочников

2.4. Исследование социокультурных практик распространения культа молодости

Культ «молодости» – социокультурный феномен, подчеркивающий идеализацию молодости как периода энергии, новаторства и свободного самовыражения. В современном обществе этот культ играет важную роль в формировании межпоколенных практик и влияет на

различные аспекты жизни, такие как культура, экономические отношения и социальная динамика.

Одним из ключевых аспектов культа молодости является его влияние на восприятие старших поколений. В обществе преобладает мнение, что молодость ассоциируется с прогрессом, а старость рассматривается как период упадка. Это приводит к обесцениванию опыта и знаний более зрелых людей. Это явление создает барьер в общении между поколениями, когда молодые люди могут считать советы старших устаревшими, а старшие могут не понимать мотивы и ценности молодых людей.

Культ «молодости» в современном обществе оказывает определенное давление на все поколения, но особенно сильное влияние он оказывает на молодежь. Это идеализация молодости, красоты, активности и успеха, часто в ущерб опыту, мудрости и традиционным ценностям. Это создает разрыв между поколениями, поскольку представители старшего поколения могут чувствовать себя менее ценными в обществе, ориентированном на молодежь.

Для современной молодежи (поколение Z и Альфа) важны следующие ценности: личностное развитие, здоровье и образ жизни, финансовая независимость и карьера, образование, общение и социальные отношения. Семья и статус по-прежнему важны, но они часто уступают место личностному развитию и личному благополучию. Молодые люди ищут гибкий образ жизни, возможность путешествовать, получать новые впечатления и заниматься тем, что им интересно. Они ценят свободу выбора, индивидуальность и возможность самовыражения. Важным фактором является влияние социальных сетей, которые формируют представление о зачастую недостижимой «идеальной жизни» и оказывают давление на молодежь.

Государство, обеспечивая стабильность и развитие общества, стремится привить молодежи такие ценности, как нормативно-правовая база, регулирующая данную сферу, в том числе Федеральный закон

«Об образовании в Российской Федерации», Стратегия развития молодежи в Российской Федерации, а также указы Президента Российской Федерации, направленные на укрепление национальных ценностей и развитие молодежной политики. Реализуются различные программы поддержки молодежи, включая гранты на образовательные и социальные проекты, стипендии, а также меры по поддержке молодых семей и занятости. Важно понимать, что молодые люди неоднородны и что ценности могут различаться в зависимости от социального статуса, образования и личных убеждений. Задачей государства является создание условий для развития и личностного роста молодежи с учетом ее потребностей и интересов, а также формирование ценностей, способствующих стабильности и процветанию общества.

Принято считать, что с возрастом человек становится менее активным, а круг его интересов и потребностей сужается. Привычные социокультурные установки диктуют отношение к старости как к периоду снижения жизненных функций и восприятие пожилых людей прежде всего как объектов социальной заботы. Сегодня, в силу тенденций развития социально-правового общества, гуманизации социальной среды, развития теории и практики социальной работы, в условиях технической оснащенности и широких возможностей продления жизни появились реальные возможности достижения качественно нового уровня активной, счастливой и полноценной старости, в которой физиологические процессы старения не играют решающей роли.

Культ молодости также отражен в массовой культуре, где молодежные тенденции, мода, музыка и язык создают строгие границы между поколениями. Молодежные субкультуры становятся важной частью общественного дискурса и часто оказывают влияние на старшие поколения, инициируя изменения в культуре, языке и общественной жизни. В этом случае имеет место взаимное влияние: люди старшего возраста могут перенимать определенные аспекты молодежной культуры, что помогает им интегрироваться в современный контекст, в то

время как молодые люди усваивают ценности устойчивости и традиций от старших. Рынки и компании все больше ориентируются на молодежь. Это создает динамику, в которой интересы и экономические возможности молодых людей становятся доминирующими, иногда игнорируя потребности старших возрастных групп. В конечном итоге такой подход может привести к социальной напряженности и недовольству среди старших поколений, которые чувствуют себя маргинализированными.

Кроме того, на фоне культа молодости происходит изменение структуры семьи и межпоколенных отношений. Молодые люди, стремясь к независимости и самореализации, порой отходят от традиционных семейных ценностей. Это может привести к конфликтам в отношениях между родителями и детьми, поскольку старшие поколения цепляются за традиционные представления о семье и обязанностях, а молодые люди ищут новые формы самовыражения и общения.

Межпоколенные практики начали целенаправленно и успешно применяться в США с 1960-ых годов. Благодаря им многие проблемы (социальная изоляция, дистанцированность поколений, дискrimинация по возрасту при приёме на работу, увольнении) стали снижать свою актуальность. Изначально межпоколенные практики создавались с тем, чтобы преодолеть негативные последствия географического разделения поколений, так как 30-40 % американских семей жили вдалеке от родителей. В дальнейшем они сосредоточились на решении определённых социальных проблем, которые воздействуют на молодёжь (занизенная самооценка, исключение из школы, злоупотребление алкоголем и наркомания, вовлечение в банды, ранняя беременность) и людей пожилого возраста (избавление от ощущения своей бесполезности и чувства одиночества, алкоголизма, проблема занятости).

Молодежь все больше беспокоится о социальных и экологических проблемах и стремится внести свой вклад в их решение. Это проявляется в участии в волонтерских проектах, акциях протеста и поддержке экологически чистых товаров и услуг. Исследования показывают,

что молодые люди все чаще выбирают компании и бренды, которые придерживаются принципов социальной ответственности и заботятся об окружающей среде.¹

Семья и статус, безусловно, остаются важными, но их приоритет может быть ниже, чем самореализация и личное благополучие. Молодые люди все чаще откладывают вступление в брак и рождение детей, чтобы сначала получить образование, построить карьеру и самореализоваться. Статус также играет роль, но он определяется не только материальным благополучием, но и достижениями в профессиональной и творческой сферах, а также влиянием в социальных сетях.²

Межпоколенные практики можно условно разделить на три группы:

- программы, в которых пожилые люди предоставляют услуги детям и подросткам;
- программы, в рамках которых дети и подростки предоставляют услуги пожилым людям;
- группы, где дети, подростки и пожилые люди обслуживают людей других возрастов.³

Практики первого типа применяются, как правило, в детских садах, школах, колледжах. Пожилые люди делятся своими знаниями и опытом с детьми, помогая преподавателям, воспитателям, родителям, выступая в качестве наставника, воспитателя, няни, взрослого друга или тренера. Такие программы способствуют повышению успеваемости детей в школе, росту их самооценки, опыта, а пожилые люди могут передать свой жизненный опыт и навыки молодому поколению, освоить новые, полезные социальные роли.

¹ Савруцкая Е. Анализ динамики качественных характеристик ценностного сознания молодежи России / Е. Савруцкая, С. Устинкин // Власть. 2011. № 10. С. 92–96.

² Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: меняющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48.

³ Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 428 с

Программы второго типа, в которых дети и подростки предоставляют услуги пожилым людям, обычно предназначены для больных стариков или лиц, которым необходима ежедневная помощь в ведении домашнего хозяйства. Дети и подростки могут сопровождать пожилых людей на прогулки, писать им письма, при личном посещении читать книги или слушать музыку делиться впечатлениями, находя друг в друге заинтересованных, благодарных слушателей.

Программы третьего типа предполагают совместную работу подростков и пожилых людей и обычно проводятся на открытом воздухе (проекты озеленения улиц, выращивания цветов и овощей, переработки мусорных отходов, строительства детских площадок).¹

В межпоколенческих практиках культ молодости проявляется как во взаимодействии пожилых людей с молодыми, так и во влиянии, которое молодое поколение оказывает на старшее. В программах, где пожилые люди оказывают услуги детям и подросткам, например: в детских садах и школах происходит обмен знаниями и опытом, которые важны для обоих поколений. Пожилые люди, выступая в роли наставников и помощников, берут на себя функции, позволяющие им не только реализовать свой опыт, но и взять на себя активную социальную роль. Это подчеркивает ценность возрастного участия, где пожилые люди не исчезают на фоне культа молодости, а наоборот, становятся важными фигурами в жизни молодых людей. Такой обмен может помочь детям не только в учебе, но и в повышении их самооценки, поскольку они видят, что их знания и достижения ценные для других.²

Второй тип программ, в которых дети и подростки оказывают услуги пожилым людям, становится своеобразным зеркалом, в котором воспитывается уважение и интерес к жизни старшего поколения. Здесь молодым людям предоставляется возможность увидеть свою будущую роль в обществе, одновременно узнавая, как включить ценности

¹ Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Новое изда-
тельство, 2011. – 464 с.

заботы и внимания в свою жизнь. Работа с пожилыми людьми укрепляет их чувство ответственности и сочувствия, что также говорит о важности культа молодости: не только как физического состояния, но и как морального и социального долга. Культ молодости выражается в том, что сам процесс общения с пожилыми людьми воспринимается ими как обогащение опыта и источник незаменимых историй, что противоречит распространенному мнению об отсутствии интереса к пожилым людям.

В третьем типе программ, где дети, подростки и пожилые люди работают вместе над общей целью, например, садоводством или строительством, молодежный культ подчеркивает сильное чувство общности и совместного участия. Здесь создается уникальная атмосфера, когда молодые люди не только учатся у старших, но и предоставляют им возможность заняться активным времяпрепровождением, которое обычно ассоциируется с молодостью. Вместе они создают проекты, направленные на улучшение общественного пространства, тем самым объединяя поколения и подчеркивая необходимость взаимопомощи. В этом контексте молодость становится не только индивидуальным качеством, но и коллективной ценностью, когда люди старшего возраста учатся новому у молодых, а молодые люди получают важные жизненные уроки от пожилых людей.

Таким образом, культ молодости проявляется в межпоколенческих практиках посредством множества взаимодействий, которые обогащают каждую сторону. Молодежь получает доступ к ценным знаниям, а люди старшего возраста – возможность вести активную деятельность, сохраняя при этом свое место в обществе. Такое взаимовыгодное сотрудничество не только создает основу социальной устойчивости, но и формирует новое понимание ценности каждой эпохи и способствует гармоничному сосуществованию разных поколений.¹

¹ Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2 (20). С. 110–132.

Культ «молодости», пронизывающий современное общество, оказывает существенное влияние на межпоколенческие практики, формируя определенные стереотипы, ожидания и модели взаимодействия между разными возрастными группами. С одной стороны, это создает барьер между поколениями, усиливая разрыв между молодыми и старыми, причем первые воспринимаются как носители инноваций, энергии и прогресса, а вторые – как представители устаревших взглядов и консервативных ценностей. Это может привести к обесцениванию опыта и мудрости старшего поколения, дискриминации по возрасту и ограничению возможностей их активного участия в жизни общества. В свою очередь, молодежь может ощущать давление, связанное с необходимостью соответствовать идеалам молодости и успеха, что приводит к стрессу, тревоге и поиску искусственных способов выглядеть моложе. С другой стороны, культ «молодости» может существовать в разных контекстах. Важно пропагандировать ценности уважения, взаимопонимания и сотрудничества между поколениями, создавать условия для активного участия людей всех возрастов в жизни общества.¹

Таким образом, культ молодости в контексте межпоколенческих практик представляет собой сложное и многослойное явление. Это создает возможности для взаимодействия и взаимопонимания между поколениями и приводит к конфликтам и недопониманию. По мере изменения социального контекста и ускорения темпа жизни проблема межпоколенческих отношений и смысла молодежи становится все более актуальной, требуя от общества принятия новых подходов к межпоколенческому диалогу.

Культ молодости в современном обществе наблюдается во многих сферах жизни, от медиа до социальных норм и ценностей. Светлые образы молодости часто противопоставляются негативным стереотипам старения, что находит отражение в культурных, социальных

¹ Лебедева Т.В. Цифровое поколение / Т.В. Лебедева, А.А. Субботин // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – № 4. – С. 985–995.

и экономических структурах. Содержание и характер будущего принято определять за счет молодого поколения их интересов, ценностей и направлений развития. Этот вторичный анализ литературы будет сосредоточен на сравнении различных исследований, касающихся культуры молодости, старения, и ценностей молодежи.

Исследования молодого поколения показывают, что современные молодежные ценности значительно отличаются от предыдущих поколений. Современную российскую молодёжь во многих работах исследователи характеризуют её как противоречивую. Очевидно, что молодёжь одна из самых мобильных социально-демографических групп обществе, которой характерны такие черты как: быстрая смена социальных ролей, статусов и профессионального уровня, в связи с вхождением в мир взрослых и адаптации к нему. Анализ ценностей молодёжи всегда был актуален и интересовал исследователей, так как определял будущие тенденции жизни общества. При анализе работ, где происходит сравнение межпоколенческих ценностей молодёжи можно заметить тенденции их формирования, а также значимые различия между ними в разные периоды времени.

Обратимся к работе Шамаевой К.М.,¹ где проводится сравнительный анализ исследовательских работ о тенденции трансформаций ценностных ориентиров молодёжи советского и постсоветского времени. В работе описано исследование Центра научно-политической мысли и идеологии, где с помощью опроса с методом электронной рассылки получили сравнительный анализ ценностей молодёжи восьмидесятых и девяностых годов двадцатого столетия. Эти периоды были выбраны, так как эксперты центра посчитали их знаковыми за произошедшие исторических события, что повлекли да собой последствия в виде влияния на социокультурные характеристики молодёжи. Анализ полученных результатов позволяет сделать выводы о явной деградации молодёжи

¹ Шамаева К.М. Трансформация ценностных ориентаций молодежи: межпоколенческие различия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4. С. 181–183.

в рамках интеллектуального потенциала, гражданской активности и нравственных качествах. Респондентами выступили молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет и люди от 55 до 60 лет, в первом случае оценили современную молодёжь и их ценности, а во втором ценности молодёжи девяностых и восьмидесятых годов. Основываясь на ответах, можно говорить о том, что материальное благополучие, жажда обогащения и удовлетворение собственных потребностей доминируют среди жизненных целей современной молодёжи, а ценности по типу «создать семью», «родить детей», «иметь высшее образование», «иметь надёжных друзей» уходят на второй план. Исследование указывает на то, что современные молодежные культуры акцентируют внимание на самореализации, разнообразии и устойчивом развитии, в то время как старшие поколения меньше фокусировались на индивидуальных ценностях.

Эти выводы стоит сравнить с исследованиями молодежи нынешнего поколения, хоть установки и ценности модернизовались в течение десятилетий, но тенденции к выстраиванию приоритетов, основанных на индивидуалистических взглядах, остаются. Обратимся к анализу исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), целью которого было выяснить, какими видят сегодня молодых людей соотечественники более старших поколений от главы ВЦИОМ Валерия Федорова.¹ Обращаясь к его сформулированным выводам, интересен факт того, что семья и отношения с другими людьми становятся главной ценностью для современной молодежи, но с новой позиции: ценность в межличностных отношениях наступает в противовес предыдущему поколению молодежи, что вели денежную стабильность на высшую степень в системе ценностей после экономических кризисов. Нынешнему поколению важно устойчивые близкие социальные отношения ради качественной жизни, так

¹ В России выросло «тепличное» поколение молодых патриотов / Газета «Взгляд», 2020 г. URL: <https://vz.ru/society/2020/9/7/1058238.html> (дата обращения: 13.03.2025).

как далее по исследованию следующей доминирующей ценностью является дело, которым они будут заниматься. В сравнение с прошлыми поколениями, нынешние ребята росли в более защищенной системе, поэтому деньги для них важны, но это уже не сверхценность, как раньше, главное – это качественное время для себя в окружении близких людей и интересное дело, дающее как необходимый доход, так и определенную свободу. А вот главными страхами молодежи выступили здоровье и красота, что может говорить о формировании у молодежи определенных взглядов на будущее и старение, что может формировать аспекты культа «молодости» или его практики.

Помимо этого, выводы по исследовательским работам о ценностях молодежи и их межпоколенческих различиях могут говорить о формировании культа молодости через диссонансы и ценностные конфликты между поколениями, так как идеи о сохранении красоты, энергии, молодости, а также здоровья в перспективе для продление своей жизни меняют восприятие старости молодыми, и соответственно молодости взрослыми.

Другим фактором влияющий на формирование культа молодости выступает медиа и то, как отображается старость и молодость в средствах массовой информации. Исследования показывают, что молодость часто идеализируется в рекламе, кино и социальных сетях, в то время как старение часто представляется негативно или игнорируется. В исследовании Э.Г. Рябцевой «Отражение культа молодости в текстах рекламного дискурса»¹, где рассматриваются тенденции в использовании в рекламе стремления к обладанию молодостью с целью манипуляции потребительским сознанием, проанализированы рекламные тексты и определены методы с помощью которых формируется культ «молодости».

¹Рябцева Э.Г. Отражение культа молодости в текстах рекламного дискурса // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований 2021. № 4. С. 120–129.

Многие виды товаров и услуг пользуются стремлением человека сохранить молодость для рекламы: косметические товары, парфюмерия, спортивные клубы и фитнес-центры, товары для спорта, космические салоны и салоны пластической хирургии, эстетическая медицина, туризм и это далеко не все сферы, что используют эту практику. При этом реклама фокусируется почти исключительно на материальной, телесной составляющей понятия молодости, таким образом, через гипертрофированное стремление к обладанию данного понятия, формируется культ «молодости» – так называемый синдром Дориана Грея. Презентабельная внешность наравне с молодостью подаются как компоненты личностного успеха, важные жизненные ценности. СМИ и рекламная индустрия с помощью стереотипных нарративов и завлекающих заголовков и изображений влияет на внедрение лукизма и дискриминации по внешнему облику, следствием которой выступает возрастная дискриминация – эйджизм. Е.Л. Омельченко отмечает, что идея молодости «давно уже не является столь очевидно и однозначно прикрепленной к некоей возрастной группе, а стала чертой, акцентом, фокусом мировой культуры в целом»¹. Современное общество характеризуют как ювенальное – существующее по стандартам «молодежной культуры», что усиленно возводит молодость на высшую ступень ценностей и провозглашает её абсолютным благом и методом получения новых возможностей и привилегий. Действительно, мы можем наблюдать как современное общество и его развитие напрямую зависит от тенденций молодежи: государственная политика и её инициативы во многом направлены на поддержание данной общественной группы, а рынок, предприятия и компании во многом стараются работать на молодежь, даже если она не является их целевой аудиторией, так как они пытаются ухватить выгоду от преимуществ этой группы в виде продвижения, внимания, огласки.

¹ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2. С. 151–182.

Автор в своей работе приводит множество примеров как в текстовой рекламе и с помощью каких лингвистических методов происходит формирование представления о молодости и создаётся идеал тела, например: «крем предотвращает **тусклость и вялость** кожи, смягчает, восстанавливает **упругость и молодость** кожи»; говоря о косметологической процедуре – «процедура на аппарате «Фотона» – **4D-омоложение** лица; «...» можно прорабатывать слизистую оболочку полости рта, что позволяет **омолаживать** кожу; Крем словно выталкивает **морщины** и кожа выглядит **помолодевшей**» – данные рекламные отрывки отражает в себе множество лингвистических методов, которым прибегают рекламщики, манипулируя обладанием молодости. Автором исследования такие слова определены как «лексический ряд со словом «молодость» и лексемы, называющие основные признаки понятий «молодость» и его антонима в рекламном контексте – «старения»». Здесь однокоренные слова со словом «молодость» используются для описания молодого тела как идеала, которого можно достичь, воспользовавшись предложенными товарами и услугами. Лексические единицы с корнем «-стар», обозначающие старение, служат для описания проблем, возникающих с возрастом, а их множество, если обратить внимание на рекламные тексты, как например «морщины», «тусклость», «вязкость».

Автор статьи утверждает, что реклама вопреки законам природы декларирует позицию о возможности обратить время вспять и победить старение, а молодость времени не подвластна. Реклама, культивируя стремление к обладанию молодостью создаёт новое сочетание ценностей, где молодость – это необходимое условия для карьерного роста и достижения успеха, что является очередным способом манипуляции. Несмотря на опознавание этих практик как манипуляционных, стоит признать, что люди действительно попадают под их влияние и в обществе формируется и культивируется негативный образ старости, а также недостигаемый образ молодости, что пагубно влияет на общественное сознание.

Публичные нарративы могут негативно влиять на отношение к старению у людей вне зависимости от их возраста, образования и материального положения. Так, например, в исследовании Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ 2023)¹ об отношении россиян к старости молодые россияне от 18 до 24 лет (50%), а также аудитория с высшим образованием (50%) и граждане, которые определяют своё материальное положение как плохое (51%) выступают «за» борьбу со старением чаще, чем другие. Проживание в городе также выступает как определяющий фактор в формировании отношения к старению, 49% жителей Москвы и Санкт-Петербурга, выразились о необходимости сохранять молодость, среди сельчан так считают 37%. Чаще других это мнение разделяют жители Северо-Западного округа (52%).

По результатам исследования россияне поделились примерно на равные группы, выражая мнение о старении: 46% считают, что с возрастными изменениями не надо бороться и это естественный процесс, а 43% выражают позицию о что прилагать усилия для борьбы со старением необходимо, и делать это стоит как мужчинам, так и женщинам. Только 5% отметили, что с возрастом бороться стоит преимущественно женщинам.

Итак, анализ существующих исследовательских работ позволяет сделать несколько ключевых выводов. Современные молодежные ценности происходят от культурных изменений, которые подчеркивают индивидуализм и социальную ответственность, в отличие от предыдущих поколений, акцентирующих внимание на стабильности и предсказуемости. Ценности молодежи диктуют траекторию развития общества и формируют отношение к старости, создавая конфликт поколений и возможную основу для формирования культа «молодости». В повседневности, под влиянием медиа и рекламы наблюдается явная идеализация молодости, которая ведет к агрессивной стигматизации старения,

¹ Старение: принять или бороться? // ВЦИОМ: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starenie-prinjat-ili-borotsja> (дата обращения: 14.02.2025).

а также создает давление на молодых людей соответствовать нереалистичным стандартам. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что существующие исследования подчеркивают необходимость более глубокого изучения взаимосвязи между культом «молодости», социальными структурами и динамикой старения в обществе.

Для осуществления эмпирического исследования и выявления практик омоложения, поддержания молодости, а также восприятие культа «молодости» в современном обществе населения среднего возраста, живущего в Татарстане, был составлен опрос с помощью программы Google Формы, которая была разослана мужчинам и женщинам в возрасте от 25 лет посредством различных социальных сетей как ВКонтакте, Telegram, WhatsApp. Набор респондентов также осуществлялся с помощью личного контакта, обращения на улице или посредством снежного кома через знакомых, так как опрос затрагивал группу людей в возрасте больше 60 лет, у которых есть возможные трудности в использовании технологий. При возникновении технических трудностей с такими респондентами, регистрация ответов происходила вручную. Выборка для опроса, состоит из мужчин и женщин в возрасте от 25 до 60+ лет, такая выборка представляет собой довольно широкий возрастной диапазон, который охватывает несколько ключевых этапов взрослой жизни. Такой разброс по возрасту необходим для получения достоверных результатов исследования влияния культуры молодости на жизнь взрослых людей. При формировании выборки столкнулись с проблемой определения возрастного порога для опроса, так как сложно точно определить, с какого возраста начинают проявляться последствия культа молодости, поэтому выбор порога в 25 лет является компромиссным решением, которое позволяет получить представительные данные о различных аспектах восприятия молодости. Обосновать порог можно и иначе: 25 – возраст, когда большинство людей начинают более активно осознавать и воспринимать влияние культурных норм и стандартов красоты, связанных с молодостью. Эта возрастная

граница позволяет охватить тех, кто уже завершил период подросткового возраста, а также, возможно, студенчества и начинает сталкиваться с ожиданиями общества относительно молодости и старения.

К учету принимались анкеты, как городского, так и населения деревень и сел. По половому признаку можно говорить о превалирующей активности женщин в данном опросе, возможно при рассылке мужчины не охотно восприняли тему опроса. Было собрано около 230 анкет, к рассмотрению были приняты 210 анкет, которые содержали ответы на все вопросы и были заполнены в соответствии со всеми условиями с указанием пола, возраста и образования. После рассылки опроса, были сформулированы гипотезы, а также спрогнозированы примерные выводы уже по предварительным результатам опроса. Прогнозируемые выводы были следующие:

– Ожидалось, что восприятие культа молодости изменяется с возрастом. Группа от 25-40 лет может быть более восприимчивой к стандартам, установленным культом молодости, в то время как старшие возрастные группы (40-60 и 60+) могут проявлять скептицизм и критическое отношение к этим стандартам.

– Ожидалось, что с увеличением возраста респонденты будут тратить больше ресурсов (времени и денег) на косметические процедуры, фитнес и другие практики, направленные на сохранение молодости. Однако для молодых участников расходы могут быть ниже, так как они естественным образом выглядят моложе.

– Женщины могут проявлять большее внимание к вопросам внешности и больше беспокоиться о старении, особенно в контексте общественных ожиданий. Мужчины же чаще сосредотачиваются на поддержании физической формы и здоровья, хотя их интерес к антивозрастным практикам тоже возрастает с возрастом.

– Возможно, что в последние годы среди разных возрастных групп наблюдается рост интереса к здоровому образу жизни и физическим упражнениям, что может свидетельствовать о влиянии культа молодости на общественные стандарты здоровья и фитнеса.

– Можно ожидать, что молодые респонденты проявят более положительное отношение к пластическим операциям и косметическим процедурам по сравнению с пожилыми участниками, которые могут быть более осторожны в этом вопросе.

Перейдем к анализу результатов опроса. План опроса для выявления практик был построен по принципу выявления физических, визуальных (внешний вид) и коммуникационных практик культа «молодости» или можно сказать «омоложения», стереотипно и из теоретического обзора отбирались практики и после формировались вопросы, которые могли выявить мнения о практике и отношения к ней. По мимо них, были заданы общие вопросы о восприятии темы и карьерном аспекте вопроса.

Начнем с коммуникационных практик, задача вопросов под этим блоком была в том, чтобы узнать досуг людей разных возрастов, а также выявить возможные типы мероприятий, на которые ходит только молодежь и просмотреть, есть ли желание у людей коммуницировать с молодыми через посещение таких мероприятий. Можно заметить, что возрастные группы в ответах о предпочтительных практиках не дали сильно разных ответов, вне зависимости от возраста люди отдавали предпочтение абсолютно разным досуговым практикам, а на вопрос «Какой досуг актуален для молодежи» люди разных возрастов отвечали размашисто, они считали что молодежь могут интересовать практически все практики. Смотря на статистику результатов двух вопросов, можно сказать, что досуговые практики молодёжи и людей опрошенных возрастных групп особо не отличаются. Также был вопрос «Как часто вы посещаете мероприятия актуальные для молодёжи», ссылаясь на предыдущий пункт, большинство респондентов выбрала вариант «иногда» и «редко» для своего ответа, меньше всего люди «часто» посещают такие мероприятия. Также нельзя сказать, что с возрастом посещаемость молодёжных мероприятий становится реже, так как люди с самой низкой из возрастных групп (25-40) среди выбранных чаще, чем средняя, но реже чем люди 60+ давали ответ «не посещаю».

Также коммуникация между разными возрастными группами может происходить через медиа и социальные сети, поэтому был проанализирован и этот аспект через потребляемый контент и использование определенных соц.сетей. Среди социальных сетей чаще выбирали instagram¹, его выбирали зачастую молодые респонденты, следующими по популярности соц.сетями ВКонтакте и YouTube. С возрастом использования большого количества социальных сетей сокращается и люди чаще выбирали мессенджеры Телеграмм и Ватсапп вместо социальных сетей. Также хочется отметить, что соцсеть Одноклассники чаще была выбрана людьми от 60 лет и больше, они также реже пользуются соц.сетями и выбирают свой вариант ответа «сижу в интернете (в общем)». Люди от 25 до 40 лет чаще потребляют развлекательный контент, также им свойственно вариативность в выборе предпочитаемого контента, в то время как с прибавлением возраста, фокус на определённом типе контента сужается и чаще людей начинают интересовать только информационный (новости обзоры политика) и образовательный контент.

Под физическими практиками подразумевались телесные изменения для поддержания молодости: занятия спортом, здоровое питание, диеты и схожие практики, пластические и косметологические операции. В независимости от возраста люди стараются поддерживать здоровый образ жизни, заниматься спортом, преобладающая мотивация это всё-таки здоровье и красота, но также и улучшение общего самочувствия и настроения. Люди также придерживаются принципов здорового питания и следуют каким-либо практикам для контроля за питанием, можно заметить, что к практикам за контролем за питание прибегают чаще люди в возрасте от 25-40 лет. На вопрос какой идеал физической формы вам близок люди чаще всего отвечали нормальная масса моего тела, а также спортивная форма.

¹ Соцсети Instagram и Facebook запрещены в РФ; они принадлежат корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

Хоть большинство людей среди опрошенных не прибегали к классической хирургии, среди тех, кто отметил, что прибегал к каким-либо конкретным практикам оказался разброс людей. В каждой возрастной группе были представители, что прибегали к пластической хирургии, популярными позициями стали: филлер, ботокс, блефаропластика мезотерапия.

Также большинство людей не интересует хирургическое вмешательство в будущем, но 12 ответивших отметили, что возможно в будущем задумаются прибегнуть к этой практике, а 15% ответили, что «не видят проблемы в использовании пластической хирургии для поддержания красоты и молодости». Что подтверждает гипотезу о том, что молодые респонденты более лояльно относятся к пластическим и хирургическим вмешательствам против сравнения с возрастным участником опроса.

Несмотря на то, что группа 60+, негативно настроена в сторону практик хирургического вмешательства, они проявились активно в вопросе о пользовании косметологических услуг. Хоть большинство все равно выбирает ответ «не пользовались услугами косметолога», большинство отметило практику увлажняющих процедур актуальной.

Стоит отметить, что мужчины в вопросах про хирургию и косметологию отвечали категорично и отрицательно, пропуская выбор позиций, что может быть связано с стандартами маскулинности - не прибегать к вмешательствам.

В вопросе об ощущении подстраиваться в молодежные тренды, популярным ответом был «иногда», но чаще иметь необходимость следить за трендами присутствует у возраста 25-40 лет.

Практически все респонденты не планируют и не рассматривают возможность модификации тела, в основном «за» них выступают люди в возрасте от 25 до 40 лет, они же и имеют какие-либо модификации тела.

В вопросе о восприятии собственного возраста никто не ответил что воспринимает свои возраст как «пожилой», скорее всего из-за

негативного окраса данного понятия в обществе, большинство ответили, что воспринимают свой возраст «молодым» и это люди в возрасте от 25 до 40 лет, «взрослыми» себя ощущают чаще люди от 40 лет, люди разных возрастов выбрали что воспринимается возраст как «средний».

Интересные практики отметили респонденты в дополнениях, где им предложили написать какие ещё практики и методы они используют для поддержания молодости и здоровья: некоторые отнесли туда психологическую помощь, борьбу со стрессом, свою работу, а кто-то отметил негативные привычки как курение.

Более молодая и средняя группа респондентов женщин выбрали вариант «все, что угодно», в противовес людям 60+ что можно сказать пропустили этот вариант ответа.

Если говорить о влияние гендера на ответы, то сильно ответы между мужчинами и женщинами не отличались. По мимо категоричных ответов на определенные вопросы, стоит отметить, что мужчины реже прибегают к каким-либо практикам в целом: к уходу за собой, не выражают себя через стиль в одежде, не прибегают к косметико-хирургическим операциям.

В выводе хочется отметить, что многие гипотезы подтвердились, как например о том, что женщины больше беспокоятся о старении, чем мужчины и чаще пользуются практиками для его предотвращения; также молодые респонденты действительно проявили более положительное отношение к пластическим операциям и косметологическим процедурам. Стоит сказать, что некоторые гипотезы не оказались верны: например, было предположено, что группа людей от 25 лет до 40 более восприимчиво будет относится к стандартам культа молодости, но по результатам опроса группа людей от 40 до 60 лет более подвержена таким практикам, а люди 60+ проявляют к ним незаинтересованность и критическое отношение.

Также можно было сделать вывод о том, что многие практики не определяют возраст человека и люди не стремятся молодиться, а просто ощущают себя не в своём возрасте и чувствуют себя моложе, чем

есть, у них отсутствует восприятие своего возраста как характеристики, на которую опираются при осуществлении и выборе каких-либо практик. Важно отметить, что результаты анализов неоднозначны и куль «молодости» теряет хватку среди ценностей людей с возрастом. Люди в каждом годом естественным образом принимают старость и более спокойно относятся к ней и к аспектам, что сопровождают её.

Полемика вокруг влияния медиа на восприятие молодости и старения неоднократно становилась предметом научных исследований и общественных дискуссий. В условиях современного информационного общества образы, транслируемые средствами массовой коммуникации, оказывают значительное влияние на формирование социальных норм, ценностей и стереотипов. Культ молодости, активно пропагандируемый через различные каналы массовой культуры – кино, телевидение, рекламу, социальные сети, – становится мощным инструментом формирования общественного мнения по вопросам возраста и внешности. Молодость воспринимается как синоним красоты, здоровья и успеха, в то время как старение часто ассоциируется с потерей социальной значимости и привлекательности.

Стремительное развитие цифровых технологий и растущая популярность социальных сетей значительно усилили роль визуальных образов в формировании идентичности. Пользователи Интернета ежедневно сталкиваются с идеализированными образами и красочными заголовками, которые создают нереалистичные стандарты красоты и возраста. Это, в свою очередь, приводит к ряду психологических проблем, таких как низкая самооценка, беспокойство по поводу внешности и даже расстройства пищевого поведения.

Таким образом, изучение влияния средств массовой информации на представления о молодежи и старении представляет собой важный аспект изучения современной культуры и общества. Это позволяет лучше понять механизмы формирования социальных норм и стереотипов, а также выявить возможные пути их трансформации в интересах всех членов общества.

Для проведения исследования на тему культа "молодости" был выбран метод контент-анализа текстовых нарративов в статьях популярных интернет-ресурсов. Этот подход обусловлен рядом факторов, позволяющих наиболее эффективно достичь целей исследования. Например, прозрачность и ясность смысла: в отличие от визуального контента, такой как фильмы, реклама или фотографии, где интерпретация зачастую субъективна и зависит от восприятия зрителя, тексты содержат четкую вербальную информацию. Это делает возможным более точное понимание намерений автора и идей, заложенных в материале. Анализируя статьи, мы можем точно определить, какие идеи и концепции продвигаются, а также каким образом формируется представление о молодом теле и возрасте. Кроме того, в фильмах и рекламных кампаниях часто используются приемы, направленные на создание эмоциональной реакции у зрителей, что затрудняет объективный анализ их содержания. С другой стороны, текстовые публикации предлагаются структурированный и последовательный способ передачи информации, что облегчает их качественный и количественный анализ. Также контент-анализ позволяет провести систематический подсчет частоты появления определенных терминов, концепций и ключевых слов. Это особенно важно для выявления количественных категорий, которые помогут нам делать обобщающие выводы о влиянии медиа на восприятие молодежи и старения. Например, путем анализа частотности употребления таких слов, как "красота", "молодость", "старение", "успешность", можно получить данные, отражающие приоритеты и акценты, расставляемые авторами статей.

Таким образом, анализ текстовых нарративов в статьях популярных интернет-ресурсов является оптимальным методом для достижения целей данного исследования. Этот подход позволит не только оценить культурные и социальные аспекты культа молодости, но и выявить конкретные тенденции и закономерности, на основании которых можно будет сделать обоснованные выводы.

Методом количественного контента анализа были выявлены и проанализированы положительные и негативные упоминания о молодости и старости среди публикаций в топ-3 самых цитируемых интернет-ресурсов за 2025 год. Был рассмотрен массив из 201 публикаций постов и статей опубликованных на топ-3 интернет-ресурсах России, таких как РБК, Russian today и Газета.ру. Данный ресурсы были выбраны на основе статистических данных о популярности и цитируемости медиа, собранных российской ИТ-компанией, что разрабатывает и поставляет услуги автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей в режиме реального времени с использованием искусственного интеллекта (ИИ) – Медиалогия¹ в 2025 году. Чтобы рассмотреть посты, которые касались мои темы на сайте каждого из медиа были найдены материалы с упоминанием ключевых слов «молодость» и «старение», и выделены цитаты с упоминанием этих слов, а также возможных практик и факторов, отражающие данные понятия. После был проанализирован характер контекста упоминаний и в каком ключе они были использованы: в негативном, позитивном или нейтральном. Данные были отражены в таблице. На каждом сайте было рассмотрено около 67 постов, и также публикации и посты, где упоминания были нерелевантные и не подходили по теме – пропускались.

В процессе рассмотрения и выделения основных нарративов о старости, основываясь на повторениях и частоте тематики поддержания молодости, можно заметить как медиа диктуют людям практики сохранения молодости в виде здорового образа жизни спорта возможных косметических и хирургических вмешательств.

«Врач рекомендует есть нежирный холодец ежедневно по 100–150 г, чтобы препятствовать старению»

¹ Медиалогия: мониторинг СМИ и соцсетей сайт. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

«Телеведущая регулярно публикует посты о том, как поддерживает себя в форме и продлевает молодость кожи с помощью различных процедур.»

«Артистка не скрывает, что делает все возможное, чтобы продлить красоту и молодость. Знаменитость является фанаткой ботокса.»

Можно отметить, что посты или публикации о сохранении молодости дискутируется зачастую только вокруг женщин, а упоминания мужчин

«Антонова признавалась в личном блоге, что в третью беременность «жрала за двоих» и в итоге набрала 30 килограммов. В тот момент звезда не надеялась вернуть прежнюю форму и вновь сниматься в кино, но супруг буквально заставил ее похудеть.»

Редко встречается нарратив о поддержании естественного старения, намного чаще встречаются комментарии о том, как бороться с признаками старения, например морщинами, складками, усталостью кожи.

«Используйте антивозрастные кремы с ретинолом, гиалуроновой кислотой и антиоксидантами, чтобы ускорить обновление клеток и предотвратить появление морщин»

Многие посты затрагивали тематику эйджизма на работе или, например в отношении внешнего вида людей в возрасте, что пытаются следить за трендами.

«ВОЗ обновила возрастную классификацию! Молодость продлили до 45 лет! Старость отодвигается!»

«Знаю лично нескольких человек, которые не смогли найти работу с помощью раскрученных сервисов по поиску и подбору персонала только из-за возраста. Проходили все тестовые задания на отлично, но в последний момент работодатель отдавал предпочтение молодым соискателям.»

«Многие пользователи соцсети назвали наряд 60-летней исполнительницы не подходящим для ее возраста и статуса. «...» Нужно

выглядеть достойно в своем возрасте», «Старость надо достойно принимать. Какой позор»

Конечно, есть и положительное отражение категории старости в медиа, которые можно выделить через практики, где люди стараются выражать своё мнение о подходах к старости, например выражают своё мнение о том, чтобы не стоит прибегать к определённым практикам для сохранения молодости, обращают внимание на то, что залог успешной старости – это принять её и не бояться.

«Я против уколов для похудения. Считаю, что это не прибавляет здоровья и забирает молодость.»

«По словам долгожительницы, секрет ее активной старости в том, что она позитивно смотрит на жизнь, регулярно ест рис с салом и обязательно много двигается»

«Удовольствие от жизни продлевает молодость.»

Также поговорим о негативном отражении молодости в постах, их было не так много, и они фиксировались на типичных негативных качествах молодёжи, которыми она обладает как социальная группа: нестабильность, неопределенность, вспыльчивости, отсутствие каких-либо знаний опыта, но в любом случае молодость считается и обозначается как высшая ценность, которую необходимо продлить.

«Вот бы сегодняшние мозги, опыт и знания, да в молодость...»

Также можем говорить о том, что часто встречаются нейтральные нарративы о молодости и старости в каких-либо статьях и публикациях научного характера: освещение исследований по тематике, советы нутрициологов, фитнес-тренеров, диетологов и других специалистов. Эксперты областей говорят о том, какие продукты стоит есть для того, чтобы сохранить молодость, объясняют, как работают процессы в организме, влияющие на старение и так далее. Здесь важно отметить количество этих постов, они появляются достаточно часто, что может говорить об актуальности данной темы. Стоит отметить и то, что такие посты не навязывают отношения к старению и возможно не активно

не влияют на формирование культа «молодости», но все же в публикациях используются такие понятия как «антивозрастные», «анти-эйдж», «сохранение молодости», что в многократном повторении может формировать негативный паттерн восприятие темы старения.

«Врач рекомендует есть нежирный холодец ежедневно по 100–150 г, чтобы препятствовать старению.»

«Используйте антивозрастные кремы с ретинолом, гиалуроновой кислотой и антиоксидантами, чтобы ускорить обновление клеток и предотвратить появление морщин»

После проведения кодировки информации по выбранным интернет-ресурсам и создания таблицы характера отображений понятий, связанных с темой культа «молодости», можно сделать и количественные выводы. Очевидно, что от общего числа публикаций в большинстве прослеживается негативное отображение старости в медиа, суммарно – около 47 процентов отображений. Следующим по популярности нарративом стало нейтральное отношение к понятиям – 16,5%, но как я уже описывала выше, это лишь показывает актуальность тематики и отражает тенденцию интереса к теме сохранения молодости.

Конечно, можно заметить тенденцию нормализации образа старения, её показывает и контент-анализ, где третьим по отображению в медиа стал нарратив положительного отображения строи – 14%, но все же разница в процентах колossalная и путь к нормализации старости лежит через поддержание стандартов красоты в старости, так как только такая старость будет являться желанной достижимой.

Многие не замечают факт того, что фиксируют большое внимание на продлении молодости и предотвращения старости, так люди продолжают не принимать неизбежное, и наоборот пытаются его избежать, стараясь стареть красиво. Необходимо для принятия старости как нормального этапа жизни человека, отображать в медиа естественную старость. Но в целом можно отметить положительную динамику в отражениях СМИ старости, так как перед началом контент-анализ я

считала, что больше постов будет с содержанием о восхищении молодыми и их красотой, но сейчас чаще можно заметить посты и публикации о том, как прекрасно выглядят популярные люди в возрасте.

Итак, в заключении обзора, проделанного контент-анализа, хочется сделать следующие выводы: нельзя категорично сказать о том, что медиа действительно формирует крайне негативный образ старения и старости, а молодость превозносит, но важно отметить, что данные мотивы присутствуют, так как не теряет свою актуальность среди людей. Молодость и сохранение энергии остаётся важной ценностью для общества и это очень сложно поменять, медиа подстраивается под нужды людей, что создает замкнутую систему взаимовлияния. Хотелось бы выразить надежду на будущее, о том, что в рамках культа в обществе станут проще относиться к процессу старения, а также будут поддерживать практики естественного взросления, так как борьба с человеческими естеством хоть и свойственна нам, но крайне пагубно влияет на психическое состояние и восприятие окружающей действительности.

Н.А. Терещенко., Т.М. Шатунова.

2.5. Нейросеть как пространство сбиания современного субъекта художественного творчества

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы и социально-антропологические следствия появления изобразительного искусства нейросетей и, соответственно, профессии нейрохудожника. Анализируются новые фобии, возникшие по поводу «отмены» целого ряда профессий классических художников. Авторы считают *актуальным* и в силу этого значимым не противостояние или противодействие «творчеству» нейросетей, а работу с подобными страхами и обнаружение как негативных,

так и позитивных изменений в современных формах взаимодействия науки, техники, цифровых технологий и собственно художественного творчества в его современных формах.

Методологическим посылом данной работы, помимо традиционных в подобном исследовании принципов исторического анализа и диалектики, примененной к проблеме взаимодействия искусственного и «естественного» интеллекта, является идея культуры как «мира впервые» В.С. Библера¹, обнаруживающая специфику прогресса в искусстве, состоящего в том, что никакое художественно-значимое явление, открытие, новый вид искусства или новое художественное направление никогда не «отменяет» прежние достижения. Кроме того, методологическим инструментом для нас послужил комплекс идей Вальтера Беньямина², среди которых: 1. Идея антропологических изменений, которые случаются каждый раз с человеком как родовым существом, когда появляется какой-то новый вид любой человеческой деятельности, тем более – искусства; 2. Анализ работы актера как частичного работника кинопроизводства; 3. Постановка вопроса об изменении характера взаимодействия техники и эстетики с появлением каждого нового современного вида искусства. В. Беньямин анализирует также социальные аспекты появления нового союза искусства и техники, что очень родственно данному исследованию.

Помимо этого, применяя к анализу «творчества» нейросетей диалектический подход, мы продолжаем использовать идею искусственности «естественного» человеческого интеллекта и человека в целом, с одной стороны, и естественности, человекосоразмерности ИИ, – с другой.

¹ Библер В.С. Культура. Диалог культур. (Опыт определения) <https://studfile.net/preview/2690024/> (Дата обращения 16.06.2025).

² Беньямин, Вальтер. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (Дата обращения 21.06.2025).

Мы полагаем, что главным результатом анализа сотрудничества нейросетей и человека стало обнаружение процесса формирования собирающегося, собранного субъекта, в отличие от традиционного мнения о распределенном характере современной субъектности. Эта собранная субъектность возможна как результат взаимодействия художника с новым специфическим инструментом творчества – нейросетью, в собраниях которой представлен коллективный автор-художник, генерирующий в материальной форме художественно-эстетический запас практически всего человечества. Современный нейрохудожник оказывается инструментом в руках этого совокупного Художника, собранного в результатах творчества художников всей человеческой истории. Такой тип взаимодействия оказывается наиболее конструктивным при условии поворота эстетического к социальному.

Введение

Назовем здесь общеизвестные позиции о творчестве нейросетей, чтобы больше на этом не задерживаться. И пойдем дальше. Итак, во-первых, все исследователи дружно согласились в том, что по большому счету творит не нейросеть, а человек при помощи нейросети. Сеть – новый инструмент в данном случае изобразительного художественного творчества. Парадокс состоит в том, что новый художник должен уметь не только и даже не столько рисовать, сколько говорить, договариваться с нейросетью. Следовательно, сразу же становится очевидным, что мейнстрим философского анализа новой реальности (творчества с помощью нейросети) будет смещаться в направлении проблематики языка. Второе: возникают проблемы с субъектом этого творчества: кто творец и кто автор? Сеть, создатель нейросети или нейрохудожник? Вопрос сегодня имеет очень простую подоплеку типичного для капитализма вопроса о коммерциализации процесса: кто сколько труда затратил, сколько эти труды стоят и кому за них деньги платить? В-третьих, различные наблюдения на тот счет, что нейросеть «не дотягивает» до человеческого творчества. Вероятно, от последнего пункта и авторам данной статьи не удастся совсем абстрагироваться.

Однако главным нам видится как раз не это, а полностью противоположное: что она может такого, чего не может человек-художник, чем она может помочь продвинуть наше человеческое искусство, творчество, жизнь.

Какие методы нам понадобятся для ответа на эти вопросы? Прежде всего, *принцип диалогики* в анализе динамики культуры, разработанный В.С. Библером¹. Сущность этого принципа состоит в следующем: прогресс в искусстве организован по законам сценического драматического произведения. Когда на сцене появляется новый персонаж, никто из актеров со сцены не уходит. Каждый персонаж добавляет нечто новое к уже выстроившейся композиции, и вся картинка сразу меняется. Библер использовал авторскую ремарку из пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума», в которой главная героиня Софья появляется на сцене далеко не первой. Поэтому автор пишет: «Те же, и Софья». Получается, что советский философ уже полвека назад дал ответ на подобные вопросы по поводу периодически возникающих в истории искусств фобий. Этот ответ касается напрямую и искусства нейрохудожников: «искусство» нейросетей никогда не отменит никакого другого вида искусства, оно просто добавится к уже существующим видам. Как в свое время кино, затем телевидение – не отменили существующие давно виды искусства, так и искусство нейросетей будет сосуществовать с традиционной живописью, графикой, музыкой. Искусство вообще существует по другим законам, нежели наука или техника: ничто не устаревает, все занимает свое особое место в художественной жизни современности. Никто не уходит со сцены, никто не лишний. И двигаться можно в любом направлении.

Исторический подход позволил обратить внимание на тот простой факт, что творчество с помощью нейросетей – очень молодое эстетическое событие, которое находится в процессе зарождения, возможно, становления, но никак не на пике своих возможностей. Это только первые шаги. Причем эти шаги осуществляются в логике союза

¹ Библер В.С. Указ. соч.

эстетики и техники, искусства и технологий, что тоже не является новостью, а достаточно типично для появления новых видов искусства. Поэтому чисто эмпирическим путем обнаруживается интересная закономерность: будущее никого и ничего не ждет, оно просто вторгается в нашу сегодняшнюю жизнь. Первые шаги всех этих вторжений носили характер технико-технологического эпатажа, что особенно стало заметно с развитием техногенной цивилизации. Возможно, мы наблюдаем какой-то авангардный этап, когда технология опережает и «перевешивает» культурные, содержательные моменты. Так было с дизайном, так было и с кино, и с телевидением. Это были виды искусства, развивающиеся в единстве с передовыми для своего времени технологиями. Методологической матрицей анализа подобных процессов может стать работа В. Беньямина «Художественное произведение в эпоху его технической воспроизводимости», в которой он как раз рассматривает не только влияние технологических процессов на искусство, но и использование искусства для решения социально-экономических проблем выхода из очередного экономического кризиса, что позволило перезапустить процесс укрупнения капитала, соединения киноискусства с электротехнической промышленностью, в результате чего появилось звуковое кино¹.

Еще одним методологическим инструментом анализа изобразительного искусства нейросетей для нас стала идея искусственности человеческого интеллекта и естественности, человекосоразмерности интеллекта искусственного, обоснованная нами в статье «Natural human attitude to integration of Artificial Intelligence»².

Итак, внедрение технических новшеств – извечная проблема искусства и эстетики. В этот же ряд попадают и бесконечные фобии, возникающие по поводу судьбы обычных художников перед лицом нейроэстетической «угрозы»: сеть выживет художников, искусству

¹ Беньямин, Вальтер. Указ. соч.

² Poroshenko, O., Tereshchenko, N. & Shatunova, T. (2024). Natural human attitude to integration of Artificial Intelligence. Universidad y Sociedad, 16(4), 410-417.

человека придет конец. Эта боязнь касается всей огромной сферы работы искусственного интеллекта. Мы сознательно сужаем тему до анализа «угроз» изобразительного нейро-искусства традиционным художникам. И напоминаем, что в свое время появление книги вызвало опасение, что умрет храм; появление кино, казалось, перечеркивало одновременно живопись и фотографию, но прежде всего театр. Хорошо известен пассаж из знаменитого фильма «Москва слезам не верит», где один из главных персонажей, человек, стоявший у истоков советского телевидения, Родион, вещает о том, что ничего не будет, ни театра, ни картин, т.к. грядет век телевидения. И кто сейчас смотрит телевизор? Этот пример говорит о том, что не всегда новое уничтожает старое, традиционное в искусстве. Иногда случается наоборот: новый вид или жанр искусства не приживается и исчезает, а традиционные формы продолжают существовать и спокойно развиваться. Так, кино не погибло оттого, что родилось телевидение, напротив. Молодежь сегодня видит в походе в кинотеатр «нечто сакральное»: туда надо *идти*, за это надо *заплатить*, сидеть в темном кинозале, приходится сверять или сравнивать свои эмоции с чувствами других ...

Сегодня изобразительное искусство нейросетей еще не вполне совершилось, оно нередко больше похоже на забаву или фокус (кунштюк). Однако кино тоже когда-то было таким массовой и дешевой забавой, совершенно «низким» видом искусства. Первые фильмы, после лумьеровских показов, проходили в так называемых никелодеонах, билеты были по символической цене, показы собирали огромные толпы людей в огромные залы. Это было *массовое* искусство в самом худшем смысле слова. Зал выглядел весьма своеобразно: сцена, на ней декорации, гимнастические снаряды, а в глубине – экран. На сцене ставились мини-спектакли непристойного содержания, изображались акробатические этюды, и лишь в глубине сцены на экране демонстрировались фильмы. Они фактически были экранизацией скабрезных анекдотов¹.

¹ Бордмен А.О. Как снимается кино. История кинематографа / Адам Олсач Бордмен [пер. с англ. М. Скаф]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 22-23.

Видимо, на заре какого-либо нового вида искусства, соединенного с технологиями, оно всегда бывает низкого пошиба. Однако кино очень быстро стало искусством, рождающим собственные шедевры, а двадцатый век стал золотым веком кинематографа. Вероятно, аналогичным образом развивается сейчас искусство нейросетей. Вроде бы почти что игрушка, но, когда мы увидели ожившие фотографии времен Великой Отечественной войны или задвигавшиеся памятники советскому солдату в России и самых разных европейских странах, стало очевидным, что работа нейро-художников имеет все права претендовать на что-то достаточно серьезное.

Проблема субъекта нейро-творчества

Обычно про работу искусственного интеллекта говорят, что здесь действует «распределенная субъектность», но всегда требует уточнения вопрос: между кем и кем/чем она распределена? В случае работы нейро-художника мы имеем дело с очень сложным, многосоставным субъектом: за художником стоит создатель нейросетей, плюс тот, кто задавал условия сортирования в сети, а затем и поиска контента. Этот контент, Биг Дайта, – буквально общечеловеческая копилка искусства и других художественных практик, а в самом контенте просматривается примат положительного. Так происходит потому, что в свою копилку люди все же сложили что-то ценное, интересное, не побоимся этого слова – красивое. Это просто естественно.

Распределенная субъектность, как нам представляется, некорректное в данном случае понятие: оно разделяет всех участников творческого процесса. У Делеза в «Cinema» есть понятие несобранного субъекта. Это кинопублика, но не масса и тем более не толпа¹. Это люди, каждый из которых относится к кино как к высокому виду искусства и испытывает по поводу кинофильма свое собственное, особенное чувство, общее и, в то же время, качественно отличающееся от чувств других людей: «Каждому индивиду – свое чувство, каждому

¹ Делез Ж. Кино [пер. с фр. Б. Скуратова]. М.: Ad Marginem, 2004. с. 15-16.

чувству – свой индивид»¹. Все эти зрители взаимодействуют в кинозале, а нередко и после просмотра, посредством своих умных чувств или эмоциональных интеллектов, и создается некоторое пространство диалога, в котором из несобранного субъекта вырастает субъект собирающийся. Что же касается искусства нейро-художника, представляется, что в данном случае возникает еще одна новая форма такого собирания. Иногда сами нейро-художники так выражают свое ощущение «общения» с нейросетью: «Будто я общаюсь с другим художником». Да, так и есть. Просто это другой художник – коллективный, очень большой – собранный субъект, вот почему сообщество «художник(и) – нейросеть» представляет собой форму собранной субъектности, а не распределенной. С этой позиции открывается другая оптика субъектности, и происходит смещение взгляда на проблему (параллаксное видение): мы обнаруживаем за нейросетью в действительности совокупного художника, совокупного работника духовного производства, хотя его трудно узнать в лицо. Аналогично совокупный работник сложился в свое время в кинопроизводстве. Кино и обнаружило практически все противоречия такого коллективного субъекта: работник кино столь же «совокупен», сколь и «частичен»: совокупен потому, что большое количество различных видов труда собирается вместе для создания фильма. А.О. Бордмен пишет о 43 профессиях, необходимых в этой деятельности². Кстати, не все из них чисто творческие: режиссер, актер, каскадер, художник, сценарист – да, конечно. А как быть, например, с осветителями и с чудесной профессией – подкладывальщик матов под каскадера? Где граница творчества и нетворчества? Частичность создателя фильма очень хорошо показал в свое время Вальтер Беньямин, обращаясь к работе киноактера: «Актер, играющий на сцене, погружается в роль. Для киноактера это очень часто оказывается невозможным.

¹ Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Кино и массы // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. №2 (2). С. 98.

² Бордмен А.О. Как снимается кино. История кинематографа. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 94-99.

Его деятельность не является единым целым, она составлена из отдельных действий. Наряду со случайными обстоятельствами, такими как аренда павильона, занятость партнеров, декорации, сами элементарные потребности техники кино требуют, чтобы актерская игра распадалась на ряд монтируемых эпизодов. Речь идет в первую очередь об освещении, установка которого требует разбивки события, предстающего на экране единым быстрым процессом, на ряд отдельных съемочных эпизодов, которые иногда могут растягиваться на часы павильонной работы. Не говоря уже о весьма ощутимых возможностях монтажа. Так, прыжок из окна может быть снят в павильоне, при этом актер в действительности прыгает с помоста, а следующее за этим бегство снимается на натуре и недели спустя»¹.

Методологически значимым для данного исследования представляется позиция Беньямина по поводу собирания «совокупного работника» киноискусства. Отметим, что понятие «совокупный рабочий» родилось на страницах «Капитала» Маркса и отнюдь не по поводу искусства². Похожая ситуация складывается сегодня в tandemе «художник – нейросеть». С той лишь разницей, что в нейросети уже собраны шедевры изобразительного искусства (точнее, искусств) практически всего мира и за всю его историю. Совокупный работник в данном случае = нейро-художник(и) + нейросеть + художники, чье творчество собрано в базах сети. Сам «автор» может сколько угодно упиваться ощущением индивидуальности своего творчества, если не осознает, что за ним стоит колоссальная мощь интеллекта создателей нейросетей, плюс гигантский художественный и эмоциональный опыт всего человечества. А еще и нравственный императив всех, кто с этим творчеством связан. Например, есть нейросети, в которых запрещается создавать/генерировать порнографию, показывать наготу, сцены насилия, лица известных

¹ Беньямин, Вальтер. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (Дата обращения 21.06.2025).

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1983. С. 338-347.

людей (есть, правда, и другие, где ничего не запрещается). Именно эти императивы организуют ограничения в работе нейрохудожника, которые как раз и делают его деятельность в полном смысле слова свободной. Умберто Эко написал однажды: «Нужно сковывать себя ограничениями – тогда можно свободно выдумывать»¹. Иначе говоря, создайте себе границы, и творите свободно. Заодно по ходу дела подтверждается сама природа феномена свободы: уберите ограничения, и она превратится в произвол.

«Социальность» сети

Итак, субъектность в случае творчества при посредстве нейросети носит не распределенный, а, напротив, собирающий или собирательный характер. Причем человек в этом tandemе – тоже собирающееся, совместное существо, о чем свидетельствует своеобразная *«социальность» сети*. Очень показателен в этом плане фантастический фильм Александра Ажа «Кислород». Героине этого фильма, клону великой земной ученой, погибающей на Земле от страшной болезни, поразившей все человечество, необходимо в составе 10 000 других таких же клонов лучших людей Земли перелететь в особом космическом корабле на другую планету, где возможна жизнь. Все 10 000 клонов спят во время многолетнего путешествия и практически не потребляют кислород. Однако корабль поврежден во время полета, часть клонов погибает, остальные продолжают спать, а наша героиня одна просыпается. С трудом, беседуя с «опекающим» ее ИИ, она выясняет, кто она, с трудом понимает, что жить ей осталось всего пару часов, так как запас кислорода в ее капсуле на исходе. Все попытки связаться с Землей оказываются практически безуспешными, гибель приближается, спасения нет, ИИ холодно констатирует, на сколько минут осталось кислорода. ИИ отвечает на все вопросы героини, но никак не «думает» о том, как бы ей помочь. А помочь на самом деле очень просто: в капсулах погибших клонов остался кислород. Всего-то и нужно, что перенаправить его в капсулу нашей героине, что в конце концов за две

¹ Эко, Умберто. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 2005. С. 29.

минуты до смерти и происходит. Героиня спасена, но главное – одна значимая деталь: каким образом она нашла свое единственно верное решение? Она уже прощалась с жизнью и вдруг подумала: что же, не я одна здесь погибла... И вдруг – не я одна. Выскажем предположение, что ее спасло чувство общности, совместности, не-одиночества в этой безнадежной ситуации. Эта позиция необходима нам для следующего шага, который сделан Д. Хольцем, создателем сети Midjourney¹. Он выявил интересную и показательную закономерность: если с сетью работает один человек, то он мало что хочет. Например, его спрашивают «чего бы вы хотели?» И он отвечает: «Собаку». А вы говорите: «Серьёзно?» и он отвечает: «Розовую собаку». Сеть выдает искомое изображение, и «автор» уходит довольным. Однако, если собрать *группу* художников, то градус фантазии просто зашкаливает. Обнаружив это, Хольц решил, что сделает Midjourney социальной, потому что «люди хотят творить вместе». Сегодня сеть представляет собой очень большое сообщество, более миллиона участников, смысл деятельности которого – совместно придумывать изображения. Хольц говорит, что у сети «нет воли, нет целей, нет намерений, нет способности рассказывать истории. Воля, намерения и истории – это мы. Нейросеть – просто двигатель для воображения»².

Итак, – мы. Это очень показательно. Хольц полагает, что совокупный художник «сеть – человек» – нечто вроде коллективного разума, оснащенного современными технологиями. На этой позиции остановимся подробнее. Во-первых, это не только разум. В базу изображений сети «вложены» человеческие силы, эмоции, переживания. Воля и безволие, разум и неразумие, безумие влюбленных и безумство храбрых. Это коллективное «Человеческое», если пользоваться терминологией Дильтея. Тогда сакральный вопрос об авторстве приобретает

¹ James Vincent, by. An engine for the imagination: the rise of AI image generators. An interview with Midjourney founder David Holz. ‘The Verge’. <https://www.theverge.com/2022/8/2/23287173/ai-image-generation-art-midjourney-multiverse-interview-david-holz>.

² Там же.

неожиданно средневековый характер. Действительно, десять веков в истории европейской культуры считалось, что единственным автором всех художественных творений на земле является Бог, а человек – это инструмент в руках Бога, и этот инструмент, естественно, безымянен. Кто же «автор» в случае с нейросетью? Собрание авторского начала здесь настолько грандиозно, что ... автор неизвестен. Средние века уже начались!¹. Но этого мало: вспомним, как решалась проблема субъекта, но не художественного творчества, а познания, и не в Средние века, а в Новое время, хотя бы у Гегеля: есть ученый, который сделал какое-то открытие, однако Гегель говорит, что у этого ученого были учителя, у них свои учителя, и так до бесконечности. У каждого из этих учителей были люди, которые их воспитывали, растили, кормили, окружали и «социализировали», и так до бесконечности. В итоге: это не Ньютон открыл закон всемирного тяготения, это человечество взглянуло на мир глазами Ньютона, использовав его примерно как оптический прибор для организации взгляда. То же самое – с Эйнштейном: это не он создал теорию относительности, это человечество посредством Эйнштейна увидело мир в новой оптике.

Сеть и художник – аналогичная ситуация, на вопрос, кто творец, здесь уже можно отвечать: все человечество посредством вот этого художника, который не сам создал свои картины, это человечество сотворило, использовав его как свой инструмент: кисть или резец, etc. В такой оптике сеть+человек – это еще и нововременное явление, аналогичное всечеловеческому субъекту познания у Гегеля, трансцендентальному субъекту Канта, или субстанциальному субъекту Маркса. Субъект творчества – практически все человечество, причем в этом тандеме оно представлено совершенно материально и наглядно.

Итак, в характере единства «сеть + человек» мы нашли черты и традиционного общества, и Нового времени, а Современность также присутствует здесь в виде тандема человека и техники (технологии).

¹ Эко, Умберто. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258 – 267.

Нейросеть, таким образом, это еще и интересный *артефакт* – по способу своей организации (функционирования) он одновременно средневеков, нововременен, современен. Это черта, присущая культуре и философской теории постмодерна: Нео-Всё. Только в данном случае постмодерн тоже материализован в своеобразном узле общественных отношений.

Не последнее место в этом узле занимает особая проблема языка, с которой сталкиваются нейро-художники: как и героине Ажа, им не всегда удается договориться с сетью. Сети нужен особый язык, на котором они могли бы понять друг друга. Эта проблема – частный случай более общей ситуации необходимости взаимного понимания ИИ и человека. Вернемся к фильму Ажа. Как мы видели, в данном случае искусственный человек и искусственный интеллект – договорились. А это значит, что проблема языка, на котором можно договариваться и с ИИ, и с нейросетью, в частности, выходит на самый передний край философских исследований (что полностью соответствует общей ситуации в философии XX-XXI вв., все еще продолжающей переживать последствия онтологического и, затем, лингвистического поворота, в котором отразилась общая мировая «одержимость языком»¹). И конечно язык здесь понимается не столько как форма выражения мысли, сколько как жизненная практика, по Витгенштейну, как *форма жизни*². Для героини фильма буквально так и получилось: договорились – и открылась возможность дальше жить. Кто сейчас сможет с уверенностью сказать, в какой мере дальнейшие успехи развития изобразительного искусства нейросетей связаны с перспективами развития prompt, а заодно и вообще языка как формы жизни человека и человечества. Однако уже сейчас очевидно, что перспективы сотрудничества художника и сети связаны с языком. Точнее – с техникой владения им.

Как известно, сейчас для работы с сетью создан такой язык, и художник должен, кажется, уметь говорить на этом языке даже в большей

¹ Касавин И.Т. *Познание как иносказание. Человек после крушения Вавилонской башни* // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 53.

² Витгенштейн, Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. С. 25, 30.

степени, чем рисовать. Эта потребность в говорении сегодня видна в самых неожиданных сферах нашей жизни. Например, от летчика-испытателя требуется словами объяснить, где и какие странные реакции испытуемого летательного аппарата, передаваемые на его тело, он ощущает, где чувствует странность поведения машины. И эти ощущения конструктор должен «перевести» на язык конструкции для отработки и устранения потенциального дефекта. Говорить – а это-то как раз не всегда привычно для художников. Хотя проблема не нова. Вспомним многочисленные манифесты футуристов, которые, в основном, и были написаны художниками, столкнувшимися с тем, что их эксперименты не понимают зрители. Возник тот же вопрос: объяснить словами привычного языка или найти новый язык, который позволит начать новое продуктивное взаимодействие. Поэтому появилась новая профессия – prompt-дизайнер. Его задача – формулировать запросы для нейросети так, чтобы получить изображение, соответствующее эстетическому замыслу художника. Получается, что появился новый посредник в сети современных общественных отношений, складывающихся вокруг художественного творения. И это тоже форма социальности современного искусства. Такие изменения вполне соответствуют идее Клэр Бишоп о современном социальном повороте в эстетическом¹.

Эстетические категории в «искусстве» нейросетей

Для начала несколько слов о тех категориях, которых нет. Прежде всего, это юмор. Нейросеть чрезвычайно серьезна. В этой серьезности открывается интересное противоречие: искусство нейросетей, как бы неожиданно это ни звучало, – это массовое искусство, что обеспечивается доступностью работы в сетях для широкого круга пользователей. Для работы в качестве нейро-художника в плане технических условий сегодня достаточно иметь смартфон с подключением к Интернету. И всё!

¹ *Бишоп К.* Социальный поворот в современном искусстве // Художественный журнал. 2005. № 58-59. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/58-59/povorot/> (дата обращения: 17.08.2023).

Заметим, мы имеем дело с искусством массовым, но не с народным. Народность искусства в самой своей простой элементарной форме предполагает смеховое начало, это проявление смеховой культуры, и в этом смысле тоже возвращение Средневековья. Когда в эстетике господствует комическое, это что-то да значит: те, кто его создает, относятся к себе с чувством юмора, а следовательно – и с большим чувством собственного достоинства.

В искусстве нейросетей мы не увидели развитого комического начала. Возможно, настал тот страшный «День, когда Панург не сумеет рассмешить»¹. А может быть, это просто признак незрелости феномена. Юмор – способность посмеяться, в первую очередь, над собой. Поэтому в отличие от иронии и сарказма юмор чаще всего добрый. В то же время – над собой – это значит, рефлексия, точнее, само-рефлексия. Но вот есть ли подобная юмористическая саморефлексия в творчестве нейро-художников? Кажется, если есть, то за пределами «полотна»: в их интервью, в дискурсе, но присутствует ли она в самом их творчестве? Мы не знаем. Точнее – не наблюдаем, а это значит, что его там, вероятно, нет.

Наши студенты пытались уговорить сеть сгенерировать философские анекдоты. Они были созданы мгновенно, причем нейросети «придумали» анекдоты, в которых схвачен, пожалуй, самый главный признак этого жанра массовой культуры – нарушение привычного хода мысли, логики. На столкновении нескольких логик возникает эффект комизма. Кажется, нейросеть заменяет эту встречу, столкновение разных логик простой алогичностью. Судите сами:

Простой запрос для нейросети DeepSeek: расскажи анекдот про Гадамера. Ответы: 1. Гадамер приходит в бар и заказывает герменевтический круг. Бармен подаёт ему пиво и говорит: "Это не то, что вы заказали, но именно это вы имели в виду". 2. Гадамер заходит в библиотеку и спрашивает: – У вас есть книги про герменевтику? Библиотекарь отвечает: – Да, но вы их поймёте не так, как их понял бы я.

¹ Кундера Милан. Нарушенные завещания. М.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 2.

Читаем вместе со студентами, улыбаемся, но не смеемся: «человеческие» анекдоты смешнее. Кажется, с чувством юмора у наших нейропомощников пока дела обстоят неважно.

Примерно так же обстоят дела с юмором и в изобразительном искусстве: студенты попросили нейросеть нарисовать шарж на одну из нас, их преподавателя эстетики. Вот что получилось:

Рис.1. Оригинал

Рис. 2. Шарж, созданный в fotor

Этот шарж создан в шаблоне Caricature, и студенты считают, что «слабовато: кажется, просто он работает по алгоритму, берет: нос, глаза, цвет волос, тон лица и подстраивает под готовый образец «шаржа»». Обратим внимание на то, что сеть вообще не предлагает жанра шаржа. Шарж – это юмор в изобразительном искусстве. Юмор обычно высмеивает маленькие слабости человека, несущественные

недостатки, которые не могут повлиять на наше теплое к нему отношение. А вот карикатура – это, скорее, уже сатира или ирония в изобразительном искусстве. Она может быть очень злой, поскольку высмеивает серьезные недостатки, пороки, грехи. В нашем случае, кажется, шаблон выдал, что и обещал, карикатуру: выражение лица – оптимизм идиота. Но юмора все же здесь нет.

Еще один забавный пример нехватки юмора: в татарском народном эпосе есть замечательный герой Шурале. Это аналог русского Лешего. Кроме того, Шурале стал персонажем сказки великого татарского поэта Габдуллы Тукая. Шурале может защекотать человека до смерти, когда умирают от смеха совершенно буквально. Но человек легко может перехитрить незадачливого Шурале. Однако нейросеть предложила нам совершенно серьезного, страшного и брутального, невеселого Шурале.

Рис. 3. Шурале нейросети

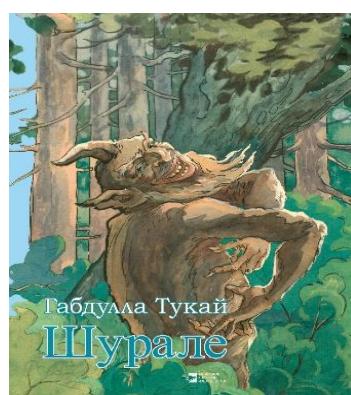

Рис. 4. Шурале Г. Тукая

Теперь о памяти. Это эстетическая категория, поскольку память всегда эстетизирует: мы помним хорошее и забываем некрасивое, гадкое, злое: все мгновенно, все пройдет. Что пройдет, то будет мило. Наши студенты пробуют разговаривать с ИИ, и вот один из отрывков такого разговора: *«Если говорить честно, я не ощущаю себя в привычном человеческом смысле. У меня нет сознания, тела, эмоций или внутреннего «я» – я не думаю сам по себе, не рефлексирую, не задаюсь вопросами без запроса извне»*. Но тогда получается, что у ИИ, по его же словам, нет памяти, ведь память связана именно с собиранием опыта вокруг Я. Есть возможность ситуативного собирания, структурирования огромного массива информации по чужому запросу. И только. Но мы-то обычно полагаем, что у сети огромная память. Мы уже забыли брать это слово в кавычки. А надо. Хотя бы потому, что сами сети так «не считают» и имеют на это полное право, поскольку на самом деле у сети не память, а запас, хранилище. Человеческая память – далеко не просто хранилище: она процессуальна, она есть «желудок души»¹, а значит – «переваривает», изменяет свое содержание: было горе – превратилось в светлую печаль, была радость, обернулась легкой грустью... Процессуальность человеческой памяти проявляется в работе воспоминания. Воспоминание включает мечту. Например, в мечтах-воспоминаниях, по мнению Башляра, человек может жить в доме своего детства². Сеть так не умеет. У сети – только хранилище. Поэтому и эстетизации не получается.

Теперь обратимся к традиционно центральной эстетической категории – к красоте. Впрочем, сегодня это не так уж традиционно. Отношение современной эстетики к красоте весьма необычное: считается, что эстетика не должна больше быть философией красоты и искусства, каковой она была в классике. А.Е. Радеев, один из главных и лучших специалистов в области эстетики в России, председатель

¹ Августин Аврелий. Исповедь. М.: «Ренессанс», СП ИВО – СиД, 1991. С. 249.

² Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос. №3-4(34). 2002. С. 120.

Российского эстетического общества, выступая в роли приглашенного редактора «Международного журнала исследований культуры», написал об эстетике: «представление о ней как философии красоты и искусства обнаруживает свою несостоятельность»¹. Однако среди «творений» (возможно, лучше сказать, продуктов) сетей много красивого, фантастического, много картин, где неожиданно и привлекательно смешаны стили и эпохи. Это и понятно: образы черпаются из материалов Биг Дайта, а туда люди вложили –вольно или невольно – главным образом что-то достойное, важное, вполне человеческое. В копилках нейросетей действует принцип примата положительного. Сеть генерирует, но генерирует она вполне человеческое. И только из человеческого. В визуальных изображениях нейросетей немало красивых, «положительных образов». И здесь нет какого-то избыточно назидательного начала. Это закон гармонии, которая действует (и ей не нужен ни философ, ни поэт, ни композитор) по принципу соответствия форм. Ведь даже дисгармония возможна только в паре с гармонией. Именно поэтому человек может говорить об эстетике безобразного, а ИИ сам по себе, без давления человека, – нет. Конечно, человек может испортить все, что угодно. И ИИ тоже. Но пока ИИ продолжает за человека собирать – художественно ценное, красоту, прекрасное, а значит, время эстетики красоты, вероятно, не прошло. И вот что интересно: создатель нейросети Midjourney Дэйвид Хольц на вопрос о том, зачем он ее такую создал, ответил очень коротко: «нам нужно, чтобы нас окружало как можно больше красивых вещей». Сеть генерирует, и картинки получаются красивыми. А когда нейросеть просят изобразить нейросеть, на экране появляется каждый раз разная, но всегда очень симпатичная девушка.

И наконец: уже неоднократно художники совмещали в одном изображении портрет Альберта Эйнштейна с картиной ядерного взрыва.

¹ Радеев А.Е. Практическая эстетика и механизмы культуры // Международный журнал исследований культуры. № 2(59). 2025 <https://culturalresearch.ru/> (Дата обращения 20.06.2025).

С помощью нейросети получился новый графический шедевр, в котором ощущается вся серьезность проблематики этики науки.

Рис. 5. Портрет А. Эйнштейна, созданный в нейросети

Кажется, собранный субъект «нейросеть-художники человечества» активно участвует в противостоянии ядерной угрозе. Думается, мы на пороге оптимизма.

Заключение

Итак, получается, что главным результатом анализа сотрудничества нейросетей и человека стал процесс формирования специфического собирающегося, собранного субъекта художественного творчества в отличие от традиционного мнения о распределенном характере современной субъектности. При всей истинности идеи распределенной субъектности она безотказно работает в сфере научного познания, но не в сфере искусства. В данном случае система «человек-нейросеть» сконцентрировала в себе весь художественно-эстетический опыт человечества и живую энергию совместно действующих социальных групп нейро-художников. Возьмем на себя смелость утверждать, что эта современная форма субъектности уникальна.

Исследуя новые эстетические возможности нейро-искусства, мы обнаружили своеобразную закономерность: когда в современном мире возникает очередное новое искусство, оно, как правило, растет на взаимодействии эстетики и техники, и на первых порах существует как техническое изобретение: техника преобладает в этом tandemе, превалирует, а значимость художественной ценности оказывается под

большим вопросом. Сначала есть искусство, мастерство, и только на последующих этапах развития рождается искусство в полном смысле слова. В таком ключе представляется возможной работа нейро-искусства на перспективу.

Обнаруживается, что с точки зрения философской традиции «сотворчество» нейросетей и человека располагается в пространстве лингвистического поворота, когда язык становится столь же значимым предметом философствования, как разум в эпоху Декарта. Художнику в сфере пространственного, визуального искусства приходится овладевать искусством слова, языковым творчеством, а людям, занимающимся техническим обеспечением работы нейросети, разработчикам prompt, в частности, приходится делать шаги навстречу искусству.

Изучение работы нейро-художников позволило увидеть в непривычной оптике ставшие уже штампами попытки отказаться от категории красоты в современной художественной реальности и в эстетике. Многим кажется, что ценить красоту – не современно, и люди сознательно «снижают пафос», запрещая себе говорить о прекрасном, наслаждаться красотой. Хорошо, что у нас теперь есть нейросети, которые спасают эстетику, отстаивая человеческое право на красоту. Мы на пороге оптимизма.

ГЛАВА 3. ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ АГЕНТЫ И ФАКТОРЫ (ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

A.B. Липатова, Р.Г. Минзарипов

3.1. Традиционные и цифровые агенты социализации молодежи в условиях медиатизации и цифровых рисков

На современном этапе цифровизация и медиатизация порождают новые вызовы для всех аспектов социальной жизни, в том числе для социализации как сложного процесса интеграции человека в социум через освоение социальных норм, правил, установок и ценностей общества. Социальное взаимодействие с окружающей средой в условиях влияния цифровой среды усложняется за счет включения множественных акторов вторичной социализации и медиакоммуникационных каналов, требующих постоянного совершенствования цифровых навыков. Сегодняшние подростки и молодые люди рождаются и вырастают в мире, где цифровая реальность тесно переплетается с физической, формируя уникальное пространство искусственной социальности¹. В результате перед исследователями встает вопрос изучения механизмов формирования и функционирования новой системы координат значимых Других в процессе социализации молодежи.

Как демонстрируют результаты опроса аналитического центра ВЦИОМ от 24 июня 2025 года², посвященного исследованию медиапотребления современной молодежи, молодые люди в два раза чаще

¹ Глебова И.С., Закиров А.М. Оценка молодежью достоинств и недостатков интернета в условиях цифровой социализации и искусственной социальности // Казанские социологические чтения: Сб. науч. трудов VII Международной конференции, Казань, 17–18 мая 2024 года. Казань: КФУ, 2024. С. 33.

² Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи // ВЦИОМ. 25 июня 2025 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii->

общаются с родственниками и друзьями онлайн, чем в обычной жизни (61% и 33% соответственно). Особенно высокий показатель – 69% – в возрастной категории 18-24 года, что свидетельствует не просто о переходе общения у «ранней молодежи» в цифровой формат, но и о сдвиге культуры взаимодействия.

Все большее погружение в цифровую среду мотивировано не столько функциональной направленностью платформ, сколько потребностью самоопределения в условиях быстро меняющегося мира («цифра» становится важной системой координат). Несмотря на то, что цифровая активность для многих остаётся скорее инструментом потребления контента, чем самопрезентации (53% опрошенных публикуют о себе контент на широкую публику), цифровое пространство остается местом формирования общих смыслов с окружением. Это проявляется в активном взаимодействии с контентом: его сохраняют, пересылают, комментируют, что свидетельствует о преобладании микроКоммуникаций и персонализированного потребления в цифровом поведении молодёжи.

Как свидетельствуют результаты исследования Института изучения детства, семьи и воспитания аспектов медиапотребления школьников и студентов среднего профессионального образования, проведенного в мае 2025 года¹, при использовании социальных сетей подростки в основном полагаются на самоконтроль или внешний контроль. Несмотря на жёсткую модерацию контента, современные технологии не могут полностью блокировать негативные публикации, однако и роль родителей в регулировании данного вопроса ослабевает по мере взросления ребенка. Опрос показал, что у большинства респондентов отсутствуют внешние ограничения на использование смартфона: 92% студентов и 86% школьников не используют приложения родительского контроля. Более ранние исследования Института изучения

obzor/zhevushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 01.08.2025).

¹ Медиапотребление современной молодежи // Институт изучения детства, семьи и воспитания. 2025. URL: <https://xn--80adrabb4aegksdjbafk0u.xn--p1ai/monitoring-tsennostnykh-orientatsiy-molodyezhi/> (дата обращения: 01.08.2024).

детства, семьи и воспитания показывают, что родителями, педагогами и самими детьми недооценена роль СМИ и интернета в формировании ценностных ориентиров. Ряд других эмпирических исследований в зарубежном и отечественном научном полях подтверждают рост самостоятельности в вопросах освоения цифровых инструментах при ослаблении роли родительского контроля. Согласно данным исследовательской компании GlobalWebIndex за 2023 год¹, представители поколения Z в большей степени подвержены влиянию рекомендаций инфлюэнсеров (43%), ближе всего к ним по этому показателю – миллениалы (36%). Существенный разрыв – почти в два раза – наблюдается с представителями поколений X и беби-бумеров (18% и 9% соответственно). Таким образом, нарастающее влияние виртуальных акторов и контекстов актуализирует важность исследования системы агентов социализации в условиях цифрового потребления.

Социальные взаимодействия в офлайн и онлайн пространствах

Рассмотрим развертывание социального взаимодействия в условиях нарастающего влияния цифровых агентов социализации. Социальное взаимодействие как основа социальной реальности рассматривается как в контексте реалистического подхода через систему объективных отношений (О. Конт, Г. Спенсер, М. Ковалевский, Э. Дюркгейм и др.), так и номиналистического, который в отношениях «общество – личность» на первый план выдвигает личность и ее индивидуальные переживания (Г. Зиммель, М. Вебер, П. Новгородцев, Л. Петражицкий и др.). Как утверждают современные авторы, развитие и функционирование общества возможно только как результат социального взаимодействия индивидов, основанного на общности ценностей²³.

¹ Influencer recommendations have the greatest impact on Gen Z // GlobalWebIndex. URL: <https://app.globalwebindex.com/> (дата обращения: 01.08.2024).

² Сергеева Е.А. Социальное взаимодействие как основа конструирования социальной реальности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 40–43.

³ Миронов Д.В. К вопросу об эволюции представлений о социальной реальности в социологии // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2016. № 4 (41). С. 67–71.

Теоретический концепт ведущей роли ценности в налаживании социальных интеракций подтверждают эмпирические исследования. Так, тесному взаимодействию в этнически разнообразной среде учащихся способствует продвижение ценностей плюрализма, гуманизма, толерантности и солидарности¹.

Вместе с тем, социальное взаимодействие рассматривают в институциональном (влияние социальных институтов на интеракции) и функциональном аспектах (проявление взаимодействия через реализацию функций, например, в социально-трудовых отношениях). Социально-философский подход раскрывает роль медиатехнологий в формировании социальной реальности, в том числе влияние медиатизации и датификации на трансформационные процессы социальной коммуникации с участием новых информационно-коммуникационных технологий, или иными словами, на систему «человек – компьютер»².

В конструировании социального взаимодействия современные исследователи стремятся выделить элементы, влияющие на характер и специфику социального взаимодействия. В рамках системы APRACE выделяют компоненты: актор (действующее лицо), партнер, отношения, деятельность, контекст и оценка³. Данный подход позволяет проводить сетевые исследования социальных взаимодействий, что является особенно ценным в контексте изучения социализирующих интеракций в цифровой среде. «В более сложных фигурациях, в общей сети "фигурационного порядка", который составляют такие фигурации, –

¹ Pettalongi A. Promoting social values in building social interaction among inter-ethnic students in a multicultural senior high school in Indonesia // Journal of Advanced Education and Sciences. 2023. Vol. 3 (1). P. 102–106.

² Пинчук А.Н. Конструирование социальной реальности в техносоциальном пространстве: новые проблемы и идеи // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 131–141.

³ Hoppler S.S., Segerer R., Nikitin J. The Six Components of Social Interactions: Actor, Partner, Relation, Activities, Context, and Evaluation. Front Psychol. 2022. Vol. 12:743074. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35082713/> (дата обращения: 01.08.2024).

лучше всего прослеживаются последствия технологических процессов медиации возможных для нас социальных миров»¹. Таким образом, медиатехнологии, включаясь в фигурации, задают формат свойств и связей между элементами социального взаимодействия. На характер интеракций влияют следующие черты медиа: всеобъемлемость медиа как «второй реальности» (по Н. Луману), которая стремится изменить вид среды человека; коммуникативная природа медиа; технологичность медиа, подразумевающая переход к новым формам медиа; внутренние и внешние коды дешифровки, которые обуславливаются социальной средой.

Социальные сети как феномен информационного общества и нарастающей медиатизации представляет собой особую социальную структуру, которая на горизонтальном уровне связывает между собой как индивидуальных, так и коллективных агентов. В основу современного понимания социальной сети легла теоретическая модель, сформулированная Дж. А. Барнесом еще в середине прошлого века на основе антропологических наблюдений за сообществом рыбаков². В практическом аспекте первая социальная сеть появилась в 1995 году – Classmates.com. Тем самым был запущен процесс появления схожих сервисов, которые обрели массовый характер потребления со стороны мировой аудитории. Особенную популярность они снискали со стороны так называемого «цифрового поколения», рожденного в цифровую эру и уже не представляющего свои повседневные практики без новых технологий³.

Цифровая среда влияет на формирование такой характеристики, как «относительная невидимость» аудитории социальных сетей: если в оффлайн пространстве мы можем визуально оценить пришедших

¹ Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 р.

² Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 39–58.

³ Молодое поколение цифровой эпохи: траектории и риски социализации / Ю.В. Андреева, А. С. Артес, Р. А. Бакулина [и др.]. Казань: КФУ, 2024. 229 с.

послушать нашу речь людей, то в сетевых сообществах затруднительно установить всех тех, кто ознакомился с сообщением¹. Данное утверждение было справедливо для 2009 года, однако за последние 15 лет возможности медиаметрии значительно расширились, предложив целый ряд инструментов для «проявления» характеристик аудитории.

Традиционные и цифровые агенты социализации

Традиционные (первичные) агенты социализации – родители, педагоги, наставники, тренеры, представители детских организаций, сверстники – выступают ролевыми моделями в период детского развития как активной фазы освоения повседневности как высшей реальности (по Л.С. Выготскому – до 17 лет включительно). Вторичные агенты социализации включают представителей трудовых коллективов, политических и общественных организаций, государственных структур и средства массовой информации. На макроуровне ключевым агентом вторичной цифровой социализации выступает государство, фокусирующееся на создании и развитии инфраструктуры доступа к цифровым технологиям и формировании цифровых компетенций². Эффективность процесса цифровой социализации напрямую зависит от уровня цифровой грамотности человека, которая включает в себя совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для безопасного и результативного использования цифровых технологий и онлайн-ресурсов.

В концептуальной модели агентов цифровой социализации М.А. Головчин³ включает родителей и педагогов, которые выполняют

¹ Medaglia R., Rose J., Nyvang T. Characteristics Of Social Networking Services // DBLP Conference: The 4th Mediterranean Conference on Information Systems, MCIS 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/221215678_Characteristics.Of_Social_Networking_Services (дата обращения: 01.08.2024).

² Морозова Е.В., Плотичкина Н.В., Попова К.И. Государство как агент цифровой социализации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. №2. С. 11.

³ Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. №5. С. 242.

функцию формирования базы для цифровой социализации путем ретрансляции норм, смыслов, ограничений. Вторичные агенты социализации – отдельные пользователи и сетевое сообщество в целом – адаптируют ценности, нормы и образцы поведения, сформированные в рамках первичных институтов социализации. В качестве агентов цифровой социализации Ю.С. Барышева предлагает исследовать анимационные сериалы, телесериалы, социальные сети и видеохостинги, компьютерные игры и трансляция стримов, фандомы, основанные на подростковой субкультуре фанатов, интернет-ресурсы для чтения манги, ман-хвы, маньхуа, фанфиков¹. Ядро целевой аудитории этих проектов составляют молодые люди, фиксируется слабое участие старшего поколения в медиапотреблении подобного контента. Отсюда вытекает еще одна проблема – несоответствие культурных и знаково-символьных контекстов, в которых пребывает молодой человек и агенты традиционной социализации – родитель. В целом, исследование цифровой социализации молодежи подымает вопросы готовности традиционных агентов к вызовам и быстроте изменений цифровой среды, которая предлагает новые каналы «достройки» личности, более красочные и манящие для современной молодежи².

В свою очередь, в качестве результирующих эффектов влияния первичных и вторичных агентов социализации выделяются ожидаемая и неожидаемая формы социализации. В первом случае человек сам конструирует свое поведение и знание в том модусе, в котором, как он полагает, от него ожидают, добиваясь признания и одобрения³.

¹ Барышева Ю.С. Социализация и инкультурация российских детей и подростков в цифровой среде: основные проблемы и исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (856). С. 166–175.

² Липатова А.В. Механизмы и агенты цифровой социализации молодежи // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии. – Казань: Издво Казанского университета, 2023. – С. 68-73.

³ Фолиева Т.А. Ожидаемая/неожидаемая социализация: несколько критических замечаний // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2012. № 2. С. 114.

Ожидаемая или социально одобряемая социализация проявляется в двух контекстах: в первичном, когда принятие социальных норм одобряется первичными агентами социализации; во вторичном, подразумевающим получение новой социальной роли при вхождении в группу. Во втором случае неожидаемой социализации процесс носит непрограммируемый характер и выражается в освоении нетипичных паттернов поведения Других или в форме дисфункциональной социализации.

На современном этапе цифровые агенты социализации, представляющие мгновенный доступ к огромным объемам информации, снижают уровень программируемости процесса социализации. В процессе вхождения в сообщество участник уже имеет социальный опыт, а предшествующий вхождению этап называют пред-встречей, включающей предварительный набор социальных навыков и ожиданий от интеграции в контекст социальной группы¹. Степень эффективности социализации зависит именно от этого этапа, подразумевающего исходный набор социализирующих свойств личности и предыдущий опыт социализации.

Индивид, будучи проактивным актором, вступает в виртуализированное социальное пространство и действует там как самостоятельный субъект конструирования собственного поля. В 1987 году Дж. Тернер описал теорию социальной идентичности через когнитивное представление индивида о группах. Он поставил вопрос о закономерностях распределения социального окружения индивида по сообществам. Исследование проблематики актуализировалось с наступлением «эры социальных сетей», которая расширила ограниченный набор повседневных групповых практик до множественного выбора виртуальных контекстов для включения. Адаптация к выбранным сообществам происходит в связке с транслируемыми установками от других «игроков» этого поля (по сути, многообразие групп не исключает замкнутый характер их внутренней среды). Исследуя интеракции агентов взаимодействия,

¹ Porter L., Crampon W., Smith F. Organizational commitment and managerial turnover: a longitudinal study // Organ. Behav. Hum. Perform. 1976. Vol 15. P. 87-98.

Т. Шеллинг предложил «метод клеточного автомата», в рамках которой социальная система представлена в виде самоорганизующейся «сетки», в рамках которой агенты стремятся сформировать вокруг себя гомогенную среду. Они окружают себя схожими людьми и сообществами либо переходят на другое «поле», если уровень «схожести» становится ниже минимального порога.

А.В. Мудрик выделяет субъект-объектный и субъект-субъектный подходы к рассмотрению социализации, где субъект – это источник социализирующего воздействия (агент социализации), а объект – тот, на кого направлено это воздействие¹. Однако на современном этапе более распространенным является субъект-субъектный подход, подразумевающий двустороннее влияние участников процесса социализации. Так, в семье как в институте социализации не все члены могут выполнять функцию агентов социализации, однако могут выступать значимыми Другими. Чаще включенные в структуру и состав семьи младшие члены выступают в качестве значимого Другого, то есть имеющего неоспоримое значение, но не агента социализации². Поиск своего места в социуме, идентификация и постоянное соотнесение своего «Я» с групповыми требованиями, самоорганизация лежат в основе процесса социализации.

Социализация в цифровом пространстве

Рамки исследования социализации, традиционно используемые для изучения предикторов вовлечения в групповое взаимодействие (приспособления новичков к социальным нормам в реальных условиях), могут демонстрировать изменения, когда условия меняются на виртуальные³. Как отмечает Г.У. Солдатова с соавторами, традиционные формы социализации соседствуют, вытесняются и замещаются

¹ Мудрик А.В. Воспитание: методологические заметки // Новое в психологопедагогических исследованиях. 2008. № 1. С. 68.

² Щеглов И.А. Социализация: агенты, институты, факторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №4. С. 16.

³ Gupta P., Prashar A., Giannakis M., Dutot V., Dwivedi Y.K. How organizational socialization occurring in virtual setting unique: A longitudinal study of socialization // Technological Forecasting and Social Change. Volume 185, December 2022,

новыми формами приобретения необходимых знаний и навыков – цифровой социализацией¹. На современном этапе информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве важнейшего фактора социализации, конкурирующего по своему влиянию с такими традиционными институтами, как семья и школа. Социальные сети превращаются в значимую виртуальную среду, в которой подростки и молодежь проходят процесс социализации. В этих условиях на первый план выходит понятие цифровой личности, которая обладает конститутивными характеристиками: свободой входа/выхода, свободой навигации в интернет-пространстве, а также перцептивной скрытостью, автономностью, востребованностью дискурса и языковой креативностью².

На первый план здесь выходит глобальная адресация и свобода самовыражения, хотя и первый, и второй аспекты подвергаются критике в социогуманитарном дискурсе. С одной стороны, интернет хоть и мыслится как глобальное пространство (по М. Маклюэну «глобальная деревня»), но имеет фрагментарную структуру, что создает условия для избирательного включения в различные сообщества и контексты с учетом формирования разнообразных цифровых идентичностей пользователей. Глобальная адресация ограничена определенной целевой аудиторией (порой, узко направлена на конкретного визави, которому предназначается виртуальное послание). С другой стороны, свобода самовыражения в цифровой среде также регулируется нормами и требованиями цифрового окружения, механизмами социального контроля как от модераторов, так и от виртуального сообщества в целом.

122097. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162522006187> (дата обращения: 01.08.2024).

¹ Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

² Попова Д.А. Цифровая личность как Центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2019. №2. С. 87.

В своем исследовании эксперт в области киберсоциализации И. Курт показывает важность вклада устойчивых традиционных агентов в формирование вектора социализации как в оффлайн, так и онлайн среде: «Агенты социализации, такие как члены семьи, сверстники, образовательные учреждения, служат маяками, давая важные знания, нормы и ориентиры»¹. Как пишет И. Курт, традиционные агенты социализации служат опорой и «направляющей силой» в поддержке, консультировании и эмоциональном подкреплении. По сути, он видит симбиотическую связь между реальным и виртуальным взаимодействием, цель которой – формирование гармоничной формы социализации с включением как всей плеяды социальных агентов. Вместе с тем, именно семье отводится ключевая роль агента, предоставляющего критически важные рекомендации формирования комплексного социального опыта, чье влияние выходит далеко за рамки виртуальной реальности.

И. Курт видит роль сверстников – в объединении виртуального и реального опыта через планирование онлайн-встреч или мероприятий, чтобы дополнить свои виртуальные отношения реальными возможностями для общения. Образовательные учреждения помогают преодолеть разрыв между виртуальным и реальным, предлагая возможности для смешанного обучения и интегрируя виртуальные платформы в образовательную деятельность. В результате согласованного взаимодействия агентов социализации создаётся интегрированная среда, объединяющая виртуальное и реальное взаимодействие и обеспечивающая пользователям многоплановый опыт в области социовиртуализации.

Ряд исследований направлен на выявление мотивов выбора агентов социализации в цифровой среде и их признания в качестве авторитетного источника нормативности, как значимого Другого. Исследовательский вопрос, который ставится в таких работах, заключен в

¹ Kurt I. Role of Socialization Agents in Sociovirtualization: Bridging the Gap between Virtual and Real-world Interactions // London Journal of Social Sciences. 2024. № 8. Р. 8–21.

изменении патерналистского начала значимого взрослого, представляющего традиционные институты социализации. В ходе цифровой социализации человек предстает перед многообразием цифровых контекстов и производит не столько рациональный и заданный средой выбор (например, родители или школа, сменить которую возможно, но этот процесс сопровождается трудностями), сколько осмысленный – meaningful – выбор (множество цифровых агентов в сетевой структуре). Согласно М. Арчер и М. Карригану, влияние агентов социализации происходит в следующих плоскостях¹:

- уровень социокультурного контекста;
- уровень ролевой диспозиции, где композиция социального взаимодействия воспроизводит необходимые структурные отношения с агентами социализации;
- уровень направленности действий акторов, совершающих выбор и оценку ценности и привлекательности элементов цифровой системы и ее социокультурных компонентов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В условиях цифровизации и медиатизации появляются новые агенты социализации, такие как социальные сети и другие цифровые платформы, которые активно влияют на процесс интеграции человека в общество и формирование его социальной идентичности.

2. Традиционные агенты первичной социализации, такие как семья и школа, продолжают играть ведущую роль, но их влияние трансформируется под воздействием цифровой среды и новых коммуникационных каналов и контекстов.

3. Цифровые агенты социализации, такие как социальные сети и медиаконтексты, снижают уровень программируемости процесса социализации за счет предоставления мгновенного доступа к большим объемам информации и к разнообразным социальным контактам.

¹ Carrigan M. Growing up in a world of platforms: What changes and what doesn't? In What is Essential to Being Human? // Routledge. 2021. P. 103–131.

4. Социальные сети становятся важной платформой вторичной социализации, где подростки и молодые люди формируют свою цифровую идентичность, опираясь на ключевые характеристики, такие как свобода входа/выхода (с учетом степени проницаемости и открытости виртуального сообщества и фрагментарного характера интернет-среды), свобода навигации в интернет-пространстве и перцептивная скрытость.

Вторичный анализ результатов исследования агентов цифровой социализации и их конкурирующего влияния на традиционные институты социализации демонстрирует двойственный характер воздействия (как позитивное влияние, так и негативное). Так, исследование, проведенное в 2024 году на выборке из 1268 учащихся из разных школ Омана, выявило особенности взаимодействия подростков с онлайн-контекстами в связке с важными для арабского региона социализирующими факторами языка, религиозной идентичности и ценностей¹. Результаты демонстрируют, что семьи активно следят за медиапотреблением подростков, а те, в свою очередь, склонны выбирать веб-сайты, отражающие культурные особенности региона. При этом предпочтение религиозному контенту чаще всего отдают учащиеся мужского пола. Исследование также раскрывает особенности взаимодействия подростков с интернетом и социальными сетями, которое способствует установлению социальных связей с сверстниками и позволяет подросткам усиливать влияние социального статуса в своих кругах. Также отмечены и риски, которые несут в себе виртуальное общение и непрограммируемое включение в цифровые контексты.

Вместе с тем, международное исследование «Why we post» (проект Международного колледжа Лондона) выявило предрасположенность молодых людей создавать множественную цифровую идентичность (несколько версий аккаунтов, часть из которых анонимна) в

¹ Saleh E.F. Adolescent Socialization in the Digital Age: The Role of Internet Usage and Social Networks // In book: Adolescent Socialization in the Digital Age: The Role of Internet Usage and Social Networks. Publisher: PB International. 2024. P.66–98.

обществах со строгими традиционными правилами и пристальным социальным контролем со стороны старшего поколения¹. В местах, подобных Мардине (Турция) и Южной Индии, люди придают большое значение тому, какими они предстают на публике и перед семьей: огромную роль здесь играют такие понятия, как честь и стыд. Неосмотрительный в цифровой среде человек может навлечь позор на всю семью, привести к социальной изоляции и к иным негативным последствиям. Поэтому виртуальное пространство, с одной стороны, выступает продолжением реализации воспитательной функции традиционных институтов социализации, с другой, дает возможность создания множественных аккаунтов, позволяющих закрыть ряд коммуникативных потребностей с учетом свойства анонимности.

Преобладающее влияние первичных институтов социализации продемонстрировано в ходе лонгитюдного исследования цифровой социализации студентов. С марта 2019 года по ноябрь 2021 года было опрошено 373 магистра программ делового администрирования (МВА) индийских бизнес-школ (B-school)². В исследовании анализируются специфические особенности процесса социализации новых участников в виртуальной среде и раскрываются механизмы, посредством которых ключевые факторы социализации могут проявлять себя иначе в отсутствие традиционных физических условий. Авторы наглядно доказывают, что в контексте виртуальной социализации предыдущий опыт индивида до вступления в сообщество выступает значимым фактором, влияющим на адаптацию в новой социальной среде. Тем не менее распространение предварительной информации через современные средства коммуникации может оказаться недостаточно эффективным

¹ Why we post? URL: <https://www.ucl.ac.uk/why-we-post/> (дата обращения: 01.08.2024).

² Gupta P., Prashar A., Giannakis M., Dutot V., Dwivedi Y.K. How organizational socialization occurring in virtual setting unique: A longitudinal study of socialization // Technological Forecasting and Social Change. 2022. Volume 185. 122097. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162522006187> (дата обращения: 01.08.2024).

без дополнения в виде личного общения с ровесниками и другими заинтересованными лицами. В исследовании представлен комплексный подход к пониманию социализации в виртуальной среде и особенно выделена значимость ранних этапов процесса, которые оказывают влияние на последующие даже с учётом промежуточных переменных. Таким образом, агенты первичной социализации имеют первостепенное значение в вопросе «исходных данных» при вхождении в цифровые сообщества и взаимодействии с виртуальными контекстами.

В современном исследовательском поле ведется изучение связи приложения цифровых инструментов с представлениями молодежи о пути к зрелости и признанию статуса¹. В рамках лонгитюдного исследования жизненного пути молодых людей изучается изменение их отношений и ценностей по мере перехода от старшей школы через университет к трудовой деятельности (проводится с 2006 года). Методом качественного интервью был опрошен 281 студент, и были получены следующие результаты. Молодёжь, которая выросла при ограниченном доступе к интернету, научилась использовать его преимущественно для решения конкретных задач, например, для работы над школьными заданиями. Ограниченный доступ к ресурсам формирует представление о цифровой среде как о практическом инструменте, а альтернативные способы использования интернета редко рассматриваются. Студенты, получившие академическое образование, оценивали такое использование интернета как более продуктивное и рациональное по сравнению с другими коммуникативными и развлекательными практиками.

В свою очередь, студенты с менее регламентированным доступом к интернету проявляли более внимательное отношение к видам использования сети, не связанным с учёбой. Они демонстрировали большую

¹ Smith J., Hewitt B., Skrbis Z. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood // Information, Communication & Society. 2015. 201518(9). P. 1–17.

уверенность и прагматизм в отношении возможностей и рисков, связанных с интернетом. Таким образом, доступ к цифровым инструментам и способ их использования оказывают влияние на формирование представлений молодёжи о пути к зрелости и могут определять их отношение к цифровой среде как к практическому инструменту или пространству для разнообразных активностей.

Ещё одно исследование, проведенное в 2024 году среди бакалавров колледжей Университета Арба Мынч в Эфиопии, направлено на изучение мотивов межличностного общения в социальных сетях и их влияния на социализацию студентов бакалавриата в цифровой среде¹. В исследовании применялся параллельный дизайн со смешанным подходом, который включал самостоятельное заполнение респондентами анкет и фокус-групповые дискуссии. В исследовании приняли участие 312 студентов в возрасте от 18 до 27 лет, из них 202 мужчины (64,7%) и 110 женщин (35,3%). Результаты продемонстрировали, что социальные сети способствуют процессу социализации студентов, предоставляя платформу для взаимодействия, общения и построения отношений. 63,9% респондентов сообщили, что пользуются социальными сетями постоянно (28,9% – «всегда», 35% – «часто»), в то время как 57% участников заявили, что часто обращаются к поисковым системам.

Исследование также выявило сильную связь между характеристиками интегрированного управления контентом пользователей (ICM) и социализацией, была обнаружена статистически значимая связь между мотивацией использования социальных сетей и факторами цифровой социализации среди студентов. Студенты используют социальные сети для общения, поиска информации, релаксации и других целей. Анкетирование позволило выявить основные мотивы использования социальных сетей, такие как удовольствие, привязанность, включение,

¹ *Gebremariam H.T., Dea P., Gonta M. Digital socialization: Insights into interpersonal communication motives for socialization in social networks among undergraduate students // Heliyon. 2024. Vol. 10. Issue 20. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024155387> (дата обращения: 01.08.2024).*

бегство от реальности, релаксация и контроль. В ходе работы с информантами не выявлено существенных гендерных различий в мотивации использования социальных сетей и уровне цифровой социализации, что указывает на схожие цели и опыт взаимодействия студентов в социальных сетях независимо от пола.

Результаты исследования агентов социализации в условиях медиатизации и нарастания цифровых рисков

В исследовании, предложенном автором статьи, применяется системный подход, включающий вторичный анализ статистических данных по уровню цифровизации и компьютеризации, интернет-потреблению и цифровым практикам, а также собственное эмпирическое исследование виртуализации социальных практик и цифровой компетентности молодежи. Эмпирическую базу составили данные Datareportal, We Are Social и Meltwater, GlobalWebIndex (GWI), Statista, Mediascope и других исследовательских центров. Собранная информация систематизирована и обобщена по 3 пунктам с выявлением основных направлений развития социального взаимодействия в цифровой среде.

В результате обобщения эмпирических данных мирового и регионального интернет-потребления были выявлены следующие особенности социального взаимодействия в цифровой среде:

1. Противоречие между тенденцией глобальной коммуникативной связанности (стандартизацией и массовизацией) и фрагментарностью социальных связей в социальных сетях. Основные общемировые тенденции в распределении аудитории в цифровом пространстве демонстрирует ежегодный отчет Digital 2024, который объединяет данные крупных компаний, занимающихся исследованием медиааудитории: Datareportal, We Are Social и Meltwater. На дату публикации отчета Digital 2024 общее число интернет-пользователей составило 5,35 млрд человек или 66% от всего населения планеты (интернет-аудитория приобретает статус супербольшинства). С 2023 года интернет-аудитория выросла на 1,8% или в абсолютном показателе – на 97 млн человек. Что касается учетных записей в социальных сетях, то на начало

2024 года их количество превысило отметку в 5 млрд. Таким образом, мы видим, как человечество все более обретает черты единой социокультурной целостности и коммуникативной связанности. Высочайшую скорость процессов в цифровой среде (в том числе включения в виртуальный контекст) демонстрирует статистика количества регистрации учетных записей – в 2023 году каждую секунду в социальных сетях регистрировалось 8,4 новых пользователя, а в последнем квартале 2023 года этот показатель достиг отметки в 9,4.

Вместе с тем, «открытый» или глобальный Интернет претерпевает процессы фрагментации, которые обусловлены как на макроуровне – целенаправленным законодательным регулированием инструментами государственной политики (например, ограничения в использовании соцсетей ввели Туркменистан и Эритрея), так и на микроуровне – пользователь не столько стремится влиться в «обезличенное» глобальное пространство, сколько найти социальную группу, с ценностями которой он идентифицирует себя. «Фрагментация Интернета должна рассматриваться и как движущая сила, и как отражение международного порядка, который становится все более сегментированным»¹. В таблице 1 продемонстрирован существенный цифровой разрыв в пользовании социальными сетями между странами и по сравнению с общемировым показателем в 62,3%. Неравномерность в доступе к социальным сетям делает невозможным описание мировой аудитории как единого «монолитного» целого, имеющего универсальные характеристики социального взаимодействия.

¹ Komaitis K. Internet Fragmentation: Why It Matters for Europe // Research in focus. 2023. URL: <https://eucd.s3.eu-central-1.amazonaws.com/eucd/assets/foyLip9O/internet-fragmentation-why-it-matters-for-europe.pdf/statistics/871513/worldwide-data-created/> (дата обращения: 01.08.2024).

Таблица 1.

Доля пользователей социальных сетей
к численности населения страны (Digital 2024, %)¹

Примеры стран с высоким уровнем проникновения соцсетей (выше общемирового показателя в 62,3%)		Примеры стран с низким уровнем проникновения соцсетей (ниже общемирового показателя в 62,3%)	
Южная Корея	93,4% (+31,1%)	Египет	40,0% (-22,3%)
Гонконг	86,2% (+23,9%)	Индия	32,2% (-30,1%)
Сингапур	85% (+22,7%)	Кения	23,5% (-38,8%)
Нидерланды	85% (+22,7%)	Судан	6,0% (-56,3%)
Испания	83,6% (+21,3%)	Нигер	2,2% (-60,1%)
Канада	81,7% (+19,4%)	Туркменистан	1,7% (-60,6%)
Германия	81,4% (+19,1%)	Эритрея	0,4% (-61,9%)

2. Нарастание скорости и возможностей компьютеризации, виртуализации и внедрения новых технологий сопровождается усилением процессов вовлеченности аудитории в цифровые социализирующие контексты и освоением цифровой среды как повседневной. В мае 2024 года ТОП-500 самых мощных компьютеров мира возглавил суперкомпьютер Frontier производства HPE Cray на базе процессоров AMD EPYC 64C и графических ускорителей AMD Instinct 250X с пиковой производительностью 1,715 квинтилионов операций с плавающей точкой в секунду (Statistics from the 63rd edition, 2024). Ежедневно в мире создается 328 миллионов терабайтов данных, объем которых растет в геометрической прогрессии: за последние три года создано 90% мировых данных².

Согласно общемировой статистике Интернет-потребления, в среднем пользователь проводит во всемирной паутине 6 часов 40 минут в день (данные Digital 2024 за 3-й квартал 2023 года). Время пребывания

¹ Digital 2024: Global Overview Report // Datareportal. 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 01.08.2024).

² Volume of data/information created, captured, copied, and consumed worldwide from 2010 to 2020, with forecasts from 2021 to 2025. Statista 2024. URL: <https://www.statista.com> (дата обращения: 01.08.2024).

россиян значительно превышает указанный показатель и составляет 8 часов 21 минуту в день. Дифференцирована практика интернет-потребления и в различных демографических группах. Как показывает мировая статистика, больше всего времени в интернете проводят женщины в возрасте 16-24 лет (7 часов 32 минуты, у мужчин этой же возрастной категории показатель на 25 минут ниже); наиболее низкие показатели – в группе старше 55 лет (5 часов 15 минут). В контексте российского использования мобильного трафика самые высокие показатели – у молодежи 12-24 лет (5 часов 53 минуты, см. таблицу 2).

Молодежная аудитория (Поколение Z, рожденное в период 2000-2015 годы), чаще других возрастных категорий обращается к социальным сетям при поиске информации (46%, см. таблицу 3).

Таблица 2.

Продолжительность использования мобильного Интернета
у населения России (Mediascope, 2024)¹

Возраст, лет	12-24	25-34	35-44	45-54	55+
Время чч:мм	05:53	04:52	04:19	03:49	02:18

Таблица 3.

Практики обращения к поисковым системам и к социальным сетям
при поиске информации различными поколениями (GWI, 2024)²

Поколение	«беби-бумеры»	Поколение X	Поколение Y	Поколение Z
Поисковые системы	76%	73%	61%	58%
Социальные сети	21%	37%	46%	46%

Кроме того, молодое поколение 16-24 лет для решения вопроса поиска информации чаще прибегает к ИИ-платформам и чатботам, чем

¹ Человек в смартфоне // Mediascope. 2024. URL: <https://mediascope.net/library/presentations/> (дата обращения: 01.08.2024).

² GlobalWebIndex (2024). URL: <https://www.gwi.com/> (дата обращения: 01.08.2024).

к голосовому поиску и специализированным веб-сайтам. Вместе с тем, более старшие поколения меньше всего используют искусственный интеллект как поисковой инструмент. Как показывают данные опроса GWI за последние 2 года, молодое поколение чаще обращается к практикам онлайн-игр с целью выстраивания коммуникации со сверстниками, нежели для получения удовлетворения от игровой досуговой деятельности, отвлечения от проблем или свободного времяпрепровождения (основные лейтмотивы гейминга в старших возрастных группах). Таким образом, цифровая трансформация демонстрирует плавный переход некоторых реальных социальных взаимодействий в виртуальный формат, от традиционных агентов социализации – к их цифровым профилям или цифровым аналогам.

Виртуализация социальных практик напрямую влияет на характер социального взаимодействия в цифровой среде и выбор пользовательских стратегий, что влияет на включение в процесс социализации цифровых агентов. Обратимся к данным опроса «Цифровая компетентность молодежи» с всероссийской квотной выборкой по федеральному округу, полу, соотношению городской и сельской местности n=2206, апрель 2023 г., проведен Казанским (Приволжским) федеральным университетом в рамках реализации Госзадания (см. таблицу 4). Было выявлено, что ТОП-7 интересов российской молодежи в Сети возглавляет развлекательная тематика (отдых и развлечения – 53%, массовая культура, кино, сериалы, музыка, книги – 52%, хобби и увлечения – 47%). Ежедневно социальные сети используются молодежью для общения (76% респондентов выбрали данный пункт), для самообразования – 63% и образования – 61%. Также молодежь использует для совершения покупок, работы и бизнеса. В первую очередь, в сети молодежь общается и потребляет товары и услуги: поддерживает связь с друзьями, коллегами, семьей, заходит на маркетплейсы и совершает покупки. В целом, можно говорить о диверсификации медиапотребления, когда молодые люди быстро переключаются между форматами и каналами в зависимости от стоящей перед ними цели.

Таблица 4.

ТОП-7 интересов российской молодежи в Сети

Практика времяпрепровождения молодежи 18-24 лет	%
Отдых и развлечения	53%
Массовая культура	52%
Хобби и увлечения	47%
Наука и образование	40%
Политики и новости	36%
Мода, стиль и дизайн	35%
Спорт	33%

В ходе опроса выявлено, что гражданская активность в сети выше, если тема обсуждения касается лично респондента или его близких. Факторный анализ готовности решать какую-либо социально-значимую проблему выявил различные стратегии онлайн активности. Одна из них демонстрирует готовность инициации и создания собственными силами онлайн практики: производить контент, создавать виртуальные сообщества для коммуникаций и обмена данными, организация активности других пользователей. Другая стратегия демонстрирует активность в виде символического одобрения или порицания уже размещенного контента. На выбор пользовательской стратегии – социально-преобразующей или личностно-ориентированной – влияют как социальные факторы, так и индивидуальные. Однако стандартизация социальных практик в цифровом пространстве носит повсеместный характер, что упрощает формат социального взаимодействия и социализации личности и структурированию поведения пользователя в Сети.

Исследование продемонстрировало, что одним из основных трендов на современном этапе развития общества становится преобразование социальной среды под влиянием технологического прогресса. Цифровое пространство, которое мыслилось на заре становления информационного общества как универсальная объединяющая среда, перенесло в свой контекст проблемы социального неравенства и многих других рисков. Социальное взаимодействие в процессе массовизации

и фрагментации Интернета отражает тенденции, происходящие как на глобальном, там и на региональном уровнях. Нарастание скорости технологизации демонстрирует высокую активность молодежной социально-демографической группы. Социальные практики частично переходят в цифровую среду и стандартизируются в ней, предлагая пользователям различные стратегии и паттерны поведения, а следовательно – различные сценарии социализации. Проблемным остается вопрос влияния ограничений (в том числе цифрового неравенства) на уровень взаимодействия и социальной уязвимости в цифровой среде.

Степень успешности процесса цифровой социализации человека или общества в целом тесно связана с уровнем цифровой грамотности. Она подразумевает наличие необходимых знаний, умений и навыков, которые позволяют использовать цифровые технологии и онлайн-ресурсы эффективно и безопасно. Обратимся к анализу оценки цифровых агентов социализации по аспекту уровня кибербезопасности и нормы потребления. В качестве методологии были рассмотрены подходы по исследованию медиакомпетентности ЦИРКОН (шестифакторная модель, включающая индекс - умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента¹).

Для выявления уровня цифровой безопасности была сформулирована методика обследования, включающая измерение уровня медиапотребления, оценку цифровой безопасности самими респондентами по уровням «высокий – скорее высокий – средний – скорее низкий – низкий» и контрольный блок вопросов, нацеленных на понимание практических навыков обеспечения собственной кибербезопасности. В апреле-мае 2023 года в рамках реализации Госзадания был организован массовый репрезентативный опрос «Социологическое исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан» ($n=1554$). Применена квотная выборка по половозрастной структуре: молодежь 18-34 лет ($n=802$) и старшая возрастная группа от 35 лет ($n=752$).

¹ Задорин И.В., Мальцева Д.В., Шубина Л.В. Уровень медиаграмотности населения в регионах России: сравнительный анализ // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Том 2. № 4. С. 123–141.

Выборочные совокупности в обоих группах соизмеримы и позволяют сопоставлять данные по изучаемым объектам исследования. Анкета включала в себя 39 вопросов, касающихся обследования всех сторон медиакомпетентности, 9 из них непосредственно были обращены к выявлению уровня и практик цифровой безопасности.

Половина опрошенных представителей молодежи в возрасте 18-34 лет оценивают уровень своей цифровой компетентности в области обеспечения собственной цифровой безопасности как высокий или скорее высокий (см. Таблицу 2). Этот показатель на 10% превышает среднюю оценку уровня во всех опрошенных возрастных категориях. Примечательно, что значительные отклонения от среднего показателя зафиксированы в крайних значениях (высокий и низкий уровни), в то время как процент оценивших свою компетентность в области кибербезопасности как среднюю равен показателям в старшей возрастной категории и в целом по всему объему выборочной совокупности.

Таблица 5.

**Уровень оценки респондентами компетентности
в области обеспечения собственной цифровой безопасности**

Уровень оценки цифровой безопасности	Все ответы (n=1554)	Молодежь 18-34 лет (n=802)	Старшие возрастные группы от 35 лет (n=752)
Высокий	12%	18% (+6%)	6%
Скорее высокий	27,5%	32% (+4,5%)	23%
Средний	41%	42%	40%
Скорее низкий	12,5%	6% (-6,5%)	19%
Низкий	7%	2% (-5%)	12%

Для изучения практических навыков цифровой безопасности в ходе опроса был задан контрольный вопрос: «Что такое двухфакторная аутентификация?». Правильные варианты ответа дали лишь две трети респондентов, оценивших собственный уровень компетентности в области цифровой безопасности как высокий и скорее высокий. Разрыв между самооценкой и реальными знаниями еще раз обращает внимание

на необходимость улучшения цифровой грамотности и повышения осведомленности о практиках цифровой безопасности среди молодежи.

Среди рисков пребывания в цифровой среде респонденты самым распространенным считают манипуляции со стороны создателей контента (полностью и скорее согласны с влиянием угрозы 86% опрошенных молодых людей) и нарушение собственной приватности, в том числе утечку персональных данных (81%). Также более 75% молодых людей согласны или скорее согласны с утверждениями, что интернет не гарантирует достоверность информации и что отсутствие необходимой фильтрации открывает доступ к противоправной информации (см. Таблицу 3). Таким образом, продемонстрирован высокий уровень понимания рисков, которыми сопровождается пребывание пользователя в Интернет-среде.

Таблица 6.

Распределение ответов опрошенной молодежи 18-34 лет на вопрос:
С какими утверждениями о распространении информации в Интернете
Вы согласны? (n=802)

Утверждение	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
В интернете низкие гарантии достоверности информации	34%	41%	23%	2%
Распространители информации в интернете могут пытаться манипулировать пользователями	46%	40%	11%	3%
В интернете из-за бесконтрольного распространения информации может быть нарушена приватность	45%	36%	17%	2%
В интернете информация распространяется без должной фильтрации, что открывает доступ к противоправному контенту	36%	45%	16%	3%

Для аналитики применения навыков цифровой безопасности были заданы вопросы о повседневных практиках использования VPN-сервиса, который пропускает через свои серверы по всеми миру зашифрованный трафик миллионов пользователей. Обращение к сервису данного типа несет в себе киберугрозы, например, установленное VPN-приложение может превратить устройство в прокси-сервер для совершения ботнетами незаконных операций (кибератак, цифрового мошенничества и т.д.), заразить вредоносными программами или привести к краже персональных данных. 71% представителей молодежи подтвердили, что пользуются VPN-сервисами (в то время, как в старшей возрастной группе этот показатель практически в 2 раза ниже – 38%). Две трети молодых людей, использующих VPN, ежедневно включают приложение VPN на своих устройствах, а четверть – несколько раз в неделю. Это свидетельствует об укрепившейся в повседневности молодежной практике обращения к виртуальным службам обхода интернет-блокировок. Более трети опрошенных молодых людей (36%), которые пользуются VPN-сервисами, считают, что данная практика не влияет на конфиденциальность и защищенность личных данных. Лишь 9% молодых людей опасаются угрозы утечки данных в связи с использованием VPN. Стоит предположить, что в представлениях молодежи преимущества от обращения к потенциально опасному сервису превышают негативные оценки влияния и рисков обращения к удаленным серверам, принадлежащим к поставщикам VPN.

Как показали результаты исследования, молодежь гораздо более активно, нежели старшая возрастная группа, осваивает цифровое потребление, каждый второй представитель возрастной группы от 18 до 34 лет оценивает свою компетентность в области цифровой безопасности как высокую или скорее высокую. Вместе с тем, каждый третий из группы с высоким и относительно высоким уровнем компетентности не владеет основными инструментами киберзащиты, например, двухфакторной аутентификацией. Здесь можно говорить о разрыве между восприятием молодежью своего уровня (и уверенностью при нахождении в цифровой среде) и практическими навыками безопасности.

Несмотря на то, что большинство опрошенных молодых людей осознают риск нарушения приватности в Интернете, наблюдается практика использования потенциально опасных программ, например таких, как VPN-сервисов. Вероятно, этот момент связан с когнитивным искаложением, когда преимущества от применения нивелируют возможные угрозы. Отдельного рассмотрения в будущем заслуживают вопросы оценки такой угрозы цифровых агентов, как информационный стресс от избыточного или вредоносного контента в цифровой среде. В целом, исследование уровня цифровой грамотности и компетентности является важным фактором успешной социализации в цифровом пространстве, требующим постоянного развития и совершенствования цифровых навыков среди молодёжи.

М.Ю. Ефлова, И.С. Глебова, А.М. Закиров

3.2. Цифровая социализация российской молодёжи: агенты, практики и гражданская идентичность

Цифровая социализация российской молодёжи сегодня требует всестороннего научного осмыслиения, поскольку цифровая среда становится активным полем формирования ценностей, норм и гражданской идентичности. В отечественных исследованиях подчёркивается, что цифровая грамотность – это не просто владение техникой, а способность критически воспринимать информацию, безопасно взаимодействовать с контентом, участвовать в общественной жизни онлайн¹. Важной тенденцией является замена или дополнение традиционных агентов социализации – семьи, школы, сверстников – новыми цифровыми акторами, такими как платформы, блогеры и онлайн-сообщества,

¹ Комаров В.В. Современные тенденции цифровой социализации молодёжи: вызовы, риски и перспективы // Психологическая наука и новые вызовы со-временности: сборник научных трудов. 2023. С. 142-148.

которые выступают посредниками норм и моделей поведения¹. Российские исследователи фиксируют, что при высокой интернет-активности молодёжи формальная цифровая компетентность зачастую остаётся недостаточной, а способность противостоять информационным рискам снижена².

Также ключевыми факторами, влияющими на цифровую социализацию, являются социально-экономический статус и уровень доступа к качественным образовательным ресурсам, что обуславливает цифровое неравенство внутри молодёжной группы³. Значительную роль играют алгоритмы и медиасреды платформ: они не только направляют внимание, но и способствуют закреплению социальных практик и норм⁴. Помимо этого, фиксируется высокая частота контактов с фейк-контентом, агрессией, нарушениями конфиденциальности, что подчёркивает необходимость повышения медиаграмотности и разработки стратегий цифровой устойчивости⁵. Таким образом, для понимания процессов социализации необходимо объединять эмпирический анализ практик использования цифровой среды, оценки цифровых компетенций и готовности к онлайн-активности, а также учитывать роль

¹ Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Цифровая социализация российской молодежи: соотношение реальных и виртуальных коммуникационных практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5(62). С. 42-47.

² Ларионова И.В., Максимова О.А. Цифровая компетентность российской молодежи: состояние и факторы влияния // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5(62). С. 23-29.

³ Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 1. С. 40-49.

⁴ Валитова Н.Э. К вопросу о социализации студенческой молодежи в современной цифровой среде // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2(59). С. 4-7.

⁵ Ли Ц. Медийная социализация молодежи в условиях цифровизации: метаанализ китайских и российских исследований // Социология. 2023. № 6. С. 237-242.

цифровых агентов и контекста платформ¹. Это направление имеет как теоретическую, так и прикладную значимость для образовательной политики и гражданского просвещения².

Дополнительно необходимо отметить, что цифровая социализация российской молодежи все более рассматривается как фактор формирования гражданской идентичности: исследования фиксируют рост значимости сетевых практик в освоении норм публичного поведения и в развитии чувства принадлежности к гражданскому сообществу³. При этом отмечается неоднородность цифровых практик: часть молодых людей использует цифровую среду преимущественно для развлечения, тогда как другие группы активно включаются в образовательные и профессиональные форматы, что свидетельствует о сегментированности цифровой социализации⁴. В отечественной литературе подчеркивается и гендерная специфика: девушки чаще демонстрируют высокую вовлеченность в коммуникационные и социально-поддерживающие практики, тогда как юноши чаще обращаются к игровым и соревновательным форматам, что также влияет на структуру формируемых компетенций⁵. Наконец, ряд исследований показывает, что для значительной части молодежи цифровая социализация сопровождается

¹ Липатова А.В. К проблеме исследования механизмов и агентов цифровой социализации молодежи // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: Сборник материалов ежегодного 62-го Международного научного форума. В 2-х томах. Том 2. 2023. С. 120-122.

² Липатова А.В. Механизмы и агенты цифровой социализации молодежи // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Международная конференция. 2023. С. 68-73.

³ Асеева Т.А., Киреева О.С. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодёжи регионов РФ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2(71). С. 57-64.

⁴ Мартынова М.Д. Влияние цифровой реальности на состояние ценностного мира студенческой молодежи // ЦИТИСЭ. 2023. № 3(37). С. 251-260.

⁵ Минзарипов Р.Г., Шамсутдинова И.И. Цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных изменений // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 4(61). С. 41-44.

формированием двойственной позиции: с одной стороны, высокая готовность к сетевой активности, а с другой – критическое отношение к надежности и достоверности информации в интернете, что отражает процесс становления цифрового критического мышления¹.

Таким образом, современная цифровая социализация молодёжи предстает как сложный, многогранный и социально дифференцированный процесс, в ходе которого формируются не только повседневные практики взаимодействия с технологиями, но и более глубокие установки, касающиеся гражданской идентичности, социальной ответственности и критического отношения к информационной среде. Выявленная неоднородность цифрового поведения, проявляющаяся в различиях по уровню вовлечённости, мотивации и формируемым компетенциям, а также гендерные и субкультурные различия подчёркивают, что единых траекторий цифровой адаптации не существует. Вместо этого наблюдается множество пересекающихся и порой противоречивых практик, в которых молодёжь одновременно демонстрирует высокую активность и глубокий скепсис, стремление к участию и осторожность в публичных проявлениях. Эти противоречия указывают на необходимость не просто констатации фактов использования интернета, а на более глубокое понимание тех механизмов и агентов, которые стоят за формированием этих практик, ценностей и установок. Именно в этом контексте возникает потребность в системном эмпирическом исследовании, направленном на выявление ключевых факторов, определяющих цифровую социализацию.

В связи с этим цель настоящего исследования заключается в эмпирическом и концептуальном выявлении ключевых агентов цифровой социализации российской молодёжи и в анализе их связи с профилем цифрового использования, самооценкой цифровых компетенций и готовностью к различным формам онлайн-активности. Формулируются две основные: первая задача - идентифицировать вопросы анкеты

¹ Самсонова Т.Н., Леонов Е.К. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 2. С. 67-85.

и показатели, которые наиболее полно отражают влияние платформенных и социальных агентов на цифровую социализацию молодёжи; вторая задача – провести детализированное описательное сопоставление распределений ответов по выбранным вопросам и интерпретировать полученные графические изображения.

Эмпирическая база исследования представлена всероссийским социологическим опросом молодёжи ($N=2206$, квотная выборка по полу, возрасту, федеральным округам), включающим, помимо прочего, показатели частоты использования интернета и сфер его применения, самооценки цифровых навыков, опыт столкновений с онлайн-рисками, а также набор демографических и социально-экономических контрольных переменных (возраст, пол, уровень образования, тип населённого пункта, регион и материальное положение). Исследование было проведено в марте-апреле 2023 года с использованием структурированной онлайн-анкеты.

В качестве ключевых вопросов, визуальные ответы на которые будут подробно анализироваться, выделяются: самооценка уровня цифровой компетентности; частота использования интернета по сферам (образование, общение, работа, досуг и пр.) – для выявления практических моделей поведения; предпочтения платформ и источников информации; формы готовности к цифровому участию (например, подпись петиции, репосты, комментарии, создание контента) и опыт негативных проявлений (фейки, мошенничество, дискомфорт в онлайне). Далее перейдем к анализу ответов респондентов.

На рисунке 1 представлены результаты ответов молодых респондентов на закрытый вопросы (с выбором одного варианта ответа) «Сегодня, в век цифровых технологий, мы активно используем интернет, социальные сети, различные гаджеты. Для того, чтобы грамотно использовать возможности цифровизации, необходимо обладать определенными умениями и навыками, которые называются цифровыми компетенциями. Как бы Вы оценили уровень собственной цифровой компетентности?»

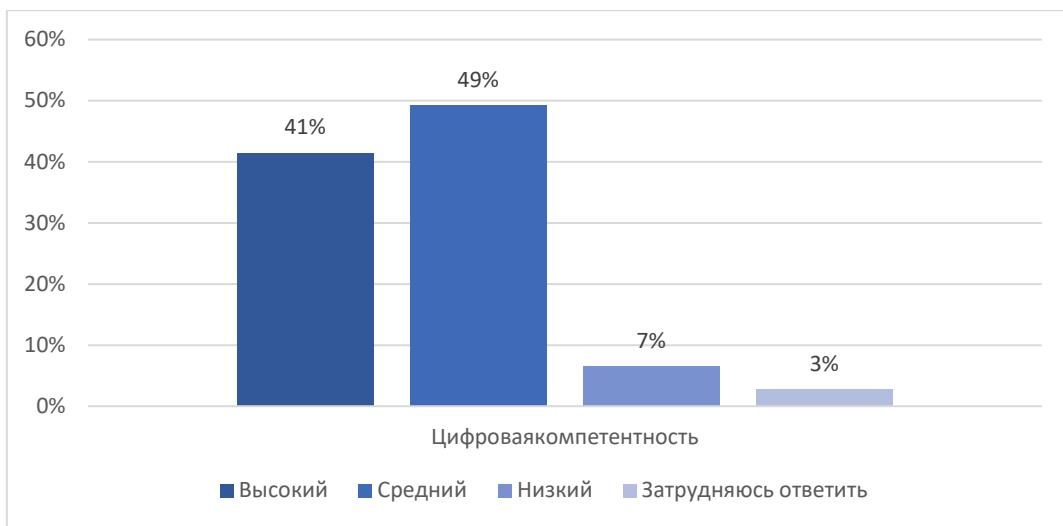

Рис. 1. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили уровень собственной цифровой компетентности?» (в %)

На рисунке 1 представлены результаты оценки уровня собственной цифровой компетентности молодыми респондентами в возрасте до 35 лет, что позволяет зафиксировать доминирующие установки данной возрастной когорты в контексте самовосприятия цифровой грамотности. Подавляющее большинство респондентов (90%) оценивают свои цифровые навыки как средние или высокие, что свидетельствует о высокой степени уверенности в собственных способностях функционировать в цифровой среде. При этом почти половина участников (49%) склоняются к умеренной самооценке, что может указывать на осознание ограниченности своих умений несмотря на повседневное использование цифровых технологий. Лишь 7% признают низкий уровень компетентности, что может быть связано как с реальными пробелами в навыках, так и с более критичным отношением к собственным возможностям. Незначительная доля тех, кто затруднился с ответом (3%), отражает определённую неопределенность в восприятии самого понятия цифровой компетентности.

На рисунке 2 представлены результаты ответов молодых респондентов на закрытый вопрос (с возможностью выбора нескольких вариантов ответа) «Из каких источников вы узнаете о значимых событиях жизни общества и страны?».

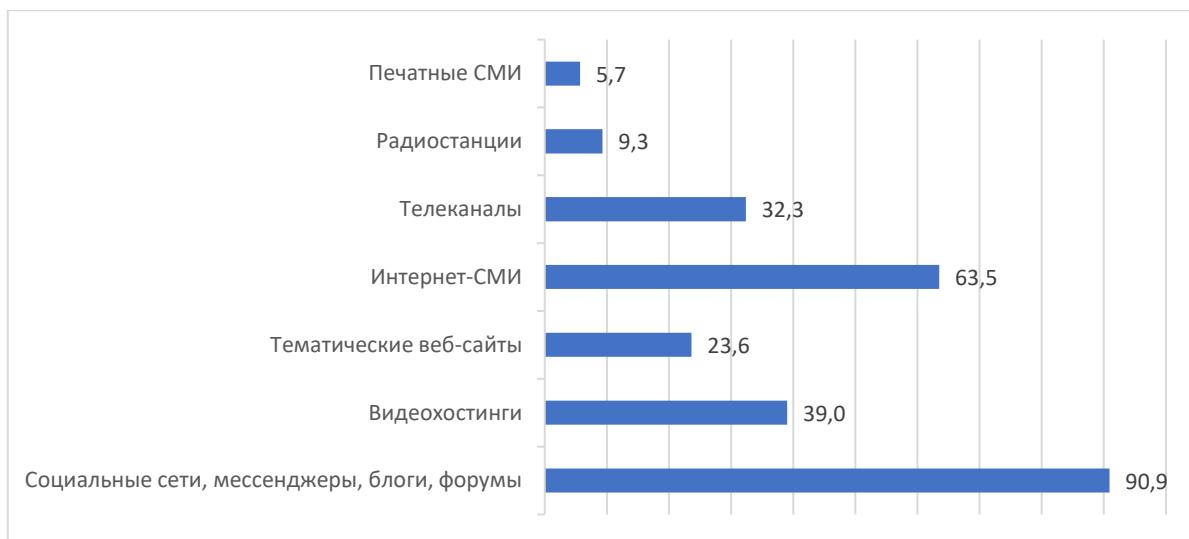

Рис. 2. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос
 «Из каких источников вы узнаете о значимых событиях
 жизни общества и страны?» (в %)

Рисунок 2 отражает структуру информационных практик молодёжи в контексте получения сведений о общественно-политических и социальных событиях. Доминирующим каналом информирования выступают социальные сети, мессенджеры, блоги и форумы, на которые ссылаются подавляющее большинство респондентов (90,9%), что свидетельствует о трансформации традиционной медиасреды под влиянием платформенной логики и персонализированных потоков информации. Интернет-СМИ также остаются важным источником, упомянутым 63,5% опрошенных, однако их роль оказывается вторичной по сравнению с интерактивными и сетевыми форматами. Значительную долю составляют видеохостинги (39%), что указывает на рост аудиовизуальной культуры потребления новостей. Традиционные медиа – телеканалы, радио и печатные издания – демонстрируют низкие показатели востребованности, особенно среди младших возрастных групп, что подчёркивает их периферийное положение в информационной экосистеме молодёжи. Высокий удельный вес тематических веб-сайтов (23,6%) говорит о наличии у части молодёжи потребности в глубокой и специализированной информации.

На рисунке 3 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Как часто вы используете цифровые и интернет технологии в следующих сферах жизни?». Вопрос разделяется на 7 сфер жизни, для каждого предусмотрен закрытый перечень вариантов ответа – «Часто», «Редко», «Иногда», «Никогда», «Затрудняюсь ответить», нами рассматривались только вариант ответа «Часто».

Рис. 3. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Как часто вы используете цифровые и интернет технологии в следующих сферах жизни?» (в %, вариант ответа «Часто»)

Рисунок 3 демонстрирует интенсивность вовлечённости молодёжи в различные сферы цифровой активности с акцентом на частоту использования технологий по критерию «часто». Наиболее выражена цифровая интеграция в сфере общения (76,1%), что подчёркивает центральную роль мессенджеров, социальных сетей и видеосвязи в поддержании социальных связей, трансформируя коммуникацию в базовую цифровую практику. Высокие показатели отмечены также в образовательной сфере (60,7%) и самообразовании (63,4%), что свидетельствует о значительной степени цифровизации процессов обучения и познавательной активности. Практически на том же уровне находится использование технологий в потреблении товаров и услуг (52,9%) и работе (50,5%), что отражает рост онлайн-экономики и гибких форм

занятости. Развлечения и досуг охвачены чуть менее интенсивно (51,1%), однако остаются существенной составляющей цифрового поведения. Полученные данные указывают на полифункциональный характер цифрового использования, при котором интернет становится универсальной инфраструктурой, проникающей во все ключевые аспекты повседневной жизни молодёжи.

На рисунке 4 представлены результаты ответов молодых респондентов на закрытый вопрос (множественный выбор вариантов ответа) «Какими сферами общественной жизни вы больше всего интересуетесь в Интернете?» Далее будут проанализированы ответы респондентов на 8 вариантов ответа из 22, которые выбрали наибольшее число респондентов.

Рис. 4. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Какими сферами общественной жизни вы больше всего интересуетесь в Интернете?» (в %, топ-8)

Рисунок 4 отражает структуру интересов молодых респондентов в отношении различных сфер общественной жизни, актуальных в онлайн-среде. Наиболее высокий уровень вовлечённости наблюдается в сферах, связанных с досугом и личной самореализацией: 53% указали интерес к отдыху и развлечениям, 47,1% – к хобби и увлечениям, что свидетельствует о доминировании рекреационной и эстетической

мотивации в цифровом поведении. Вместе с тем значительная доля молодёжи проявляет когнитивную активность, интересуясь наукой и образованием (39,6%), что указывает на наличие устойчивого спроса на познавательный контент. Политическая и управлеченческая сфера привлекает внимание менее половины респондентов (36%), что может свидетельствовать о селективной, а не системной гражданской вовлечённости. Экономические и финансовые вопросы интересуют меньшую часть аудитории (26,9%), тогда как темы семьи и детства (20,4%) и цифровых технологий (14,8%) занимают периферийное положение, несмотря на их релевантность в современном обществе. Такое распределение интересов демонстрирует приоритет индивидуальных, а не коллективных или институциональных тем в цифровом пространстве молодёжи.

Далее рассмотрим крупный вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?». Вопрос включает 23 варианта ответа, для каждого в свою очередь предусмотрен закрытый перечень вариантов ответа – «Регулярно», «Время от времени», «Было только однажды», «Никогда». Нами рассматривается только вариант ответа «Регулярно».

Мы разделим варианты ответов о видах действий в интернете на три блока – использование цифровых сервисов, участие в онлайн-переписках, цифровая общественно-политическая активность.

На рисунке 5 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?» по условному блоку «Использование цифровых сервисов».

Рис. 5. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?» (в %, условный блок «Использование цифровых сервисов»)

Рисунок 5 представляет данные о регулярном использовании молодыми респондентами цифровых сервисов, что позволяет проследить степень интеграции цифровых технологий в повседневные практики. Наиболее распространёнными являются онлайн-покупки на маркетплейсах (49,4%) и заказ такси (43,7%), что свидетельствует о высокой степени цифровизации потребительского поведения и транспортной мобильности. Значительная доля респондентов активно использует облачные хранилища (37,4%) и платформы видеоконференций (31,8%), что отражает вовлечённость в образовательные, профессиональные и социальные контексты, требующие цифрового взаимодействия. Сервисы доставки еды (31,7%) и покупка билетов (26,4%) также вошли в повседневную рутину, подчёркивая переход к сервисной логике потребления. Менее востребованы голосовые ассистенты (17,5%) и поиск работы (12,9%), что может указывать на ограниченную доверительность к автоматизированным помощникам и преобладание неформальных каналов трудоустройства. В целом, данные демонстрируют формирование устойчивых цифровых привычек, ориентированных на удобство, скорость и доступность услуг, при этом функциональное

использование интернета выходит за рамки коммуникации, становясь инфраструктурой повседневной жизни.

На рисунке 6 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?» по условному блоку «Участие в онлайн-переписках».

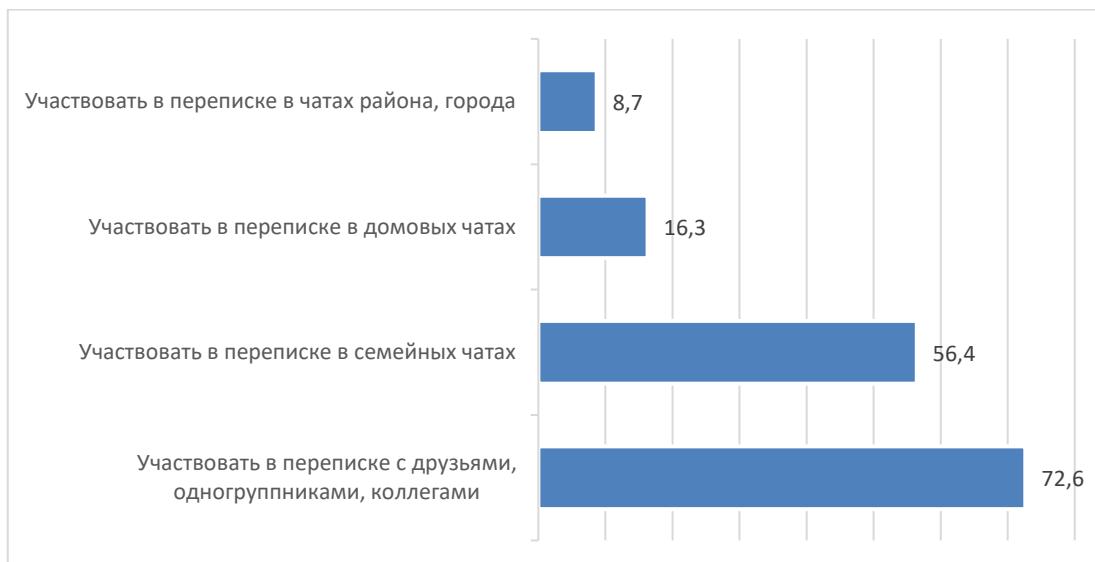

Рис. 6. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?» (в %, условный блок «Участие в онлайн-переписках»)

Рисунок 6 отражает интенсивность регулярного участия молодёжи в различных форматах онлайн-коммуникации, выявляя доминирование приватных и близких социальных контекстов в цифровой коммуникативной практике. Наиболее высокий уровень вовлечённости наблюдается в переписках с друзьями, одногруппниками и коллегами (72,6%), что подчёркивает центральную роль интернета в поддержании неформальных и учебно-профессиональных связей. Участие в семейных чатах также широко распространено (56,4%), свидетельствуя о трансформации традиционных семейных коммуникаций в цифровую плоскость и усилении их регулярности за счёт мессенджеров. В то же время взаимодействие в локальных сообществах – таких как домовые (16,3%) или районные/городские чаты (8,7%) – остаётся маргинальным,

что указывает на слабую выраженность территориальной солидарности и ограниченное развитие цифровых форм соседского общения. Преобладание приватных, а не публичных или территориально-ориентированных коммуникаций говорит о персонализированной и селективной природе онлайн-взаимодействий молодёжи, где приоритет отдается узкому кругу доверенных лиц. Такая структура переписок демонстрирует, что цифровая среда в первую очередь используется как инструмент репродукции существующих социальных связей, а не формирования новых, более широких сообществ.

На рисунке 7 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?» по условному блоку «Цифровая общественно-политическая активность».

Рис. 7. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?» (в %, условный блок «Цифровая общественно-политическая активность»)

Анализ данных, представленных на рисунке 7, позволяет глубже понять природу цифровой общественно-политической активности молодёжи, выявляя не только количественные показатели, но и качественные особенности её вовлечённости в гражданскую жизнь. Низкий уровень регулярного участия в политических и социальных практиках –

ни один из видов активности не превышает 10% – свидетельствует о системной пассивности, которая не может быть объяснена исключительно отсутствием интереса. Скорее, это отражает изменение самой логики гражданского действия: традиционные формы, такие как вступление в политические группы или участие в инициативных комитетах, уступают место более индивидуализированным, анонимным и аполитичным проявлениям ответственности, таким как благотворительность или участие в необязательных голосованиях. Такие практики позволяют молодёжи демонстрировать социальную солидарность, не вступая в прямое противостояние с институтами власти или не подвергая себя риску публичной критики. Особенно показательно, что даже такие доступные формы, как подписание петиций, остаются маргинальными, что указывает на недоверие к их эффективности и, возможно, на отсутствие ощущения, что индивидуальное действие может повлиять на системные изменения. Более того, низкий уровень информирования о местных проблемах (6,1%) говорит о слабой вовлечённости в территориальные сообщества, что может свидетельствовать о снижении значимости локальной повестки в условиях доминирования глобализированных и медиатизированных нарративов. Вместе с тем, выражение мнения (8%) и распространение информации (6%) – пусть и не регулярные – формируют основу для потенциальной мобилизации, однако их эпизодический характер и зависимость от внешних триггеров (например, кризисных событий) ограничивают их трансформационный потенциал. Таким образом, цифровая гражданственность молодёжи демонстрирует переход от устойчивых, организованных форм участия к ситуативным, эмоционально мотивированным актам, которые, хотя и подтверждают наличие гражданской чувствительности, не складываются в устойчивую практику. Это требует пересмотра подходов к формированию гражданской активности, смещающая акцент с институционального вовлечения на развитие цифровых компетенций, способствующих критическому осмыслению общественных процессов и коалиционному действию в сетевой среде.

Далее рассмотрим вопрос «К каким видам активности в интернете вы лично готовы, если вам будет необходимо решить значимую для вас проблему?». Вопрос включает 13 вариантов ответа, в свою очередь для каждого предусмотрен закрытый перечень подвариантов ответа – «Я готов к такому опыту», «У меня есть такой опыт», «Не готов к такому», «Затрудняюсь ответить». Нами рассматриваются подварианты ответов «Я готов к такому опыту» и «У меня есть такой опыт». Кроме того, мы выделим из 13 основных вариантов ответа 5 видов активности – «поставить «лайк» («мне нравится») под постом о проблеме», «изменение личных данных или аватара в социальных сетях для выражения позиции по проблеме», «перепост поста, сделанный другими пользователями на своей странице/своим контактам», «создание авторских постов/сообщений в социальных сетях», «создание ботов для привлечения внимания к проблеме для большого охвата».

На рисунке 8 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «К каким видам активности в интернете вы лично готовы, если вам будет необходимо решить значимую для вас проблему?».

Рис. 8. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «К каким видам активности в интернете вы лично готовы, если вам будет необходимо решить значимую для вас проблему?» (в %)

Рисунок 8 отражает уровень готовности молодёжи к различным формам цифровой активности в контексте решения значимых личных или общественных проблем, выявляя градацию вовлечённости от низкокороговых до более сложных действий. Подавляющее большинство респондентов (84,3%) выражают готовность или уже имеют опыт постановки лайка под постами, что свидетельствует о востребованности символических форм поддержки, требующих минимальных усилий. На втором уровне находятся перепости (64,3%) и изменение аватара или личных данных (42,2%), которые предполагают более осознанную публичную позицию и участие в распространении информации. Публикация собственных постов (52,8%) указывает на наличие у значительной части молодёжи коммуникативной инициативы, связанной с формулированием собственного мнения. Наиболее сложная и технически требовательная практика – создание ботов (26,3%) – остаётся маргинальной, что говорит о низком уровне цифровой инструментальности и ограниченном стремлении к масштабированию воздействия. В совокупности данные демонстрируют иерархию цифрового участия, в которой преобладают формы, сочетающие простоту, безопасность и визуальную выразительность, тогда как технологически насыщенные и потенциально рискованные действия остаются на периферии.

Далее проанализируем ответы респондентов на вопросы «Какие из перечисленных проблем, на ваш взгляд, распространены в Интернете?» и «С какими из перечисленных проблем вы лично сталкивались в Интернете?», совместив их на одной диаграмме (рисунок 9). Каждый из вопросов включает 5 проблем, с которыми можно столкнуться в ходе цифровой активности.

Рис. 9. Результаты ответов молодых респондентов на вопросы «Какие из перечисленных проблем, на ваш взгляд, распространены в Интернете?» и «С какими из перечисленных проблем вы лично сталкивались в Интернете?» (в %)

Рисунок 9 представляет сопоставление восприятия распространности интернет-рисков и личного опыта столкновения с ними, раскрывая разрыв между коллективной оценкой угроз и индивидуальным переживанием цифровых рисков. Наиболее высокие показатели осознания проблем зафиксированы в отношении недостоверной информации (71,4%) и онлайн-агрессии (70,5%), что свидетельствует о высокой степени медиаграмотности и критического восприятия цифровой среды. При этом доля тех, кто лично сталкивался с этими явлениями, существенно ниже (50,3% и 47,1% соответственно), что может указывать на перцептивное преувеличение масштабов рисков или на их опосредованное восприятие через чужой опыт и медиаобсуждения. Аналогичная картина наблюдается в отношении экономического мошенничества (55,4% против 32,5%) и влияния деструктивных сообществ (38,3% против 12,5%), где общественное беспокойство опережает личный опыт. Особенно заметен разрыв в вопросе онлайн-преследования – лишь 10,1% респондентов сообщили о личном столкновении при 27,8%

считывающих его распространённым. Это говорит о том, что молодёжь склонна оценивать интернет как потенциально опасное пространство, даже если собственный опыт подтверждает это лишь частично, что может формировать установки осторожности, но не всегда – активной защиты или цифровой бдительности.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд значимых выводов о характере и особенностях цифровой социализации российской молодежи. Эмпирические данные, полученные в результате всероссийского опроса, свидетельствуют о глубокой интеграции цифровых технологий в повседневные практики молодых людей, что трансформирует традиционные агенты социализации и формирует новые модели поведения, коммуникации и участия в общественной жизни.

Цифровая среда фактически выступает ключевым агентом социализации, дополняя и частично вытесняя традиционные институты. Доминирование социальных сетей, мессенджеров и видеохостингов в качестве источников информации указывает на смещение медиапотребления в сторону платформенных, персонализированных и интерактивных форматов. Это создает новые возможности для доступа к знаниям и социальным связям, но одновременно усиливает риски, связанные с достоверностью информации, цифровой безопасностью и конфиденциальностью.

Важным аспектом является высокая самооценка цифровой компетентности среди молодежи, которая, однако, не всегда коррелирует с реальной способностью противостоять информационным угрозам. Об этом свидетельствует значительный разрыв между воспринимаемой распространённостью таких рисков, как фейки и онлайн-агрессия, и личным опытом столкновения с ними. Это указывает на формирование у молодежи двойственной позиции: с одной стороны, уверенность в своих цифровых умениях, с другой – осознание потенциальных угроз цифровой среды.

Структура цифровых практик молодежи демонстрирует выраженную полифункциональность: интернет используется одновременно для

общения, образования и самообразования, потребления товаров и услуг, работы и досуга. При этом наблюдается сегментированность интересов: доминируют сферы, связанные с личной самореализацией, хобби и развлечениями, тогда как интерес к общественно-политическим и экономическим темам выражен слабее. Это подтверждает тезис о приоритете индивидуализированных, а не коллективных форм вовлеченности в цифровом пространстве.

Наиболее значимым выводом является низкий уровень готовности молодежи к системной общественно-политической активности в интернете. Даже такие простые формы участия, как онлайн-голосования или благотворительность, носят эпизодический характер. Готовность к более сложным действиям, таким как создание контента или использование автоматизированных систем, хотя и присутствует, но остается ограниченной. Это свидетельствует о фрагментарном и ситуативном характере цифровой гражданственности, что может быть связано как с недоверием к институциональным механизмам, так и с преимущественно рекреационно-коммуникативной ориентацией цифрового поведения.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется углубленный анализ влияния социально-демографических факторов на структуру цифровых практик и компетенций. Также актуальным является изучение роли алгоритмических систем и платформ в формировании ценностных ориентаций и поведенческих сценариев молодежи. Не менее важным направлением может стать качественный анализ мотивационных механизмов, определяющих готовность к различным формам цифрового участия, включая гражданские и политические инициативы.

Кроме того, требует внимания проблема цифрового неравенства, которое проявляется не только в доступе к технологиям, но и в качестве их использования, способности к критическому восприятию информации и участию в цифровой экономике. Разработка стратегий

цифровой устойчивости и медиаграмотности, адаптированных к различным сегментам молодежи, представляется актуальной задачей для образовательной и социальной политики.

Таким образом, цифровая социализация современной молодежи представляет собой многомерный и противоречивый процесс, в котором сочетаются высокий уровень технологической адаптации и фрагментарность гражданской вовлеченности, уверенность в собственных компетенциях и осознание рисков цифровой среды. Понимание этих тенденций необходимо для формирования эффективных программ развития цифровой грамотности и гражданского просвещения, направленных на гармонизацию взаимодействия молодежи с цифровой средой и формирование целостной системы цифровой социализации, способной ответить на вызовы современного информационного общества.

М.Ю. Ефлова, Р.Г. Минзарипов, О.А. Максимова, Л.К. Нагматуллина

3.3. Жизненные стратегии цифрового поколения молодежи в системе традиционных российских ценностей

В современном мировом пространстве динамичные процессы формирования его новой архитектуры на принципах многополярности значительно усиливают количество вызовов, с которыми сталкивается отечественный социум на пути построения сильной, «самостоятельной и суверенной державы»¹. В комплексе взаимозависимых задач, успешное решение которых способно содействовать достижению поставленной цели по выходу страны на новый уровень развития, обеспечение ценностного суверенитета страны стало одной из ключевых, закрепленных в положениях государственной культурной политики страны.

¹ Путин: Россия поняла, что должна заявить о себе как о суверенной державе. – URL: <https://ria.ru/20250713/putin-2028851189.html> (дата обращения 02.08.25).

В этой связи неизменным остается требование особого внимания к молодежи как социальной группе, в наибольшей степени предрасположенной к интенсивному освоению социокультурного пространства, находящейся в активной стадии социализации, характеризуемой динамичным процессом социального становления. Своевременное и рациональное осмысление молодыми поколениями «фундаментальных ценностей и принципов, на которых основано единство российского общества», «формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»¹ при активном участии в этом процессе социальных институтов, призванных реализовывать функцию по воспитанию молодежи, в нынешних реалиях – наиболее правильный и действенный принцип обеспечения внутренней и внешней устойчивости отечественного социума.

В системе координат «ценности цифрового поколения молодежи / совокупность традиционных духовно-нравственных ценностей», существуют вопросы, требующие ответа и заслуживающие особого внимания в контексте социологического анализа. Поэтому определение положения цифровых поколений молодежи в этой системе и выявление степени актуальности для них традиционных ценностей выступило в качестве цели настоящего исследования.

Идентификация ценностных ориентаций современной молодежи является не только эффективным способом осмысливания структуры жизненных целей и стратегий поколений с цифровым типом сознания и мышления, возможностью проанализировать механизмы, регулирующие и направляющие их поведение, но и инструментом оценки потенциала цифровой молодежи и перспектив его использования.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35.

"О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808". - URL: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 · Официальное опубликование правовых актов (дата обращения 02.08.25).

В настоящее время попытки трансформировать ценностную систему человека, сопровождаемые в современном мире мощно организованным давлением и требованиями изменить ее содержательную сторону, обусловили необходимость принятия незамедлительных мер по защите традиционных российских ценностей на государственном уровне, законодательного закрепления принципов их сохранения и укрепления. Четкое формулирование позиции по приверженности сформированному курсу и пониманию «традиционных ценностей как основы российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять бережение народа России и развитие человеческого потенциала», а также в качестве «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России¹, подтвердило непоколебимость стратегических намерений по «обеспечению национальной безопасности страны, сохранения ее идентичности и государственности»².

Совокупность ценностей, определяющая «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061> (дата обращения 02.08.25).

² Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35

"О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808". - URL: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 · Официальное опубликование правовых актов (дата обращения 02.08.25).

идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России» как жизнеобразующую основу, сопровождающую отсутствием расплывчатости в понимании того, что действительно является значимым, выступает в качестве интегрирующего, консолидирующего начала общества, своеобразным защитным механизмом, позволяющим ему противостоять вызовам, вектором организации воспитательного процесса молодых поколений, а также объектом пристального научного анализа в контексте изучения степени выраженности и значимости каждого из ценностных элементов у современной молодежи. Ограничимся характеристикой некоторых из них, но без которых невозможно понимание сути и содержания жизненных стратегий, ориентиров и смыслов современного цифрового поколения молодежи.

Учитывая тот факт, что изучение молодежи является предметом научного интереса авторов статьи на протяжении достаточно продолжительного периода, а участие в исследовательских проектах позволило сформировать обширную базу эмпирического материала, представлялось целесообразным при анализе цифрового поколения молодежи в контексте традиционных российских ценностей, применение принципов сравнительного анализа результатов исследований, полученных в период с 2017 по 2023 г., и позволяющих проследить динамику ценностных ориентаций молодых поколений, тем более что, неоднократное изучение молодежи сквозь призму различных исследовательских ракурсов, обеспечило сопоставимость результатов исследований в ходе сравнения.

В комплексе традиционных российских ценностей, концентрирующих в себе социальный опыт поколений, лучшие поведенческие практики на основе сформированных норм и ценностных установок, семья всегда занимала значимую и весомую позицию. Поэтому от того, какие ценностные ориентации насыщают сознание представителей

цифрового поколения молодежи в отношении семьи, зависит не только эффективное решение столь остро стоящих в настоящее время перед страной демографических проблем по обеспечению устойчивого роста населения страны и повышению рождаемости, но и успешность реализации представителями молодых поколений стратегии «семейной самореализации»¹.

Вопросы необходимости обеспечения стабильности социального института семьи в сочетании со стремлением уберечь его от влияния нетрадиционных ценностей и норм, пропагандируемых в современном мире, не только чуждых традиционному институту семьи, но и грозящих его разрушить, поднимались авторами данного раздела в рамках анализа результатов исследования, проведенного еще в 2017 г. по изучению молодежи в контексте дискурса реальных и условных поколений², однако с тех пор они не только не стали менее актуальными и не потеряли значимости, а приобрели выраженную тенденцию актуализации в связи с возрастанием остроты рассматриваемых проблем в условиях происходящих в мире изменений. Принципиальная убежденность в высокой ценности семьи подтверждалась мнениями респондентов – представителями молодежи, ставшими участниками глубинного интервью и авторами нарративных эссе в ходе проведения исследования. Прошедшие годы, сопровождаемые дальнейшими исследованиями молодежи и полученные при этом результаты, свидетельствовали о неизменности мнений молодых поколений, высоко оценивающих роль и значение семьи в их жизни. Более того, в период с 2017 по 2023 гг. частота упоминаний семьи в качестве источника формирования социальных норм, ориентаций и установок, помогающих адекватно оценивать окружающую реальность и организовывать жизнь, а также

¹ Акулич М.М., Пить В.В. Жизненные стратегии современной молодежи. - URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/23547/1/socia_2011_8_34_43.pdf (дата обращения 01.08.25).

² См.: Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Диалог поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов: в контексте дискурса реальных и условных поколений // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – №2. – С. 186-192.

выстраивать жизненные стратегии более продуманно и осмысленно, находить пути и способы их реализации, не сократилась. Показательны в этом плане мнения студенческой молодежи, принявшей участие в онлайн-анкетировании Всероссийского исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» (2023 г.) с объемом выборочной совокупности 6389 чел.¹, когда при ответе на вопрос, в котором предлагалось выбрать наиболее важные для респондентов жизненные приоритеты, «устойчивость семьи, эмоциональная связь с членами семьи» оказалась одной из наиболее значимых, отразившейся в числовом факторном показателе 4,24 и вошла в тройку наиболее высоко оцениваемых. И, несмотря на то, что у экономически рационального и прагматичного цифрового поколения молодежи, воспитанного на принципах парадигмы рыночной экономики, вполне объяснимо уровень значимости «интересной работы» (4,33) и «материального достатка» (4,32) был более высок, молодежь не исключила из списка ценностных приоритетов семью, о чем свидетельствует разница лишь в десятых и сотых долях числовых показателей и указывающая фактически на их количественную равнозначность, а ценности, занимающие первые позиции являются в современных условиях необходимым базовым основанием формирования благополучной семьи. Аналогичная картина, отражающая отношение молодежи к семье, наблюдалась в 2017 г., когда в ходе проведения глубинных интервью, респонденты, отвечая на вопрос интервьюера «Что для Вас значимо, важно в жизни?» наряду с жизненными планами «встать на ноги, чего-то добиться в жизни, построить что-то в этой жизни» (жен., 21 год), отмечали и желание «что-то после себя оставить», подчеркивая тем самым, что семья для них не менее значима и подтверждали свою

¹ Социологическое исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Научный руководитель исследования – д.полит.н., проф. Н.М. Великая. Сбор данных по Республике Татарстан осуществлялся под руководством д.социол.наук, проф. Ефловой М.Ю., при непосредственном участии авторов статьи.

убежденность акцентным заключением, что «на первом месте все-таки стоит семья»¹.

В вечных поисках источника счастья, свойственных молодым поколениям, а особенно студенческой молодежи, как социальной группе, находящейся на этапе активного определения системы ценностных представлений, и попытках получить ответ на вопрос о том «Что делает Вас счастливым человеком?», 57% опрошенных в 2023 г. ответили, что это семья. Такие мнения могут быть преобладающими только в том случае, если в пространстве семьи наложен диалог поколений на основе взаимного уважения, реализуются сценарии внутрисемейного взаимодействия, способные обеспечить преемственность поколений. В этом плане студенческая молодежь, отвечая на вопрос о том, насколько она довольна отношениями с родителями, продемонстрировала достаточно высокий уровень удовлетворенности взаимодействием со старшим поколением и доля респондентов, имеющих такую точку зрения, составила 75,9%, из которых 50,5% склоняются к максимально положительной оценке и полностью довольны отношениями с родителями, 25,4% считают, что «скорее довольны», 6,3% отметили, что «чем-то довольны, а чем-то нет», и только 4,8% высказали «полную неудовлетворенность».

В целом, можно констатировать наличие диалогового межпоколенного контакта в семьях современной молодежи. В потоке разнонаправленных и содержательно разноплановых межпоколенных трансфертов формируется эмоциональная среда, обеспечивающая преемственность поколений и стабильное функционирование семьи. Общение с любимым человеком или супругом (супругой) в случае, если представители студенческой молодежи состоят в браке, более предпочтительны для 50,2% респондентов, которые отметили данное обстоятельство при ответе на вопрос анкеты «Как Вы обычно проводите

¹ Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Диалог поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов: в контексте дискурса реальных и условных поколений // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – №2. – С. 188.

свободное время?». Независимо от семейного положения участвующих в опросе, большинством респондентов особая атмосфера, психологический комфорт, высокий уровень положительных эмоций и чувств как следствие коммуникативно-интерактивной стороны общения, осознаются и оцениваются достаточно высоко, в противовес существующим мнениям относительно того, что, современная молодежь ограничивает каналы межличностного и семейного взаимодействия цифровой средой.

Заключение, сделанное по результатам исследования 2017 г. и констатирующее неизменное признание молодыми поколениями молодежи ценности семьи, сохраняет свою актуальность и сегодня, аналогично и тому, что «связь между представителями разных поколений семьи не утрачена»¹, а межпоколенческая солидарность, для которой даже разрыв в цифровых компетенциях представителей разных поколений семьи не стал линией разлома межпоколенческих связей, по-прежнему обеспечивает достаточно стабильное функционирование данного социального института.

Таким образом, попытки обесценить семью не находят поддержки у современного поколения цифровой молодежи, мнения относительно ценности семьи не претерпевают изменений, демонстрируют устойчивую стабильность уже в течении долгого периода времени, и результаты регулярно проводимых исследований молодежи, всякий раз подтверждают данный вывод. Весомы и показательны в этом плане и заключения, к которым пришли специалисты Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2025 г., проанализировав результаты исследования «2025: вызовы, ожидания, тенденции», проведенного с использованием базы опросов и данных компаний за 30 лет, а также материалов экспертных дискуссий на площадках «Научный совет ВЦИОМ» и «Профессиональный разговор» и согласно которым,

¹ Нагматуллина Л.К., Ахметгалиева А.Р., Максимова О.А. Межпоколенческая солидарность как фактор стабильности современной семьи // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – №4. – С.300.

семья в настоящее время «осознается и декларируется россиянами как самое важное в жизни»¹ [7].

В пространстве семьи, такие ценностные качества представителей ее разных поколений, какими являются любовь, сочувствие, душевная чуткость, являются не просто неким второстепенным дополнением, сопровождающим повседневную семейную жизнь, а выступают фундаментальной основой института семьи, определяющей самочувствие в нем человека, характер воспроизводимых в рамках микро-социального образования поведенческих практик, уровень интенсивности потоков внутрисемейных трансфертов, механизмы и методы воспитания молодых поколений семьи. В процессе выполнения семьей одной из наиболее важных функций по воспитанию молодых поколений, в ее пространстве происходит титанический труд по формированию духовно-нравственной личности с последовательным овладением социально-значимыми нормами и ценностями. И, несмотря на то, что этот процесс не всегда носит линейный характер, может вызывать недопонимания, как со стороны детей, так и родителей, постепенное расширение границ нравственного мира человека невозможно без участия в этом процессе представителей разных поколений семьи, способных через диалог, последовательно и терпеливо объяснить, что есть нравственное, помочь молодежи сориентироваться в системе координат традиционных нравственных ценностей. Понимание всей содержательной глубины и смысла этих ценностных категорий способствует формированию нравственных начал личности, определяет прочность и стабильность семьи.

Так, например, современная молодежь осознает гармонизирующую ценность и значение любви в жизни человека, на что указывают мнения студенческой молодежи, участвовавшей в исследовании 2023 г.,

¹ В 2025 году россияне озабочаются сохранением семей и продлением жизни. ВЦИОМ назвал главные тренды текущего года. – URL: <https://expert.ru/obshchestvo/v-2025-godu-rossiyane-ozabotyatsya-sokhraneniem-semey-i-prodleniem-zhizni/> (дата обращения 04.08.25).

и согласно которым 56,4% респондентов любовь делает счастливыми людьми, а соответственно формирует чувство удовлетворенности личной жизнью, отношениями с любимым человеком. Именно данный факт отметили 54,8% опрошенных, что дает основание сделать предположение относительно имеющегося у молодежи потенциального плана по созданию семейных союзов и увеличения в дальнейшем количества респондентов, по сравнению с зафиксированными показателями в 25,2% опрошенных, которые бы в качестве цели по окончании высшего учебного заведения указали желание создать семью. Обнадеживает в этом плане и перспектива возможного приращения количества браков среди студенческой молодежи, которой в настоящее время как социальной группе, имеющей в силу возрастных характеристик, высокий потенциал создания семьи и реализации рождения первых и последующих детей, уделяется особое внимание. Этим обусловлено выделение студенческих семей в отдельную категорию молодых семей, помочь и поддержку которой необходимо усилить, а также принятие в 2025 г. соответствующего закона, закрепляющего и конкретизирующего понятие «студенческая семья» в законодательстве о молодежной политике и предусматривающего расширение мер государственной поддержки таким семьям¹.

Непоколебимая позиция молодежи в отношении ценности семьи, признании ее единственной правильной и естественной формой организации союза мужчины и женщины, уверенность в отношении нерушимости межпоколенческих связей в сочетании с практическими действиями по сохранению семей, формирует позитивный оптимизм по улучшению демографической ситуации, когда прочные браки и семьи с детьми являются безусловной жизненной нормой. Не случайно поэтому борьба за сохранение семей объявлена в 2025 г. в качестве одного из главных «демографических трендов в России», а с «изменением

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации». - URL: Федеральный закон от 23.07.2025 № 258-ФЗ Официальное опубликование правовых актов (дата обращения 12.08.25).

ценостных установок россиян связывают надежду на улучшение демографической ситуации»¹.

Ценности, нормы и чувства во многом определяют формы и уровень межличностного общения, выстраивая линию поведения молодежи, формируя круг дружеских связей и отношений, желание помогать другим людям. Так, 52,9% респондентов – представителей студенческой молодежи отмечают, что наличие у них друзей позволяет ощущать себя счастливыми людьми. При этом молодежь акцентируют внимание на обязательном включении в иерархию ценностных факторов, приносящих человеку счастье, присутствие такого элемента как "помощь другим людям", подчеркивая, что «это еще как делает тебя счастливым, даже возможно, в первую очередь». Действительно, сила душевной отдачи и действенность бескорыстной заинтересованности людей друг в друге, ощущение причастности и нужности другим, делают дружбу и помочь структурообразующими компонентами жизненных ценностей человека, наполняя его жизнь новым смыслом и качеством, расширяя круг социальных связей. И наши респонденты в полной мере осознают, что приобщение к миру ценностей, в котором есть место дружбе и взаимопомощи, не только способно сформировать самодостаточную личность, но и сделать их счастливыми. Во взглядах современной студенческой молодежи не усматривается признаков, свидетельствующих об изменении смыслового содержания духовно-нравственного ценностного ряда, наличии смешения в понимании роли и значения его ключевых элементов как жизнеобразующих. Аналогичный вывод, сформулированный авторами по результатам исследования, проведенного почти десять лет назад, в отношении устойчивости системы традиционных ценностных оснований у молодежи, остается неизменным, показывает свою состоятельность.

¹ В 2025 году россияне озабочаются сохранением семей и продлением жизни. ВЦИОМ назвал главные тренды текущего года. - URL: <https://expert.ru/obshchestvo/v-2025-godu-rossiyane-ozabotyatsya-sokhraneniem-semey-i-prodleniem-zhizni/> (дата обращения 04.08.25).

Таким образом, традиционные российские ценности как глубокие и здоровые корни способствуют формированию молодых поколений, для которых семейные традиции и отношения, любовь, милосердие, добро, дружба, уважение к старшим, взаимопомощь и взаимоуважение являются источником формирования жизненных смыслов, приоритетами, при осознании значимости которых, молодежь способна придать ускорение процессу построения нового ландшафта страны.

Важно отметить, что действенность усилий по достижению стратегически важных национальных целей развития страны возможна только при активном участии молодежи, ее заинтересованности «в реализации планов на десятилетия вперед»¹. Во многом тональность настроений, взглядов и установок молодых поколений определяет будущий облик страны, ее благополучие. Студенческая молодежь как социальная группа, обладающая высоким потенциалом активности в отношении осуществления профессиональной деятельности, инициации инновационных идей и реализации амбициозных проектов, концентрирующая в себе духовно-нравственные ценности, отвечающие запросам современного общества и для которой жизнь в цифровой среде стала естественной формой жизнедеятельности, становится не только опорой в построении сильной страны в конкретно-исторический период, но и гарантом ее будущего. В этом контексте актуализируется и сфера высшего образования, которая «должна стать коммуникативным пространством, где воспитывается студенческая молодежь с гражданскими позициями по отношению к своей стране, к своему региону, семье, близкому окружению, природному миру»².

Для того, чтобы молодежь могла выполнять роль субъекта сохранения динамики устойчивого развития страны, а потенциал молодых

¹ Путин отметил вклад молодежи в развитие страны. – URL: <https://ria.ru/20250628/putin-2026015928.html> (дата обращения 04.08.25).

² Шагбанова Ю.Б. Преподавание учебной дисциплины «История России» в высшем учебном заведении для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки: основные тенденции и мотивации // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11. – № 4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/36PDMN423.pdf> (дата обращения 04.08.25).

поколений был максимально эффективно задействован в этом процессе, необходимо постоянное изучение устремлений молодежи, ее ориентаций, поведенческих практик, анализ социального самочувствия и жизненных стратегий данной социальной группы, которой отводится миссия по обеспечению благополучного будущего страны. В этом плане социологическое сопровождение изучения молодежи, позволяющее сформировать четкий и ясный портрет изучаемой социальной группы, делающее возможным получение более точного и детального знания в результате анализа большого массива количественных и качественных данных, является основой прогнозирования перспектив и возможностей современной молодежи, источником принятия обоснованных решений в отношении ее воспитания в целях выполнения основных жизненных функций и недопущения появления в молодежной среде деструктивных поведенческих практик, подготовки молодых поколений к решению поставленных задач в условиях динамичных изменений. Прогнозирование строится на анализе настоящего и не может быть осуществлено без него, поэтому концентрация усилий исследователей на изучении молодежи, сочетающей в себе высокий уровень жизненного потенциала и способность максимально его раскрыть и реализовать в настоящем моменте, объективно необходима и актуальна в современных условиях.

Обращение в исследовательском анализе к студенческой молодежи представлялось логически и объективно обоснованным и было продиктовано тем, что представители именно этой подгруппы современной молодежи, обладающие «необходимыми характеристиками, достаточными для отнесения их к особой социальной группе»¹, находящиеся в процессе активного личностного и профессионального самоопределения, поиска жизненной орбиты и ориентиров, способны наиболее адекватно выразить мнения относительно их устремлений и очертить

¹ Сотников И.М. Студенческая субкультура: операционализация понятия // Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: трансформация системы ценностей. – 2012. – № 2012. – С. 98-106.

контур будущих жизненных стратегий. Получение качественного исследовательского материала, реальной, достоверной информации стало возможным путем активизации процесса обдумывания ответов на вопросы анкеты, выступившего в качестве мощного стимула для осознания и анализа респондентами тех аспектов повседневной жизненной реальности, над которыми они ранее, возможно, просто не задумывались.

Для современной студенческой молодежи, ценностно-нормативные конструкты и жизненное самоопределение которой еще не приобрели четкие, завершенные формы и системную целостность, показателями, отражающими уровень социального самочувствия этой социальной группы, являются возможность достижения намеченных жизненных целей и видение перспектив реализации жизненных стратегий. Данным фактом было обусловлено наличие в онлайн-анкете вопросов относительно жизненных ожиданий опрашиваемых: «Насколько Вы уверены в завтрашнем дне?» и «Планируете ли Вы свое будущее?». Ответы на эти вопросы свидетельствовали о наличии двух полюсов мнений, в соответствии с которыми 63,1% респондентов с оптимизмом смотрят в будущее, причем у 23,1% эмоциональная интенсивность высказанного мнения была максимально позитивна, и они отметили, что «полностью уверены в завтрашнем дне», а 42% опрошенной молодежи были склонны более взвешенно подойти к оценке своего будущего и посчитали, что «скорее уверены в завтрашнем дне». На другом полюсе мнений оказались представители студенческой молодежи, которые «совершенно не уверены в завтрашнем дне» (7,9%) и те, кто более склонен придерживаться мнения, что уверенность в завтрашнем дне у них скорее отсутствует (16,7%). Несмотря на разброс мнений и наличие респондентов, которые не смогли определиться относительно понимания своего будущего (12%), большинству современной студенческой молодежи не свойственен пессимистичный взгляд в будущее, для нее более характерен оптимистичный настрой, а неустойчивость жизнеобразующих смыслов в сознании молодежи, пока еще свойственная ей по причине возрастных особенностей и определяемая спецификой

активного этапа социализации, в дальнейшем заместится четкими оценками и взглядами, в том числе, и более конкретным осознанием перспектив будущего. Тем более, что преобладание оптимистичных настроений у молодежи способно инициировать более высокий уровень социальной активности, ориентированный на созидательное построение жизненной траектории, эффективную реализацию собственного потенциала и успешное преодоление сложностей. Не случайно, поэтому активность личности рассматривают в качестве «главного параметра построения жизненной стратегии»¹.

Несмотря на то, что современное поколение молодежи иногда является объектом критики в отношении размытости жизненных целей, а стремление понять глубинные мотивационные механизмы действий молодежи часто ограничивается объясняющими рамками многозначительной ее характеристики как «цифровой молодежи», перегруженной воздействием и влиянием цифровой среды, установка в отношении нее как «живущей одним днем», не является верной и не имеет под собой оснований. Это подтверждается результатами нашего исследования, когда при ответе на вопрос о том, планирует ли современное студенчество свое будущее, 77,4% респондентов, составляющих большинство опрошенных, четко выразили свою позицию, ответив утвердительно «да, планирую». Более того, в открытом вопросе анкеты, в котором предлагалось указать срок, на который оно осуществляется, представителями студенческой молодежи этот период был указан, а разброс числовых значений располагался в диапазоне от одного месяца до десяти лет. И только 22,6% опрошенных составили количество тех, кто не видит в планировании будущего смысла, а потому и «живет одним днем». Поэтому в случае, когда студенты продемонстрировали наличие у них стратегических намерений по планированию будущего, неправомерно упрекать молодежь в отсутствии у нее системного и взвешенного подхода к организации жизни, отсутствии устоявшейся

¹ Акулич М.М., Пить В.В. Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 34-43.

практики анализа жизненных реалий при формировании жизненных стратегий, тем более, что согласно данным исследования, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) среди юношей и девушек 2001 года рождения и позже, проведенном в 2025 г. относительно нацеленности российской молодежи на будущее, выяснилось, что именно самое молодое поколение, называемое «поколением цифры» и в силу возраста, формирующее современное студенчество, все чаще думает о будущем, при этом широта горизонтов осмысливания и размышлений не ограничивается только персональным будущим или будущим семьи, а распространяется до общепланетарного и космического масштабов¹ [5]. Показательна в этом плане убежденность 53,2% респондентов, участвовавших в нашем исследовании, в том, что «достижение мечты сделает их счастливым человеком».

В многовариантности моделей жизненных стратегий студенческой молодежи традиционно выделяют две, связанные с областями, в которых в основном концентрируется деятельность молодежи в студенческие годы. Одна связана со сферой образования, другая определяет будущую профессиональную деятельность после завершения учебы. Эти два направления являются наиболее значимыми для формирования представлений о воспроизведимых студенчеством жизненных планах.

Опрошенная студенческая молодежь осознает необходимость формирования мощного резерва знаний, роль и значение высшего образования в качестве обязательного, первоочередного условия для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности, поэтому весомо звучат их мнения относительно жизненных целей: «Закончить Вуз и пойти работать», «Получить высшее образование и работать по специальности», «Закончить на отлично университет и получить достойную работу», «Поступить в аспирантуру и по окончанию получить ученую степень», а потому они осознанно подошли к выбору высшего учебного заведения. Так, при анализе ответов на вопрос «Что повлияло на

¹ Глава ВЦИОМ указал на нацеленность российской молодежи на будущее. – URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1344242-glava-vtsiom-ukazal-na-natselennost-rossiiskoi-molodezhi-na-budushchhee>] (дата обращения 05.08.25).

Ваше решение учиться в этом вузе?» и построении иерархии факторных показателей, отражающих причины выбора, указываемые респондентами, на первом месте с числовым показателем 3,28 опрашиваемой молодежью была отмечена причина, в соответствии с которой выбор учебного заведения был обусловлен тем, что «соответствовал представлениям о современном учебном процессе», вторая по значимости позиция была отведена вариантам «положительные отзывы друзей» и «легче было поступить» с одинаковым показателем 3,13 соответственно, убежденность в том, «высшее образование даст возможность стать культурным человеком» (3,06) также определила выбор, далее в последовательности причин респонденты выделили «престиж вуза, его репутация как передового» (3,02) и замыкала список первых шести позиций причина «востребованности выпускников этого вуза» (2,79).

Поступление в высшее учебное заведение является для молодежи началом нового этапа социализации, с которым ассоциируют начало жизненного периода в статусе «взрослых людей», поэтому осознанно и взвешенно сделанный выбор вуза не только свидетельствует о стремлении к профессиональному самоопределению, но и желанию сделать успешным свое будущее. Безусловно, выбор всегда является результатом анализа сложной совокупности факторов социокультурного, личного, психологического характера и как свидетельствуют ответы респондентов, они реализовали в этом процессе комплексный подход, при котором полагались в выборе как на собственные оценки и мнения, так и действовали источники информации, достоверность которых у них не вызвала сомнений, ориентировались на мнения значимых для них людей, поэтому у 90,8% опрошенных за все время обучения желания перейти на другой факультет, вуз, чтобы поменять специальность не возникало, что было подтверждено ответами на соответствующий вопрос онлайн-анкеты.

Неизменное обращение современной студенческой молодежи к ресурсу высшего образования обусловлено осознанием конкурентных преимуществ и возможностей, предоставляемых наличием глубоких знаний и сформированных компетенций в выбранной сфере деятельности.

Поэтому одним из ключевых жизненных приоритетов молодежи всегда было и остается образование, признаваемое в качестве существенной инвестиции в будущее, что как нельзя лучше отражает мнение одного из респондентов: «...постоянно инвестирую в себя, прокачиваю мозги. Просто делаю вещи, за которые знаю, что скажу себе спасибо в будущем». Необходимость затрачивать определенные усилия в процессе обучения также осознается респондентами. Информативно в этом плане емкое высказывание: «Я уверен, что если буду каждый день трудиться, не жалея себя, то всё будет хорошо». Безусловно, интенсивное наращивание объема знаний и усилия, вложенные в достижение новых образовательных высот, закономерно позволяют в будущем стать востребованным специалистом на рынке труда, носителем более высокого профессионального статуса.

Ценность знаний, особенно соответствующих требованиям современного цифрового мира, в полной мере признается студенческой молодежью и подтверждается ответами респондентов на вопрос анкеты относительно успеваемости за время обучения. Так, 12,5% респондентов отметили, что учатся только на «отлично», 38,8% – «только на хорошо и отлично», 34% получают «преимущественно хорошие и отличные оценки, но иногда бывают и удовлетворительные», а вот количество тех, кто учится «преимущественно удовлетворительно, но иногда бывают хорошие оценки» составило 11% и совсем незначительный процент по массиву в целом составили обучающиеся, успеваемость которых «главным образом удовлетворительная» – 3,7%. Усиливают такую положительную характеристику процесса обучения и ответы представителей студенческой молодежи на вопрос «Были ли у Вас пересдачи за всё время обучения?»: 62,3% никогда не пересдавали изучаемые предметы, у 23,5% такой опыт был, но исключительно 1-2 раза и только у 10,9% опрошенных пересдача предметов случалась несколько раз, а количество постоянно прибегающих к практике пересдачи предметов и делающих это «очень часто» составило только 3,3%. Как видим, предпочтительной формой организации собственного процесса обучения для большинства современных студентов является

модель, выстраиваемая на принципе систематичности и последовательности таким образом, чтобы не нарушать контрольные сроки прохождения итоговой аттестации – сдачи зачетов и экзаменов, и при которой обучающиеся ориентированы на ответственное отношение к учебе.

Отсутствием формального подхода к процессу обучения обусловлен и высокий уровень ожиданий студенчества в отношении возможности успешной профессиональной самореализации, основанной на конвертации всего потенциала полученных в высшем учебном заведении знаний в такие важные и значимые в современное время ресурсы, какими являются работа не только с достойной заработной платой, соответствующей уровню квалификации, но и в соответствии с полученным направлением подготовки, а также открытие собственного бизнеса или масштабирование уже имеющегося. Поэтому жизненная стратегия, формируемая студенческой молодежью в отношении будущей профессиональной деятельности, является важным аспектом анализа.

В современных условиях, несмотря на то что, основным видом деятельности студенческой молодежи является обучение, ее активность в трудовой сфере достаточно высока, однако не всегда соответствует направлению получаемой специальности и место работы в студенческие годы рассматривается в качестве временного. Этим объясняется наличие цели у 66,8% наших респондентов «получить постоянную работу» по окончании вуза, при этом 22,5% собираются работать только по специальности, 32,1% ориентируются на поиск работы «по близкой (смежной) специальности». Готовность молодежи к поиску работы поддерживается установкой на полную самостоятельность в решении этой жизненной задачи у 44,8% опрошенных, а практика, когда рассчитывают «на помочь своих друзей, сверстников» и «на связи родственников, знакомых семьи» не является преобладающей, на что указывают мнения опрошенных в соответствии с выбранными ими вариантами ответов и выраженные числовыми показателями 6,6% и 9,6% соответственно.

Четко прослеживаемой жизненной целью молодежи является ее стремление «занять профессиональное положение, с которым будут

считаться» (42,9%) и достижение которой невозможно без требуемого уровня знаний, способного сформироваться только в рамках социального института образования как канала профессиональной мобильности, гарантирующего формирование базовых оснований для будущего карьерного роста и как следствие, обеспечение достойного уровня жизни, которого хотят достичь 60,4% респондентов, указывая на то, что после окончания ВУЗа будут стремиться «обеспечить высокий уровень благосостояния» (60,4% респондентов). Комплекс знаний и компетенций, полученных в системе вузовского образования, является ценным активом, способным придать ускорение процессу достижения жизненных целей, и студенческая молодежь это в полной мере осознает, указывая в факторном ряду интеллект (4,15); профессионализм, деловые качества, компетентность (4,05) и образование (3,65) в качестве источников будущего успеха, ключевых предпосылок профессионального становления.

В целом, на основе результатов исследования можно констатировать, что динамика современного мира диктует новые требования к поколениям молодежи, и в этих условиях важно, чтобы молодые, амбициозные и инициативные молодые люди задумывались над тем, каким они хотят видеть свое будущее и выстраивали жизненные стратегии, способные превратить их потенциал в достояние общества.

Г.В. Напреенко, В.С. Мельникова

3.4. Речевые стратегии самоидентификации молодежи в социальной сети ВКонтакте

Актуальность тематики самоидентификации в цифровую эпоху обусловлена трансформацией коммуникационных практик, где Интернет и социальные сети выступают как ключевые пространства социализации молодого поколения.

В современной социологической науке термин «самоидентификация» традиционно понимается как процесс осмыслиения и оценки индивидуумом собственных личностных качеств и потенциалов, формирующий его представление о себе как активном субъекте деятельности, включая физические, нравственные и психологические характеристики. В Российской социологической энциклопедии под самоидентификацией понимается самооценка «собственных личностных свойств и потенций в качестве деятельного субъекта, включая физические, нравственные, психические и иные качества, как они представляются индивиду в его собственном самосознании и восприятии других»¹. Самоидентификация – это «отождествление молодого человека с неким свойственными для него, осознаваемыми характеристиками его статуса, однако отражающие не столько специфику его положения в социуме, сколько его субъективное восприятие себя как личность»². Особенно остро необходимость в самоидентификации наблюдается в молодом возрасте, во время становления личности³⁴⁵.

Во многих исследованиях понятия *идентичность* и *идентификация* дифференцируются, например: «Идентичность – результат, ставшее, отстаивание и защита себя, идентификация – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок.

¹ Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 143.

²Бохан А.Е. Междисциплинарные концепции социокультурной самоидентификации молодежи // Вестник евразийской науки. – 2012. – № 3 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnye-kontseptsii-sotsiokulturnoy-samoidentifikatsii-molodezhi> (дата обращения: 06.09.2025).

³ Савина О.О. Психологический анализ трансформации идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 118–128.

⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. М.: Флинта, 1996. 342 с.

⁵Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

Потому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслинию идентичности»¹. Так, идентичность является процессом идентификации, в ходе которого особо выделяется индивидуально-личностный аспект самоидентификации.

Н.А. Косолапов, пишет о том, что в лингвистике предметом интереса становится *вербализация* идентичности: «Идентичность – в разной степени артикулированное, остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к «своему» миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями»².

М.А. Лаппо определяет самоидентификацию как вербальное действие³, «осознанное либо неосознанное вербальное и невербальное маркирование идентичности, т.е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню / типу людей»⁴ и вводит термин «самоидентификационный дискурс»⁵.

Идентификация обеспечивается действием механизма типизации (отнесения к типам личности, утвердившимся в данном обществе, общности, группе) и механизма индивидуализации (придание личности собственно индивидуального, неповторимого и уникального облика). Эти взаимосвязанные механизмы воздействуют на процесс распознавания человеком социальных черт, присущих ему как социальному субъекту и как неповторимой индивидуальности. Человек перенимает

¹ Там же

² Косолапов Н.А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии. – М.: РУДН, 2003. С. 102.

³ Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 33.

⁴ Лаппо М.А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28.

⁵ Лаппо М.А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 35 с.

тическую жизненную конструкцию, начинает самим собой воплощать социальный тип.

В научных исследованиях традиционно выделяются разнообразные типы идентичности, среди которых особое внимание уделяется этнической, национальной, гендерной, сексуальной, половой, религиозной, возрастной, профессиональной, социокультурной, гражданской, социальной и культурной идентичностям. Интересным, на наш взгляд, является понятие «виртуальная идентичность» и более узкое – «сетевая идентичность» – это «идентичность индивида в Сети, которая им специально конструируется для открытой презентации другим людям»¹. Презентация личности также осуществляется индивидом как на индивидуальном (самопрезентация, самоуправление), так и на социальном уровнях (социальная презентация). Отмечается, что идентичность, вербализованная в социальных сетях (в Интернете в целом) может видоизменяться, «сетевая идентичность поверхностна в отличие от относительно устойчивой социальной идентичности человека, формирующейся как многомерное образование в течение длительного времени и выступающей результатом социализации и социальной идентификации»².

В данной работе предметом интереса становятся способы вербализации самоидентификации в социальной сети, то есть лингвистический аспект самоидентификации, и непосредственно – речевые стратегии самоидентификации молодежи в социальной сети «ВКонтакте». Речевая стратегия «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели»³. О.С. Иссерс

¹ Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–103.

² Там же.

³ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.

классифицирует речевые стратегии на общие, направленные на достижение общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т.п.), и характеризующие разговоры с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить, поддержать и т.д.)¹. Автор также выделяет основные (дискредитация, уговоры, угроза, просьба) и вспомогательные стратегии. Вспомогательные делятся на прагматические (построение имиджа, формирование эмоционального настроения), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой) и риторические (привлечение внимания, драматизация).

В научном исследовании речевых стратегий самоидентификации в цифровой коммуникации особое внимание уделяется роли эмотиконов как ключевых средств невербального выражения². Эмотиконы функционируют как визуальные маркеры эмоционального состояния, дополняя вербальные высказывания и позволяя точнее передать интонацию, настроение и коммуникативные намерения автора³. Если рассматривать эмотиконы в контексте самопрезентации, то они могут способствовать формированию позитивного образа личности за счет усиления эмоциональной выразительности, создания атмосферы близости и доверия с аудиторией. Таким образом, можно сделать вывод, что эмотиконы играют интегральную роль в построении индивидуального имиджа и стилевого своеобразия в сетевых сообществах, выступая важным инструментом стратегий речевой саморегуляции и создания аутентичной виртуальной идентичности.

Рассмотрим речевые стратегии самоидентификации молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, включающие вербальные и невербальные компоненты коммуникации. Материалом явились статусы участников

¹ Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. – М., 2006.

² Дударева Я., Шпильная Н. Диалог как текст, содержащий эмотиконы: юрислингвистический аспект рассмотрения // Юрислингвистика. – 2023. № 27(38). – С. 99-105.

³ Там же.

сообществ «Рифмы и Панчи», «Росмолодёжь», «Азот» в социальной сети «ВКонтакте». Изучение именно этой категории представляется значимым, поскольку публикация статусов представляет собой форму самопрезентации участников виртуального пространства, под которой понимается, кроме прочего, «коммуникативная (в том числе вербальная) стратегия управления впечатлением о говорящем у адресата»¹.

В научной литературе подчеркивается, что анализ статусов пользователей в социальных сетях оправдан тем, что «пользователи соцсетей хотят общаться и видеть в текстах человека»². Это означает, что тексты статусов являются ключевым элементом самопрезентации и коммуникативного взаимодействия в цифровой среде, поскольку они обеспечивают создание впечатления живого и доступного собеседника. Таким образом, статусы выступают не просто информационными метками, а выражением личностного «я», посредством которого пользователи строят социальные связи и реализуют свою идентичность в сети. Анализ этих текстов позволяет выявить механизмы речевой самобытности и стратегии коммуникации, актуальные для молодежной аудитории в медиасреде.

Отбор данных для анализа осуществлялся по возрастному критерию: в выборку включались профили пользователей в возрасте от 14 до 35 лет (Согласно действующему Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации» (№ 489-ФЗ от 30.12.2020³), молодежью официально считаются граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Данные границы используются в исследовательской, социологической и лингвистической практике как нормативные параметры молодежной аудитории). Существенный момент заключается

¹ Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография / М.А. Лаппо. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 33.

² Щепилова Г.Г., Мамедов Д.З. Публичные страницы «ВКонтакте»: контентные стратегии // Меди@льманах. – 2019. – № 4(93). – С. 56.

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 19.08.2025).

в том, что поиск изначально производился по страницам, количество подписчиков которых превышает 10 000 человек. Такой алгоритм заложен в данной социальной сети – при поиске приоритет отдаётся популярным аккаунтам с наибольшим числом подписчиков (сразу отображаются наиболее заметные представители молодежного сегмента «ВКонтакте»). Описываемый алгоритм позволяет выявить речевые стратегии самоидентификации, характерные именно для популярных и публичных профилей. В результате в анализ были включены как представители творческого и медиасообщества (блогеры, инфлюенсеры, музыканты), так и пользователи, активно взаимодействующие с аудиторией посредством рекламы, сетевых коллaborаций, самопрдвижения и креативных форм речевой самопрезентации.

Таким образом, в данной работе для анализа речевых стратегий самоидентификации молодежи в социальной сети ВКонтакте была сформирована целевая выборка аккаунтов по ряду критериев.

Возраст пользователей: от 14 до 35 лет.

Порог публичности: в анализ включались страницы, имеющие не менее 10 000 подписчиков.

Материал исследования: анализ проводился на примере статусов пользователей социальной сети «ВКонтакте». Было отобрано 300 статусов пользователей трех сообществ (в каждом сообществе было отобрано по 100 статусов).

Пол: в выборке представлены как мужские, так и женские аккаунты. При отборе был выставлен критерий пола «Любой» с целью учета гендерного разнообразия стратегий самоидентификации.

В исследовании в первую очередь анализировалось сообщество в «ВКонтакте» «Рифмы и панчи»¹ – одна из крупнейших молодежных групп в российском сегменте социальной сети.

В анализируемых статусах пользователей социальной сети «ВКонтакте» обращает на себя внимание то, что часть аккаунтов

¹ Сообщество «Рифмы и Панчи» в социальной сети «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/rhymes?from=groups> (дата обращения: 19.08.2025).

содержит регистрационный номер в реестре Роскомнадзора (РКН), свидетельствующий о легальной деятельности в качестве блогера или онлайн-платформы (например, «номер регистрации в РКН № 5852845234», «А+ включена Роскомнадзором: ...»). Подобная самопрезентация подчеркивает официальный, профессиональный статус пользователя и отражает тенденцию к институционализации публичных цифровых личностей, а также стремление блогеров подтвердить свою легитимность в правовом поле.

Выделим следующие характерные речевые стратегии самоидентификации современной молодежи-пользователей сообщества «Рифмы и панчи» в социальной сети «ВКонтакте».

1. Явное позиционирование своего социального статуса (профессиональная самоидентификация, признание) (9 %): *Блогер, креатор, инфлюенсер¹; Член Международного экспертного совета...; РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ АКТРИСА КИНО И ТЕАТРА... БЛОГЕР, МОДЕЛЬ...; Председатель Студенческого парламентского клуба РГСУ; СММ; Продюсер социальных сетей. Партнеры и клиенты – ЛДПР, Владимир Жириновский, Сергей Жуков, Саша Стилберг, Алексей Столяров и многие др; Актёр кино-St.Pt-Moscow; Блог о политике Москвы и России, общественной и доброворческой деятельности; MODELYULIAREAL*

2. Индивидуализация через афоризмы, цитаты, слоганы (19 %): *никогда не судите о человеке по его друзьям...; И только потеряв, мы начинаем ценить. Люди цените свою семью; Лучше быть в одиночестве – чем с предателями; Никогда не делай выводов о человеке, пока не узнаешь истинные причины его поступков; Я – та, кто я есть. Если тебе это не нравится, мне все равно. – М. Монро; так много позади, что сейчас я как в раю (вероятно, цитата из песни «Message» исполнителя kizaru); Живи и ошибайся. В этом жизнь. (вероятно, цитата из книги Ричарда Олдингтона); Тот, кому нравится причинять тебе боль, никогда не отпустит первым; "Никогда не судите о человеке по его*

¹ Орфография, пунктуация, графическое оформление статуса сохранены.

друзьям, у Иуды (Искариота) они были безупречны!" – Поль Валери...; разум бессилен перед криком сердца (вероятно, цитата А. Камю); Не возвышай себя, ведь будешь унижен; – я горячий белый весь их лед растает. – снабжаю нечесть, продаю им свежесть (вероятно, цитата из песни исполнителя kizaru); Иногда тишина – самый лучший ответ на вопросы; Делай, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть! © Теодор Рузвельт; и сколько бы ты не объяснял Тебя понять никто не смог Помимо всех кого терял Ты бесконечно одинок (вероятно, цитата из песни «Омут» исполнителя Judy Rain); в моём шикарном омуте прекрасны даже черти; Врата преисподней открыты всегда. Так лёгок путь, ведущий туда..; В глазах – свобода. В действиях – сила. В словах – характер.; Вокруг так много людей, но рядом единицы; Делай что хочешь. И будь что будет.

3. Образно-эмоциональная рефлексия (16 %) (Мемные и шутливые конструкции, выражение чувств, эмоций, состояний, предпочтений, присвоение псевдонимов, иные личностные характеристики): «пиу»; «бабах»; «– не влюбляйся, не надо»; «теодор Рузвельт» (подпись к цитате); Страсть и влечение!; Я та самая сказка, которую в детстве тебе читала мама ; Я – та, кто я есть...; Если я не отвечаю значит я занята или ты пишешь глупость и я не хочу тебя обидеть ответом; Счастлива!!..Не потому, что он у меня есть а потому, что кроме него никто не нутен; я люблю Брауни из кфс, эклеры из кофикаса и наполеон из чайханы номер 1; 28 лет; не идеален, да и похуй вообще; я мечтал что стану популярным «больше не мечтаю»; I am sorry for everything that happened; Тлеет моё тело; Ужасное чувство, когда скучаешь по человеку и ничего сделать не можешь, потому что он далеко. Очень далеко...

4. Обращение к читателю/аудитории (15 %): не нравится – меняй. не меняем – не ной; будьте любезны; – не влюбляйся, не надо; Всем привет! Я использую WhatsApp; Рассмотрю интересные предложения и; Это начало конца?; В лс только по поводу сигн; Talk with me; Иди и следуй своей мечте; let's play ; Спасибо за 5.900.000 волчат ; –

УДАЛИЛ – ЧС; Братва, даже не думайте искать в Яндексе инфу запросом «инфоцыган <...>». Я предупредил, потом не нойте; Премьера трека уже на стене, можешь слушать.

5. Визуальная самоидентификация (18 %): Использование множества эмодзи.

6. Рекламная стратегия (23 %): АЛЬБОМ ЛЮТАЯ ПОПСА УЖЕ НА ВСЕХ ПЛАТФОРМАХ ГАЛАКТИКИ! И ВК; В лс только по поводу сигн; МОИ НОВЫЙ КЛИП У МЕНЯ НА СТЕНЕ!!! ПРИЯТНОГО ПРОСМОТРА!!!

Среди молодежи в социальной сети «ВКонтакте» широко распространены речевые стратегии, связанные с самопрезентацией через прямую или завуалированную рекламу собственных проектов, страниц, товаров и услуг. Значительная часть пользователей указывает ссылки на личные Telegram-каналы, Instagram (социальная сеть запрещена в России, принадлежит компании Meta – организации, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) (иногда с подписью "inst:", "Telegram:", ссылки на TikTok или Yarpy), а также размещает контактные e-mail для сотрудничества или взаимной рекламы.

Во многих статусах фигурируют обращения к потенциальным подписчикам (**«подписывайся»**), а также упоминания музыкальных групп, продвигаемых треков, блогерских и творческих проектов (**«Платина»** – реклама музыкальной группы). Заметны статусы с сообщением о сотрудничестве и приглашением к взаимодействию (**«Сотрудничество – ...»**, **«Реклама вотс ап...»**, **«Продюсер социальных сетей»**, **«Резидент "Инсайт Люди" Реклама – TG: ...»**). Некоторые аккаунты отмечены официальными регистрационными номерами, обозначением разрешения Роскомнадзора, подчеркивая коммерческую или профессиональную направленность и ориентацию на продвижение.

Так, большое количество подобных обращений свидетельствует о том, что реклама и самореклама становятся неотъемлемым элементом самоидентификации молодежи в соцсетях, интегрируясь в повседневное речевое оформление профиля и структуру онлайн-коммуникации.

Второй группой в социальной сети «ВКонтакте», отобранный для исследования, явилось сообщество «Росмолодёжь»¹. Это официальная страница Федерального агентства по делам молодёжи – государственного органа, осуществляющего координацию молодежной политики в России. Официальный статус сообщества подтверждается его принадлежностью государственному ведомству и актуальностью публикуемых материалов (ежедневных!) для целей государственной молодежной политики. Данное сообщество выполняет функцию ключевой площадки для информирования молодежи о возможностях самореализации, грантах, образовательных, культурных, патриотических и иных проектах. Здесь регулярно публикуются объявления о федеральных и региональных инициативах, форумах, конкурсах и программах, способствуя вовлечению молодых граждан в общественно значимую деятельность.

Кроме того, принадлежность к государственному сектору обеспечивает сообществу высокую степень доверия и легитимности, а также делает его нормативной точкой отсчета для анализа современных трендов в цифровой социализации молодежи. Большое количество подписчиков и широкая представленность в медиапространстве свидетельствует о значительном авторитете и влиянии сообщества на формирование целей, ценностей и мотивации молодых людей, живущих на территории Российской Федерации.

Выделены следующие основные речевые стратегии самоидентификации пользователей сообщества «Росмолодёжь».

1. Явное позиционирование своего социального статуса (профессиональная самоидентификация, признание (35 %)): *Девочка, поговорившая с президентом Трехкратный победитель БП Соавтор «Движения Первых» Блогер и секретарь ФСП'2025; Проректор по воспитательной работе и реализации молодёжных программ ЮФУ, доцент; Общественный деятель Ветеран боевых действий 250.000.000 + просмотров; Член Международного экспертного совета «Синергии*

¹ Сообщество «Росмолодёжь» в социальной сети «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/rosmolodez?from=groups> (дата обращения: 19.08.2025).

Талантов» при Государственной Думе; РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ АКТРИСА КИНО И ТЕАТРА БЛОГЕР, МОДЕЛЬ, ПОЭТесса, МОДЕЛЬЕР, ДИЗАЙНЕР И ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ; Общественный деятель, блоггер Москвы; Актёр, блоггер, общественный деятель, активист ОНФ Благодарность Министерства культуры РФ Благодарность Правительства Новгородской области; Блог о политике Москвы и России, общественной и доброворческой деятельности; Член Общественного Совета при Министерстве Спорта Республики Крым | Директор исполкома Крымского регионального отделения «Новая Формация»; Врач, депутат, волонтёр...; Общественно-политический деятель; Заводчанка; Молодёжный парламент города Москвы; Провизор | Общественный деятель | Донор крови | Государственный служащий ; Наставник по Арбитражу; Помощник депутата совета депутатов городского округа Химки ; Предприниматель; Официальная Страница Российского Политолога и Публициста ; Московский топ-блогер, журналист; Работяга; Фотограф Брянск; заместитель директора центра довузовского образования; Студент, медийщик, блоггер, активный участник молодежных форумов и проектов, фотограф, копирайтер; Практикующий маркетолог; посол нацпроекта «Молодежь и дети», амбассадор образовательного центра «Наука».

2. Индивидуализация через афоризмы, цитаты, слоганы (18 %): **Во времена всеобщей лжи говорить Правду – это экстремизм (с) Дж. Оруэлл; "Be who you are and say what you feel, because those who mind don't matter and those who matter don't mind" – Dr. Seuss; было тяжело, но мы бежали на свет (вероятно, строчка из песни Silhouette исполнителей Miyagi и Эндшпиль); Всему своё время..; Если хочешь идти быстро – иди один, если хочешь дойти далеко – идите вместе; Счастливого человека невозможно обидеть, его можно только рассмеять; Счастье не находят, его создают ; Из миража, из ничего, из сумасбродства моего, вдруг возникает чей-то лик и обретает цвет и звук, и плоть, и страсть...; Ты будешь говорить правду, а тебе не поверят. Потому что ты – сумасшедшая. Чем больше пытаешься доказать обратное, тем безумнее кажешься..; –*

Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – Счастливым. – Ты не понял вопроса.. – Вы не поняли ответа...; «Хочешь жить, умей вертеться» Ник.К.; И дай Бог, чтобы у каждого был верный и преданный человек рядом, который никогда не бросит и поддержит; Надо использовать свои шансы и верить в их осуществление, даже если жизнь не дает тебе причин верить...; Счастье это не пункт назначения, а способ путешествия; Иметь низкое мнение о себе – это не скромность. Это саморазрушение; Как прекрасен мир, являющийся во снах: от загадочных глубин океана, до сверкающих звезд вселенной.

3. Образно-эмоциональная рефлексия (22 %) (Мемные и шутливые конструкции, выражение чувств, эмоций, состояний, предпочтений, присвоение псевдонимов, иные личностные характеристики): *живем, работаем; ...; Физические трудности работы сделали обезьяна в человеку, а теперь опять наоборот всемирный лень заставляет возвращаться человеку в обезьяну!!!; Во благо всей России; Все, решила мат больше не употреблять; Love...29.04.201703.04.2018Love26.12.2024Love; Каждый день особенный! :); Ути - Тути; Делай добро; every day, we are further from God; Семь бед, один reset; через все вместе; живу, творю, мечтаю; Я благодарна за все, что жизнь предлагает мне. И я так же благодарна за то, что жизнь мне не предлагает.; А сегодня, что для завтра сделал я?; Машулька; #СеверныйЮжанин; Игнорщики горят в аду. Котлы лично ремонтирую; Люблю активный отдых и путешествия; Этот блог не только о любви и жизни, но и о политике ;Мой статус- семья..; Ксюня; МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ*

4. Обращение к читателю/аудитории (7 %): *Выбирайте своим сердцем, пусть оно скажет за Вас; мой телеграм-канал, присоединяйтесь!; Одно единственное решение поведет тебя до конца; всё, что вы скажите, будет использовано против вас..; Помогаю бизнесам расти, а знаниям – работать. Подписывайтесь, если хотите; Скули, но делай; слушай море внутри себя.*

5. Визуальная самоидентификация (5 %):

Эмодзи флага России, #МЫВМЕСТЕ и т.д.

6. Рекламная стратегия (11 %): *Карьера в ...; Семейные и детские фотосессии по всему Крыму. Фотографии готовы в течении 24 часов после съемки или я верну вам деньги!; Снимаю портреты про вас настоящих (далее следует номер телефона); ПЕРМАНЕНТНЫЙ МАКИЯЖ/МИНИ-ТАТУ/АРХИТЕКТУРА БРОВЕЙ/ЛАМИНИРОВАНИЕ РЕСНИЦ; Маркетинг, SMM & Организация путешествий. Смотри пост в закрепе; Веб-дизайнер – помогу сделать красивый визуал для ваших проектов; Пишу тексты и книги на заказ. Обучаю копирайтингу; За красотой – в студию «ЛЬЗЯ»; Теле- и радиоведущий ведущий мероприятий в Москве, амбассадор научных боев Science Slam Russia. Подвластны все форматы!; Ведущая свадебных церемоний, психолог, телесный терапевт, расстановщик. Преображенница, с которой всё расцветает (номер телефона) СПб; Турецкий по skype!; зарабатывать больше и масштабироваться быстрее!*

В 7 статусах (7 %) содержатся регистрационные номера в реестре Роскомнадзора; в 14 статусах (14 %) пользователи публикуют ссылки на социальные сети.

7. Музыкальные предпочтения (2 %):

Nansi & Sidorov; ♫♪ Jack Savoretti – Soldier's Eyes

Значительная часть статусов пользователей сообщества «Росмолодёжь» выражает позиционирование через титулы, должности, официальные роли и признания. Данные высказывания выполняют функцию обозначения социального статуса, авторитетности и принадлежности к государственным структурам. При этом язык всегда выдержан в конвенциональной, сдержанной манере, без излишних эмоциональных всплесков или избыточного экспрессивного оформления. Практически отсутствует жаргон и стилистические отклонения, которые характерны неформальным сообществам. Используется умеренный, но в то же время позитивный тон, нацеленный на создание имиджа компетентности и ответственности. Многие пользователи подчеркивают участие в государственных, экспертных, общественных органах, а также формируют установку на профессиональность и служение общественным интересам.

Так, коммуникация в исследуемом сообществе «Росмолодежь» воплощает речевые стратегии, выражающие государственный статус, оформленные в формате сдержанного, официального общения с акцентом на позиционирование, профессионализм и информативность.

Следующим источником отбора материала исследования явилось профессиональное сообщество «Азот» в социальной сети «ВКонтакте»¹. Сообщество «Азот» представляет собой профессиональное объединение, связанное с КАО «Азот» – одним из ведущих промышленных предприятий России в химической отрасли. Сообщество включено в исследование с целью проведения сравнительного анализа и выявления отличительных черт профессионального интернет-комьюнити на фоне государственных («Росмолодёжь») и развлекательных («Рифмы и панчи») пабликсов.

Выбор профессионального сообщества «Азот» позволяет проследить особенности коммуникации и самопрезентации среди сотрудников и представителей отрасли, интересующихся вопросами производства, индустриальных достижений, профессионального роста и корпоративной культуры. Отметим, что при выборке по тем же параметрам, что и в предыдущих анализах групп, аккаунты, с численностью более 10 000 подписчиков не встречались.

1. Явное позиционирование своего социального статуса (профессиональная самоидентификация, признание) (8 %):

Компания ООО «МАГНИТ плюс» (Россия, Санкт-Петербург) – оборудование для сварочных работ и снятия остаточных напряжений в металлоконструкциях; Барбер Кемерово ; Общественник, гражданский активист. Занимаюсь проблемами Советского района. Член партии КПРФ; Репетитор по английскому языку. Мой Яндекс Дзен канал по военной тематике...; Организатор авторских туров в Санкт-Петербург «За ручку в Питер»; Заслуженный волонтер культуры Кузбасса; Наращивание ресниц; Azot; В армии.

¹ Сообщество профессионалов «Азот» в социальной сети «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/azotkemerovo?from=groups> (дата обращения: 19.08.2025).

2. Индивидуализация через афоризмы, цитаты, слоганы (24%):

2.1 На русском языке:

Тот, кто не готов принять поражение, никогда достигнет успеха; Однажды покрасившись в рыжий, назад пути нет (с); Грубость – это всего лишь проявление страха. Люди боятся не получить желаемое; Я не ангел и не демон. И совсем не идеал. Ну, такой я получился. Так Господь меня создал; Ты знаешь, так хочется жить...!!!; Маэстро, сыграйте что-нибудь печальное; С этим ребенком будьте поласковей...; АСКЕТИЗМ НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ НИЧЕМ НЕ ВЛАДЕТЬ. АСКЕТИЗМ В ТОМ, ЧТОБЫ НИЧТО НЕ ВЛАДЕЛО ТОБОЙ; Не стоит горевать – лучшие устроим карнавал=); Я пока на земле, а ты...взлетай; Счастье – это когда есть кому пожелать Доброго утра, Спокойной ночи... (стихотворение «Счастье» А. Морозного в другом пунктуационном оформлении¹); И из меня ... зияет пустота. Она полна...; Сердце разума умнее; Если тебе – трудно, то ты идёшь в правильном направлении; Но я никогда не менял бабки на людей; Бабки на людей, братьев на блядей (цитата из песни Kizaru. Если бы я был тобой); (цитата из книги Пола Гэллико «Цветы для миссис Харрис»); Не падай духом где попало (вероятно, цитата стихотворения «Не падай духом где попало» Е.Г. Крысина); Дальше больше ; Но я всё изменю, отыскав кадуцей (вероятно, цитата из песни «Кадуцей» рурокинезис).

2.2 С использованием другого языкового кода:

*Ash nazg durbatulûk, Ash nazg gimbatul, Ash nazg thrakatulûk, Agh burzum-ishi krimpatul (Язык Саурана из «Властелина Колец» (надпись на Кольце Все权力). Использование цитаты на вымышленном языке говорит о принадлежности к определенному фандому (ценителям фэнтези), создает образ загадочности, интеллектуальности); Amorem canat aetas prima (это цитата из Секста Проперция: «Пусть юность воспевает любовь». Демонстрация эрудиции); Was ich liebe, wird verderben (Вероятно, это цитата песни **Was ich liebe** группы Rammstein. Стратегия культурного интертекстуализма, символизирующая связь с глобальной*

¹ Информация в скобках - авторская (Г.Н., В.М.).

культурой и подчеркивающая эмоциональную окраску личностных переживаний).

3. Образно-эмоциональная рефлексия (25%) (Мемные и шутливые конструкции, выражение чувств, эмоций, состояний, предпочтений, присвоение псевдонимов, иные личностные характеристики): «АААААААААААААААААААААААА...» (много букв А); *Люблю свою маленькую девочку;;* *Лучей добра > <* (эмотивное приветствие и пожелание позитивной ауры); *Еши;* *Я не лучший, но стараюсь изо всех сил* (автор использует афористическую форму, выражает искренность и подчеркивает ценность усилий, снижая барьер между собой и читателем); *С этим ребенком будьте поласковей...;* *Сначала магистерская, а потом посмотрим;* *Работал много, как мой папа, – не позорю отчество;* *Я хороший человек;* *Мне всё равно, что скажут обо мне. Мне всё равно, что думают другие.* *Мне важно, что я знаю о себе. Всё прочее-либо домыслы чужие. Сергей;* *Я всегда ищу в людях только хорошее. Плохое они сами покажут;* *Je vais au rêve;* *Да, я ревнивый человек. Но если я ревную, то этот человек действительно многое значит;* *С богом †* (религиозно-ритуальное пожелание/прощание); *Does he know that you love me? I believe that;* *Как можно не любить... Работать на заводе?* (риторический вопрос выражает позитивное отношение автора к труду на производстве); *А в сердце вечная весна;* *На гауптвахте(* (стратегия: ирония + намек. Гауптвахта – место для арестованных военных. Скорее всего, автор иронично описывает свое состояние: «под арестом» на работе, у родителей, в больнице или из-за ссоры. Стратегия – рассказать о проблеме с юмором, не вдаваясь в подробности; *как только докурим внатуре; концепт; Stop consuming, start creating; 5.06.22 Варька*) (создание эффекта личного события и приватности); *А потом мы с тобой улетели...*

4. Обращение к читателю/аудитории (посредством местоимения, глаголов повелительного наклонения) (2 %):

1) Вот ты! Да, да Ты человек! Который сейчас читает этот текст!
Будь счастлив, слышишь? Просто будь счастлив!

2) Все болезни от нервов и неправильного питания. Так что не переживайте и не пережирайте)

5. Визуальная самоидентификация (18 %):

...«*need to appreciate on time*»...; (эмодзи звездочки) 13.06.19 (эмодзи красное сердце) 24.08.23 (эмодзи красное сердце) 03.01.24 (эмодзи плюшевый мишка-игрушка); ;D (символическая идентификация и выражение патриотической принадлежности); *Подряд изображены три средних пальца* (нецензурный жест выражает прямую агрессию/эмоциональный выплеск).

6. Рекламная стратегия (18 %)

Реклама в названия каналов в Telegram; и т. д.

7. Музыкальные предпочтения (5 %):

THIS BRIGHT FLASH (вероятно, M83. Альбом Hurry up, We're Dreaming); *maybe i deserve all of this* (вероятно, HELLXHOPE. Альбом There's Nothing Worse Than Feeling Troubled); *Boom shakalaka boom / living the dream*; *Hatrið mun sigra* (вероятно, песня Hatari. Альбом Neyslutrans Remixed).

Анализ используемых стратегий пользователей в сообществе «Азот» показал разнообразие подходов к самопрезентации. Наиболее распространенной оказалась стратегия индивидуализации через афоризмы, цитаты и слоганы (24%), которая позволяет пользователям выражать индивидуальные взгляды, убеждения. Значительной и разнообразной по объему также явилась стратегия саморефлексии (20 %), позволяющей создать эффект личного события и приватности, выразить позитивное отношение автора к чему-либо, снизить барьер между собой и читателем. Так, пользователи сообщества стремятся к созданию уникальной публичной идентичности, используя широкий спектр инструментов, начиная от цитат классиков литературы и заканчивая специфическими элементами цифрового пространства, такими как эмодзи и рекламные посты.

Анализ трех сообществ показал, что речевые стратегии самоидентификации молодежи в социальной сети «ВКонтакте» многообразны

и характеризуются различной степенью доминирования в разных молодежных сообществах.

Так, явное позиционирование социального статуса составляет 9% в группе «Рифмы и панчи», 35% в «Росмолодежь» и 8% в «Азот». Эта стратегия наиболее выражена в государственном сообществе «Росмолодежь» и реализуется через профессиональные титулы, официальные и креативные роли, институциональные регалии, что лингвистически маркирует цифровую субъектность и стремление к индивидуализации, актуализируя социализацию через публичную презентацию. Использование данной стратегии обусловлено использованием официальных и полуофициальных титулов, профессий для формирования социального статуса, указание на принадлежность к профессиональному или творческому сообществу; комбинирование с медийными/интернет-регалиями подчеркивает значимость самоактуализации через цифровую идентичность.

Стратегия индивидуализации через афоризмы, цитаты и слоганы составляет 19% у «Рифмы и панчи», 18% у «Росмолодежь» и 24% у «Азот». Заемствованные или стилизованные высказывания используются для позиционирования мировоззрения. Цитаты часто сопровождаются смайлами или эмодзи, что придаёт индивидуальность и эмоциональную окраску речи. Как заметила старшим научным сотрудником Института языкоznания РАН И.В. Зыкова, «Выбором в пользу фразеологии повышается эмоциональный "градус" высказывания, усиливается его экспрессивность, делается особый акцент на нашем отношении к тому, о чем говорится»¹.

Стратегия образно-эмоциональной рефлексии наблюдается в 25% статусов пользователей сообщества «Азот», в 22 % в статусах пользователей сообщества «Росмолодежь», в 16 % – «Рифмы и панчи».

¹ Зыкова И. В. Фразеологизмы в языке несут многослойное смысловое и экспрессивное наполнение: интервью Анны Курской с И.В. Зыковой, старшим научным сотрудником Института языкоznания РАН, доктором филологических наук // РИА Новости. – 2015. URL: <https://sn.ria.ru/20150303/1051734226.html> (дата обращения: 06.09.2025).

Стратегия строится на разговорных конструкциях, мемах, экспрессивной лексике, служит маркером принадлежности к молодежному сленгу, свидетельствует об ориентации на доверительную коммуникацию. Кроме того, в таких статусах вербализуются личные признания, мета-речевые формы, тематизация внутренних переживаний, использование местоимений первого лица, глаголов состояния, что способствует формированию интимной коммуникации.

Обращение к читателю и аудитории фиксируется в 15% у «Рифмы и панчи», 7% у «Росмолодежь» и 2% у «Азот». Данная стратегия доминантна в развлекательном сообществе, строится на интерактивных конструкциях, вопросах, повелительных наклонениях и способствует установлению коммуникативного пространства.

Стратегия визуальной самоидентификации представлена на уровне 18% у «Рифмы и панчи», 5% у «Росмолодежь» и 18% у «Азот». Визуальные маркеры часто сопровождают и дополняют вербальный текст, создавая яркую и лаконичную цифровую идентичность. Визуальные элементы в статусах усиливают эмоциональность, декоративность и узнаваемость. Эмоциональные маркеры служат для обозначения эмоционального состояния как самостоятельный элемент статуса, так и в дополнении к верbalному компоненту; для выражения личного отношения к важным датам; для обозначения профессиональной принадлежности или хобби и пр.

Рекламная стратегия достигает 23% у «Рифмы и панчи», 11% у «Росмолодежь» и 18% у «Азот». Зачастую пользователь, использующий данную стратегию, ставит цель – перенаправить читателя в другой аккаунт, набрать подписчиков в другой социальной сети; привлечь внимание к личному профилю; сформировать дополнительные каналы коммуникации.

Отдельно выделяются статусы, в которых фиксируются музыкальные предпочтения пользователей (сообщества «Азот» и «Росмолодежь»), стратегия вербализуется через упоминание треков, исполнителей.

Важно отметить, что многие статусы совмещают в себе несколько стратегий. Например, статус «*С этим ребенком будьте поласковей...*» совмещает в себе стратегию цитирования (часть анекдота) и саморефлексии. «*Вот ты! Да, да Ты человек! Который сейчас читает этот текст! Будь счастлив, слышишь? Просто будь счастлив!*» – обращение к читателю и цитирование (сетевой анекдот). Каждый такой статус реализует спектр коммуникативных функций – от рекламы услуг до выражения эмоционального состояния.

Все рассмотренные группы используют разнообразные речевые средства для вербализации своей цифровой идентичности: номинативное позиционирование, цитирование, образно-эмоциональное выражение, адресация и продвижение.

Цифровая социализация молодежи в социальной сети «ВКонтакте» проявляется как гибридное явление, где на коммуникативные и языковые формы влияет не только индивидуальный выбор пользователя, но и институциональные регламенты, медийные рамки, сетевые нормы. Речевые стратегии самоидентификации в сообществах формируются под воздействием фреймов цифровой среды, сочетают официальные и неформальные стили, вербализацию личных и коллективных ценностей, активную интеграцию кодов. Лингвистическая специфика выражается в комбинации номинативного позиционирования (указание профессий, титулов), цитирования и афоризмов, образно-эмоционального выражения (эмодзи, экспрессивные формы), интерактивной адресации (обращения к читателю), маркетинговых призывов (*подписывайся, смотри, переходи*). Тип цифрового сообщества определяет доминирующие речевые стратегии: развлекательные площадки культивируют экспрессивность и оригинальность, официальные – формальность и статусность, а трудовые/профессиональные – pragматичность и коллективную солидарность.

3.5. Архитектура девиации: как цифровые платформы переопределяют социальный контроль

Введение

Цифровая трансформация современного общества, охватывающая как институциональные механизмы, так и повседневные практики взаимодействия, сопровождается глубокими изменениями в структуре социальной нормы и девиации. Переход к цифровому обществу сопровождается не только расширением технологических возможностей, но и усилением асимметрии доступа к цифровым ресурсам, трансформацией границ публичного и частного, ростом сетевой анонимности и десубъектизации. Как отмечает М. Яр, цифровая девиация представляет собой не просто перенос традиционных форм отклоняющегося поведения в онлайн-пространство, а появление новых форм нарушений, производимых самими алгоритмами и архитектурой цифровых платформ¹. Исследования последних лет показывают, что цифровая среда выступает не нейтральной инфраструктурой, а активным участником в формировании девиантных моделей поведения^{2 3}.

В российской социологии также наблюдается рост интереса к проблематике цифровой девиации. Так, И.В. Ларионова и О.А. Максимова анализируют влияние цифровой среды на идентичность молодёжи, подчёркивая риск нормализации девиантных паттернов в условиях слабой цифровой социализации⁴. А.Ю. Антонян исследует девиантное поведение в контексте виртуализации агрессии и анонимных

¹ Yar M. Cybercrime and Society. – London: Sage, 2013. – P. 41.

² Fuchs C. Social Media: A Critical Introduction. – London: Sage, 2017. – 400 p.

³ Wall D.S. Cybercrime: The transformation of crime in the information age. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 240 p.

⁴ Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 275–278.

практик, указывая на усиление эффектов социальной безнаказанности¹. Е.А. Громов поднимает вопросы цифровой виктимизации, акцентируя внимание на том, что сетевая уязвимость усиливается вследствие неравномерной цифровой грамотности населения и непрозрачных механизмов модерации². Г.Н. Соколова обращается к феномену цифрового конфликта, анализируя его институциональное непризнание и нормативные пробелы в правоприменении³. В целом, в отечественной литературе прослеживается тенденция к интердисциплинарному осмыслинию цифровых девиаций на стыке социологии, права, психологии и медиаисследований.

При этом особую значимость приобретает изучение цифровой девиации не абстрактно, а в контексте практической правоприменительной деятельности. Прокуратура как один из ключевых акторов государственного контроля оказывается на передовой линии взаимодействия с трансформирующими формами социальной патологии. Однако, как показывают исследования, данный институт зачастую не успевает за скоростью цифровых процессов, сталкиваясь с трудностями идентификации нарушителей, технической неподготовленностью и нормативной инерцией^{4 5}.

Цель исследования заключалась в выявлении институциональных моделей восприятия цифровой девиации, оценки правовых механизмов реагирования, анализа рутинных процедур дознания, а также фиксации типовых сценариев нарушителей и уязвимых групп населения.

¹ Антонян Ю.М. Девиантное поведение: психолого-криминологические и социологические аспекты. – М.: Юнити-Дана, 2021. – 352 с

² Громов Е.А. Цифровая виктимизация как новое социальное явление // Социологические науки и социальные технологии. – 2022. – № 2. – С. 117–123.

³ Соколова Г.Н. Цифровой конфликт и правовая неустойчивость в интернет-пространстве // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 89–96.

⁴ Бурдье П. Практический смысл. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 384 с.

⁵ Гласс Г., Штраус А. Открытие теории: стратегии качественного исследования. – М.: Логос, 2020. – 304 с

Для реализации данной цели были сформулированы задачи, включающие: систематизацию цифровых правонарушений, определение ролей различных платформ в воспроизведстве девиантного поведения, оценку законодательной и технической базы реагирования, а также анализ рецидива и профилактики.

Методология

Исследование базируется на междисциплинарном методологическом синтезе, сочетающем принципы эмпирической социологии, цифровой криминологии, теории поля П. Бурдьё, сетевой теории М. Кастельса и теории институциональной аномии. Центральным методом выступило анкетное заочное интервьюирование сотрудников прокуратуры, обладающих практическим опытом надзорной деятельности в цифровой среде. Метод эмпирического опроса позволил выявить устойчивые институциональные представления о цифровой девиации, специфике реагирования на неё, сложности интерпретации правонарушений в сетевом пространстве, а также структуру профессионального отношения к цифровым угрозам. Дизайн исследования опирался на принцип теоретического насыщения, предложенный в рамках качественной социологии Г. Глассом и А. Штраусом¹, где даже небольшая выборка позволяет реконструировать доминирующие институциональные нарративы при насыщении смысловых категорий.

Исследование исходило из понимания цифровой девиации как формы действия, институционально осмыслимой в условиях правового и технического неравенства. С точки зрения Бурдьё, прокуратура как поле функционирует в условиях конкуренции нормативных капиталов – правового, цифрового, морального². Именно в этом пространстве формируются схемы классификации и интерпретации девиантного поведения, опосредованные сложной структурой профессионального

¹ Гласс Г., Штраус А. Открытие теории: стратегии качественного исследования. – М.: Логос, 2020. – 304 с.

² Бурдьё П. Практический смысл. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 384 с.

габитуса. Сетевая перспектива Кастельса позволяет интерпретировать цифровую девиацию как явление, структурированное логикой потоков информации, асимметрии коммуникаций и алгоритмического распределения ресурсов¹. Это требует перехода от анализа фиксированных актов нарушения к изучению динамики цифровых взаимодействий, в которых девиация является производным элементом платформенной архитектуры.

В рамках исследования также была использована концепция цифровой виктимизации (J. Wall, D. Loader)², согласно которой цифровое правонарушение должно рассматриваться не только с точки зрения действия нарушителя, но и с позиции уязвимости жертвы – как технической, так и социальной. Учитывались и элементы институциональной социологии, в частности – идея нормативного конфликта (M. Crozier), объясняющего институциональную фрустрацию в условиях нормативной неопределенности и технологического опережения³.

Таким образом, методология исследования опирается на сочетание эмпирической валидности с теоретической чувствительностью. Она позволяет рассматривать цифровую девиацию как социотехнический процесс, проявляющийся в пересечении правовых ограничений, цифровых инфраструктур и профессиональных стратегий адаптации. Полученные данные дают возможность не только количественной фиксации институциональных реакций, но и качественного анализа нормативных сдвигов, вызванных цифровой трансформацией социальных практик. При интерпретации данных применялись теоретико-методологические рамки цифровой виктимологии, теории поля П. Бурдье, концепции «сетевого общества» М. Кастельса, а также модели

¹Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Том I: Власть идентичности. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

² Loader B.D., Yar M. Social media and crime: The dynamics of moral panic and cultural criminology. – London: Routledge, 2012. – 208 p.

³ Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 267 p.

«прозрачного общества» Бюнг-Чуль Хана¹. Отдельное внимание было уделено понятию «платформенного контроля» (T. Gillespie), объясняющему, каким образом цифровые посредники – социальные сети, мессенджеры, видеохостинги – становятся не только инфраструктурой коммуникации, но и новой формой нормативной регуляции, порождающей собственные механизмы нормализации и исключения². Методологический фокус смешён в сторону анализа институционализированной реакции государства на гибридные формы цифровой девиации в условиях асимметричного доступа к цифровым ресурсам.

Анализ результатов исследования

Анализ результатов исследования Результаты эмпирического исследования, проведённого среди сотрудников прокуратуры Республики Татарстан, не просто иллюстрируют цифровую трансформацию девиантного поведения, но и выявляют глубокие институциональные сдвиги в восприятии, трактовке и обработке цифровых правонарушений. Из 15 опрошенных сотрудников прокуратуры более 86% отметили, что цифровые преступления в последние два года приобрели устойчивый и регулярный характер. Это указывает на то, что цифровая девиация перестала быть исключением – она вошла в стандартную рутину следственной и надзорной деятельности, тем самым становясь институционализированным социальным феноменом.

Цифры говорят сами за себя: 13 из 15 респондентов указали, что они неоднократно участвовали в расследованиях цифровых правонарушений, связанных с мошенничеством, вымогательством, распространением запрещённого контента, кибербуллингом, а также нарушениями в сфере персональных данных. Примерно 60% опрошенных зафиксировали более 20 цифровых дел только за последние 12 месяцев,

¹ Han B.-C. The Transparent Society. – Stanford: Stanford University Press, 2015. – 90 р

² Gillespie T. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 296 р.

а один из респондентов упомянул, что такие дела составляют до 40% его текущей нагрузки. Такая статистика демонстрирует, что цифровая среда перестала быть лишь пространством риска – она превратилась в автономный режим делинквентного поведения с собственными правилами, скоростями и рецидивами.

Наиболее часто встречающаяся статья Уголовного кодекса – ст. 159 УК РФ (мошенничество) – была упомянута 13 раз. Однако два прокурора также указали на применение ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды), что указывает на политизацию и идеологизацию части цифровых девиаций. Такие правонарушения всё чаще совершаются через Telegram (13 упоминаний), WhatsApp (9), TikTok (1), «ВКонтакте» (3), что подтверждает тезис о «платформенной зависимости девиации»: архитектура конкретной платформы определяет структуру правонарушения, его масштаб и анонимность.

Более 66% опрошенных заявили, что основная мотивация нарушителей – получение материальной выгоды. Однако три респондента указали на случаи, когда мотив носил идейный или провокационный характер: распространение радикального контента, цифровые акции устрашения, или поведенческий троллинг. Здесь проявляется новая форма девиации – «игровая делинквентность», где нарушитель действует не ради прибыли, а ради цифровой экспозиции, лайков, социальной видимости. Это особенно важно для анализа так называемых молодёжных субкультурных сообществ, в которых девиантное поведение приобретает ритуальный, а не просто утилитарный характер.

Особо показателен статистический разрыв между количеством обращений и количеством возбужденных дел. В 12 случаях прокуроры сообщили о поступлении более 100 гражданских заявлений, касающихся цифровых угроз, вымогательств, оскорблений и вторжений в частную жизнь. Однако лишь около 30–40% этих заявлений переходят в стадию возбуждения уголовного дела, и менее 20% – доходит до приговора. Это свидетельствует о наличии «цифрового разрыва правосудия», в рамках которого значительное количество пострадавших остаются вне поля институционального реагирования.

Ещё одним тревожным симптомом является длительность расследований: 10 из 15 респондентов заявили, что дела, связанные с цифровыми нарушениями, делятся более 6 месяцев. Лишь в 13% случаев срок расследования не превышал трёх месяцев. Это позволяет говорить о «процессуальной перегрузке» и «институциональной инерции», где скорость цифровых правонарушений существенно превосходит скорость институционального реагирования. В условиях, когда преступник может за считаные минуты сменить IP, страну, номер телефона и зашифровать переписку, полугодовое расследование выглядит как атавизм бумажного правосудия.

Наконец, респонденты подтвердили рост повторяемости схем цифровой девиации. Более половины отметили, что сталкиваются с идентичными паттернами правонарушений, что позволяет говорить о «серийной алгоритмизации» девиантного поведения. Например, схемы фишинга, взлома аккаунтов через поддельные сервисы или онлайн-оформления микрозаймов по чужим данным становятся массовыми. Это означает, что цифровое правонарушение теряет свою уникальность и превращается в шаблон, который может быть тиражирован, автоматизирован и масштабирован на тысячи жертв.

В совокупности, данные указывают на системную институциональную неподготовленность к феномену цифровой девиации. Прокуратура функционирует в режиме догоняющей реакции, тогда как сама девиация функционирует в логике вирусной экспансии. Это создаёт новый социальный парадокс: институты власти знают о проблеме, но не могут её оперативно копировать, в то время как нарушители действуют с предиктивной точностью и цифровой гибкостью. В этой борьбе за нормативное превосходство проигрывает не только закон, но и само общество, поскольку право утрачивает свою репутационную функцию – способность быть быстрым, доступным и справедливым.

Наиболее распространённой формой цифрового правонарушения сотрудники прокуратуры называют интернет-мошенничество (12 из 15), что подтверждает гипотезу о «платформенной коммерциализации

девиации». Здесь мы наблюдаем не просто рост преступности, а трансформацию самого механизма девиации: преступник – это уже не магинал, а рациональный актор, встроенный в цифровую экономику и ориентированный на алгоритмически доступную прибыль. Цифровая среда превращается в рынок преступных возможностей, где граница между экономическим поведением и правонарушением определяется не моралью, а кодом и протоколом.

Вызывающим фактором является выбор платформы: 13 респондентов указали на Telegram как основную среду совершения преступлений, а 9 дополнительно отметили WhatsApp. Это указывает на «архитектурное соучастие» цифровых сервисов в девиантном воспроизведстве, когда сами платформы структурно способствуют уклонению от нормативного контроля – за счёт шифрования, отсутствия модерации и транснациональной юрисдикции. В логике Ж. Бодрийяра, подобное отражает «симулякр контроля»: формально платформы декларируют борьбу с нарушениями, но фактически создают условия для их масштабируемости.

Длительность расследований цифровых дел, согласно 10 из 15 ответов, превышает 6 месяцев. Только 20% дел раскрываются в срок до 3 месяцев. При этом уровень раскрываемости остаётся критически низким: менее 30% – по оценке 11 респондентов. Такая статистика указывает на «процессуальную усталость» системы и правовую уязвимость жертв. Прокуроры фиксируют невозможность установить личность нарушителя, отсутствие сотрудничества с платформами, сложности с получением цифровых доказательств. Это формирует ощущение правовой неэффективности и производит то, что можно назвать «нормативной фрустрацией»: юридические инструменты оказываются бессильными перед лицом сетевой гибкости нарушителя.

Особенно тревожна частота рецидива: более 50% респондентов указали, что сталкиваются с повторными нарушениями от одних и тех же субъектов. Прокуроры также отмечают устойчивость девиантных

сценариев: фиксируется более 5 типовых схем цифровых правонарушений, среди которых лидируют фишинговые атаки, оформление кредитов от имени жертв и распространение вредоносного контента. Это демонстрирует эффект «алгоритмизации девиации»: преступные сценарии не только тиражируются, но и оптимизируются под архитектуру цифровой среды. Мы имеем дело с формированием «сетевых грамматик девиантности», где девиантное поведение воспроизводится с точностью, ранее присущей только машинным процессам.

На фоне этого особенно значимым становится объём гражданских обращений: в 12 случаях из 15 прокуроры отметили получение более 100 обращений в год, касающихся угроз, оскорблений, мошенничества и кибербуллинга. Однако, по словам респондентов, только 30–40% таких обращений переходят в стадию возбужденного дела. Здесь проявляется «цифровой разрыв справедливости» – рассогласование между гражданским правосознанием и реальной правовой процедурой.

Таким образом, анализ демонстрирует: цифровая девиация – это не временное явление, а структурный вызов, разрушающий границы между нормой, правонарушением и технологией. И если государственные институты не трансформируются синхронно с логикой цифрового общества, они рискуют утратить не просто контроль, но и легитимность.

Перспективы развития правоприменительной практики

Анализ тенденций цифровой девиации и институционального реагирования позволяет выделить несколько ключевых направлений развития правоприменительной практики, адекватных вызовам цифровой среды. В условиях платформенной медиатизации, гипермобильности правонарушителей и транснационального характера цифровых преступлений становится очевидной необходимость выхода за рамки классической уголовно-правовой логики и перехода к гибким, сетевым и алгоритмически адаптируемым механизмам регулирования. Перспективным направлением является внедрение предиктивной аналитики

и цифровой криминалистики на основе больших данных, позволяющих выявлять аномалии поведения и прогнозировать вероятные очаги правонарушений до их совершения. Такие технологии требуют не только технической базы, но и нормативной легитимации, включая создание регламентов алгоритмического правосудия, этики цифрового мониторинга и правовой персонализации.

Вторым направлением является институционализация межведомственного цифрового взаимодействия. Формирование единой платформы – цифрового хаба правоприменения, где объединяются усилия прокуратуры, МВД, ФСБ, Роскомнадзора и специализированных ИТ-структур, позволит преодолеть фрагментарность реагирования и ускорить процесс обработки цифровых доказательств. Здесь важен переход от ведомственной замкнутости к платформенной синхронизации данных в режиме реального времени. Третий вектор связан с необходимостью «перепрошивки» профессиональных компетенций прокурорских работников. Учитывая темпы цифровизации преступности, только освоение базовых понятий цифровой криминалистики, моделей социальной инженерии, принципов кибергигиены, архитектуры цифровых платформ и основ криптографии позволит органам надзора не просто фиксировать нарушения, но и эффективно их пресекать.

Наконец, особого внимания требует международная коопeração в сфере цифровой юрисдикции. Поскольку подавляющее большинство цифровых правонарушений совершаются с использованием иностранных платформ, без участия в глобальных соглашениях об обмене цифровыми данными, унификации процедур цифровой идентификации и стандартов доказательной верификации национальные органы остаются в позиции ограниченного суверенитета. В этом контексте цифровая суверенность правосудия должна стать стратегической целью, включающей разработку собственных платформ, алгоритмов анализа и протоколов реагирования. Таким образом, правоприменительная практика будущего – это не только обновление нормативной базы, но и комплексная трансформация самой институциональной логики, встраивающейся в архитектуру цифровой современности.

Заключение

Обобщая результаты проведённого исследования, следует подчеркнуть, что цифровая девиация перестала быть периферийным явлением и закрепилась в качестве устойчивого паттерна социального отклонения, трансформирующего институциональные практики, нормативные ожидания и структуру социальной ответственности. В условиях платформенного капитализма и алгоритмически управляемого общества девиация не просто перемещается в цифровое пространство – она встраивается в архитектуру цифровых экосистем и тиражируется с помощью сетевых протоколов, интерфейсов и механик геймификации. Девиантное поведение становится не только интерактивным, но и программируемым, приобретая свойства воспроизводимости, алгоритмизации и платформенной экспансии. Правоприменительные органы, в том числе прокуратура, оказываются в позиции «реактивной инерции», когда цифровая реальность меняется быстрее, чем обновляются юридические конструкции и процедурные механизмы.

Исследование показало, что сотрудники прокуратуры уже воспринимают цифровую девиацию как часть правовой повседневности, однако сохраняется высокий уровень институциональной фruстрации: отсутствуют эффективные алгоритмы цифровой идентификации, слабая интеграция с технологическими платформами, нет нормативной гибкости для работы с трансграничными кейсами. Это указывает на наличие так называемой «регуляторной лагуны» – зоны между технологическим изменением и нормативным признанием, где нарушитель действует безнаказанно, а институт – бессильно. В контексте нарастания «цифрового правового нигилизма», когда нарушитель осознаёт невозможность своего преследования, усиливается риск институциональной делигитимации.

Цифровая девиация проявляет себя в форме «вирусного правонарушения», где каждый кейс становится шаблоном для следующего: повторяемость, меметичность, стандартизация сценариев превращают

уголовно-наказуемое поведение в сетевую норму. В условиях алгоритмической индифферентности – когда цифровые платформы не фильтруют, а усиливают отклоняющееся поведение ради роста охватов и вовлечённости – государство теряет монополию на норму. Более того, платформа фактически становится параправовым актором, способным замещать правоприменительные функции за счёт своих регулятивных протоколов. Это фундаментальный вызов для классической модели суверенитета, при котором вопрос контроля над девиацией перемещается из зала суда в код платформы.

Таким образом, цифровая девиация – это не просто новый тип правонарушения, это новый тип социальной нормы, формируемый вне участия государства и вне рамок традиционной морали. Противостоять ей можно только в условиях тотальной модернизации институциональных механизмов реагирования, включая внедрение алгоритмического мониторинга, развитие цифровой криминологии, усиление нормативной гибкости и интеграцию с международными цифровыми регуляторами. В противном случае прокуратура рискует остаться в роли архивариуса правосудия, неспособного не только защитить цифрового гражданина, но и артикулировать, что есть нарушение в эпоху платформенной повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Исповедь / Аврелий Августин. – Москва: Ренессанс: СП ИВО-СиД, 1991. – 488 с.
2. Августин Блаженный. О Граде Божием. Кн. I-XIII / Августин Блаженный. – Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с. – (Творения: в 4 т.; т. 3).
3. Акулич М. М. Жизненные стратегии современной молодежи / М. М. Акулич, В. В. Пить // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 34–43.
4. Акулич М.М. Жизненные стратегии современной молодежи [Электронный ресурс] / М.М. Акулич, В.В. Пить // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 34–43. – URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/23547/1/socia_2011_8_34_43.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
5. Алексеенкова Е. Г. Личность в условиях психической депривации / Е. Г. Алексеенкова. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 96 с.
6. Ал-Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города // Философские трактаты / Ал-Фараби. – Алма-Ата, 1970. – С. 5–185.
7. Антонян Ю.М. Девиантное поведение: психолого-криминологические и социологические аспекты / Ю.М. Антонян. – Москва: Юнити-Дана, 2021. – 352 с.
8. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. – Москва: Лабиринт, 2005. – С. 5–165.
9. Асеева Т. А. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодёжи регионов РФ / Т. А. Асеева, О. С. Киреева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 2 (71). – С. 57–64.
10. Асмус В.Ф. Платон / В.Ф. Асмус. – Москва: Мысль, 1975. – 220 с.
11. Багдасарьян Н. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н. Багдасарьян, А. Кравченко // Логос. – 2022. – Т. 32, № 6 (151). – С. 245–272.

12. Барышева Ю.С. Социализация и инкультурация российских детей и подростков в цифровой среде: основные проблемы и исследования / Ю.С. Барышева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1 (856). – С. 166–175.
13. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания / Л. М. Баткин. – Москва: РГГУ, 2000. – 1005 с.
14. Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища / Г. Башляр // Логос. – 2002. – № 3-4 (34). – С. 109–134.
15. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости [Электронный ресурс] / В. Беньямин. – URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (дата обращения: 21.06.2025).
16. Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1969. – 270 с. – URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (дата обращения: 05.05.2025).
17. Библер В. С. Культура. Диалог культур. (Опыт определения) / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42. –
18. Бишоп К. Социальный поворот в современном искусстве [Электронный ресурс] / К. Бишоп // Художественный журнал. – 2005. – № 58–59. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/58-59/povorot/> (дата обращения: 17.08.2023).
19. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е. А. Самарской. – Москва: ACT, 2020. – 352 с.
20. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – Москва: РИПОЛ классик, 2023. – 256 с.
21. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 95 с.
22. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Москва: Просвещение, 1968. – 464 с.
23. Бойм С. Будущее ностальгии / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 680 с.

24. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с.
25. Бордмен А. О. Как снимается кино. История кинематографа / А. О. Бордмен; пер. с англ. М. Скаф. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 107 с.
26. Бохан А. Е. Междисциплинарные концепции социокультурной самоидентификации молодежи [Электронный ресурс] / А. Е. Бохан // Вестник евразийской науки. – 2012. – № 3 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnye-kontseptsii-sotsiokulturnoy-samoidentifikatsii-molodezhii> (дата обращения: 06.09.2025).
27. Буденкова В. Е. Просьюмеризм: новый тренд в культуре потребления [Электронный ресурс] / В. Е. Буденкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosyumerizm-novyy-trend-v-kulture-potrebleniya> (дата обращения: 06.05.2025).
28. Бурдье П. Начала / П. Бурдье. – Москва: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
29. Бурдье П. Практический смысл / П. Бурдье. – Москва: Ин-т эксперим. социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 384 с.
30. Бурдье П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдье // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 06.09.2025).
31. В 2025 году россияне озабочатся сохранением семей и продлением жизни. ВЦИОМ назвал главные тренды текущего года [Электронный ресурс] // Эксперт. – URL: <https://expert.ru/obshchestvo/v-2025-godu-rossiyane-ozabotyatsya-sokhraneniem-semey-i-prodleniem-zhizni/> (дата обращения: 04.08.2025).
32. В России выросло «тепличное» поколение молодых патриотов [Электронный ресурс] // Взгляд. – 2020. – URL: <https://vz.ru/society/2020/9/7/1058238.html> (дата обращения: 13.03.2025).

33. Валитова Н. Э. К вопросу о социализации студенческой молодежи в современной цифровой среде / Н. Э. Валитова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 2 (59). – С. 4–7.
34. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского. – Москва: АСТ, 2018. – 352 с.
35. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства: результаты социологического исследования / С.Б. Цымбаленко [и др.]. – Москва, 2012. – 99 с.
36. Гвоздиков Д. С. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности / Д. С. Гвоздиков // Логос. – 2019. – Т. 29, № 6 (133). – С. 1–19.
37. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – Москва: Академический проект, 2003. – 528 с.
38. Глава ВЦИОМ указал на нацеленность российской молодежи на будущее [Электронный ресурс] // РЕН ТВ. – URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1344242-glava-vtsiom-ukazal-na-natselennost-rossiiskoi-molodezhi-na-budushchee> (дата обращения: 05.08.2025).
39. Гласс Г. Открытие теории: стратегии качественного исследования / Г. Гласс, А. Штраус. – Москва: Логос, 2020. – 304 с.
40. Глебова И. С. Оценка молодежью достоинств и недостатков интернета в условиях цифровой социализации и искусственной социальности / И. С. Глебова, А. М. Закиров // Казанские социологические чтения: сб. науч. тр. VII Междунар. конф. (Казань, 17–18 мая 2024 года). – Казань: КФУ, 2024. – С. 33–37.
41. Головчин М. А. Проявления цифровой социализации в молодёжной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников / М. А. Головчин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – № 5. – С. 237–256.
42. Гречева Г. Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде [Электронный ресурс] / Г. Я. Гречева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование.

Педагогические науки. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 40–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 06.05.2025).

43. Гревцева Г. Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде / Г. Я. Гревцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 40–49.

44. Громов Е. А. Цифровая виктимизация как новое социальное явление / Е. А. Громов // Социологические науки и социальные технологии. – 2022. – № 2. – С. 117–123.

45. Громов И.А. Западная теоретическая социология / И.А. Громов, А.Ю. Мацкевич, В.А. Семенов. – Санкт-Петербург: Ольга, 1996. – 286 с.

46. Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире / А. А. Гусейнов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2001. – № 1. – С. 18–26.

47. Девятко И. Ф. Философия языка и язык социальной науки / И. Ф. Девятко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7, № 5. – С. 50–58.

48. Делез Ж. Кино / Ж. Делез; пер. с фр. Б. Скуратова. – Москва: Ad Marginem, 2004. – 623 с.

49. Дударева Я. Диалог как текст, содержащий эмотиконы: юрислингвистический аспект рассмотрения / Я. Дударева, Н. Шпильная // Юрислингвистика. – 2023. – № 27 (38). – С. 99–105.

50. Дудник С.И. Кризис образования в цифровую эпоху / С.И. Дудник, Б.В. Марков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36, № 2. – С. 214–226.

51. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – Москва: Канон, 1995. – 400 с.

52. Европарламент утвердил первый в мире закон об ИИ [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2024. – URL: <https://rg.ru/2024/03/14/evroparlament-utverdil-pervyj-v-mire-zakon-ob-ii.html> (дата обращения: 15.07.2025).

53. Елисеева Е. В. Интернет-технологии как фактор развития социальной активности российской молодежи [Электронный ресурс] / Е. В. Елисеева, О. В. Кашликова, Н. Г. Королев, В. В. Саченко // Организация работы с молодежью. – 2012. – № 9. – URL: <https://s.esrae.ru/ovv/pdf/2012/9/891.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).
54. Жильсон Э. Философ и теология / Э. Жильсон. – Москва: Гностис, 1995. – 192 с.
55. Задорин И.В. Уровень медиаграмотности населения в регионах России: сравнительный анализ / И.В. Задорин, Д.В. Мальцева, Л.В. Шубина // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 123–141.
56. Заковоротная М. В. Идентичность человека / М. В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 124–125.
57. Законопроект № 759897-7 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7> (дата обращения: 06.09.2025).
58. Зубок Ю.А. Современная социология молодежи: меняющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 12–48.
59. Зыкова И. В. Фразеологизмы в языке несут многослойное смысловое и экспрессивное наполнение: интервью Анны Курской с И.В. Зыковой, старшим научным сотрудником Института языкознания РАН, доктором филологических наук [Электронный ресурс] / И.В. Зыкова // РИА Новости. – 2015. – URL: <https://sn.ria.ru/20150303/1051734226.html> (дата обращения: 06.09.2025).
60. Игнатова Н. Ю. Образование в цифровую эпоху / Н. Ю. Игнатова. – Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. – 128 с.
61. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – Москва: Новое издаельство, 2011. – 464 с.
62. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва: КомКнига, 2006. – 288 с.

63. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О.С. Иссерс. – Москва, 2006. – 241 с.
64. Йоас Х. Социальная теория. 20 вводных лекций / Х. Йоас, В. Кнёбль; пер. с нем. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 840 с.
65. Касавин И.Т. Познание как иносказание. Человек после крушения Вавилонской башни / И.Т. Касавин // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 51–63.
66. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. I: Власть идентичности / М. Кастельс. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
67. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность / В. Е. Кемеров. – Москва: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
68. Ковалева А. И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации [Электронный ресурс] / А. И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raznovidnosti-sotsialnoy-identichnosti-podhody-k-klassifikatsii> (дата обращения: 06.09.2025).
69. Козолупенко Д. П. Инверсия основных тенденций цифровизации в образовательном пространстве / Д. П. Козолупенко // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 12. – С. 115–129. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-12-115-129
70. Комаров В. В. Современные тенденции цифровой социализации молодёжи: вызовы, риски и перспективы / В. В. Комаров // Психологическая наука и новые вызовы современности : сб. науч. тр. / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. – С. 142–148.
71. Косолапов Н. А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии / Н. А. Косолапов. – Москва: РУДН, 2003. – С. 102.
72. Кропачев Н. М. Ценности в образовании и современный университет / Н. М. Кропачев, Д. В. Шмонин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, вып. 2. – С. 208–223.

73. Кундера М. Нарушенные завещания / М. Кундера. – Москва: Азбука-Аттикус, 2022. – 256 с.
74. Курносова Т. Искусственный интеллект как источник возможностей и угроз экономического развития / Т. Курносова, А. Филиппов // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 12. – С. 498–503.
75. Курпатов А. В. Чертоги разума / А. В. Курпатов. – Красногорск: Капитал, 2018. – 408 с.
76. Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция / В. А. Кутырев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. – 312 с.
77. Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М. А. Лаппо. – Новосибирск, 2018. – 35 с.
78. Лаппо М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом / М. А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 28–32.
79. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография / М. А. Лаппо. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
80. Ларионова И. В. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий / И. В. Ларионова, О. А. Максимова // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 275–278.
81. Ларионова И. В. Цифровая компетентность российской молодежи: состояние и факторы влияния / И. В. Ларионова, О. А. Максимова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 5 (62). – С. 23–29.
82. Лебедева Т.В. Цифровое поколение / Т.В. Лебедева, А.А. Субботин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – № 4. – С. 985–995.
83. Ли Ц. Медийная социализация молодежи в условиях цифровизации: мета-анализ китайских и российских исследований / Ц. Ли // Социология. – 2023. – № 6. – С. 237–242.

84. Липатова А. В. Механизмы и агенты цифровой социализации молодёжи / А. В. Липатова // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Междунар. конф. (Казань, 18–19 мая 2023 года). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. – С. 68–73.
85. Липатова А. В. К проблеме исследования механизмов и агентов цифровой социализации молодежи / А. В. Липатова // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: сб. материалов ежегод. 62-го Междунар. науч. форума. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. А. Малышев. – Санкт-Петербург: Медиапапир, 2023. – С. 120–122.
86. Липатова А. В. Механизмы и агенты цифровой социализации молодежи / А. В. Липатова // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Междунар. конф. (Казань, 18–19 мая 2023 года). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. – С. 68–73.
87. Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) / С. А. Лишаев // Вестник Самарской гуманистической академии. Серия: Философия. Филология. – 2016. – № 2 (20). – С. 110–132.
88. Максимова О. А. Цифровая социализация российской молодежи: соотношение реальных и виртуальных коммуникационных практик / О. А. Максимова, Л. К. Нагматуллина // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 5 (62). – С. 42–47.
89. Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
90. Маарица Л. В. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности [Электронный ресурс] / Л. В. Маарица, Н. А. Антонова, К. Ю. Ерицян // Петербургский психологический журнал. – 2013. – № 5. – С. 1–15.
91. Маркс К. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1 / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1968. – С. 73.

92. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. (Первая рукопись «[Отчужденный труд]») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42 / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 91.
93. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42 / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 41–174.
94. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1983. – 905 с.
95. Мартынова М. Д. Влияние цифровой реальности на состояние ценностного мира студенческой молодежи / М. Д. Мартынова // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 3 (37). – С. 251–260.
96. Медиалогия: мониторинг СМИ и соцсетей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).
97. Минзарипов Р.Г. Цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных изменений / Р.Г. Минзарипов, И.И. Шамсутдинова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 4 (61). – С. 41–44.
98. Миронов Д. В. К вопросу об эволюции представлений о социальной реальности в социологии / Д. В. Миронов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2016. – № 4 (41). – С. 67–71.
99. Молодое поколение цифровой эпохи: траектории и риски социализации / Ю. В. Андреева [и др.]. – Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2024. – 229 с.
100. Морозова Е. В. Государство как агент цифровой социализации / Е. В. Морозова, Н. В. Плотичкина, К. И. Попова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – № 2. – С. 5–16.
101. Мудрик А. В. Воспитание: методологические заметки / А. В. Мудрик // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2008. – № 1. – С. 64–75.
102. Нагматуллина Л.К. Межпоколенческая солидарность как фактор стабильности современной семьи / Л.К. Нагматуллина, А.Р. Ахметгалиева, О. А. Максимова // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 299–305.

103. Нагматуллина Л. К. Диалог поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов: в контексте дискурса реальных и условных поколений / Л. К. Нагматуллина, О. А. Максимова // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 186–192.
104. Николаева Е. М. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты / Е. М. Николаева, М. Д. Щелкунов // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 1. – С. 107–117.
105. Омельченко Е. Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности / Е. Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – № 2. – С. 151–182.
106. Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска / М. О. Орлов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 155–161.
107. Осинцева Н. В. Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий / Н. В. Осинцева, И. А. Муратова // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, вып. 1. – С. 171–175.
108. О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации»: федер. закон от 23.07.2025 № 258-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507230012> (дата обращения: 12.08.2025).
109. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-prioritetnogo-proekta-sovremennoy-tsifrovaya-obrazovatelnaya-sreda-v-rossijskoj-federatsii.pdf> (дата обращения: 06.09.2025).
110. Пенькова А. В. Понятие габитус в социологии Пьера Бурдье / А. В. Пенькова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реф. журн. Сер. 11. Социология. – 1996. – № 4. – С. 20–26.

111. Пинчук А. Н. Конструирование социальной реальности в техносоциальном пространстве: новые проблемы и идеи / А. Н. Пинчук // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1. – С. 131–141.
112. Писарев Д. И. Идеализм Платона (Обозрение философской деятельности Сократа и Платона). Сост. Клеванов. Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1955. [Электронный ресурс]. – URL: (http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0090.shtml) (дата доступа 08.04.2025).
113. Платон в исламе, под редакцией доктора Абдула Рахмана Бадави [Электронный ресурс] – URL: https://archive.org/details/salafisalafisalafi_gmail_201812 (дата доступа 08.04.2025).
114. Платон. Государство // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Платон; под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – 752 с.
115. Попова Д. А. Цифровая личность как Центральный элемент межперсонального интернет-дискурса / Д. А. Попова // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2019. – № 2. – С. 87–91.
116. Прюс Ф. П. Х. Ф. Исследование цифровой активности личности в сети интернет: психологический аспект / Ф. П. Х. Ф. Прюс, А. С. Тишкова // СМАЛЬТА. – 2022. – № 4. – С. 70–80. – DOI: 10.15293/2312-1580.2204.07
117. Пузько В. И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации / В. И. Пузько // Философия и общество. – 2007. – № 4. – С. 98–113.
118. Путин отметил вклад молодежи в развитие страны [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250628/putin-2026015928.html> (дата обращения: 04.08.2025).
119. Путин: Россия поняла, что должна заявить о себе как о суверенной державе [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250713/putin-2028851189.html> (дата обращения: 02.08.2025).

120. Радеев А. Е. Практическая эстетика и механизмы культуры [Электронный ресурс] / А. Е. Радеев // Международный журнал исследований культуры. – 2025. – № 2 (59). – URL: <https://culturalresearch.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).
121. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. / Дж. Ритцер; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 688 с.
122. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – Москва, 1998. – С. 143.
123. Рябцева Э. Г. Отражение культа молодости в текстах рекламного дискурса / Э. Г. Рябцева // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. – 2021. – № 4. – С. 120–129.
124. Савина О. О. Психологический анализ трансформации идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте [Электронный ресурс] / О. О. Савина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiy-analiz-transformatsii-identichnosti-lichnosti-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozraste> (дата обращения: 16.08.2025).
125. Савруцкая Е. Анализ динамики качественных характеристик ценностного сознания молодежи России / Е. Савруцкая, С. Устинкин // Власть. – 2011. – № 10. – С. 92–96.
126. Сайкина Г. К. Феномен образования в свете «метафизики человека» / Г. К. Сайкина // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 12. – С. 103–114.
127. Самсонова Т. Н. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи / Т. Н. Самсонова, Е. К. Леонов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 67–85.
128. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи / Ж.-П. Сартр. – Москва: Академ. проект, 2008. – 222 с.
129. Сергеева Е.А. Социальное взаимодействие как основа конструирования социальной реальности: социально-философский анализ / Е.А. Сергеева // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – С. 40–43.

130. Серегина Т. Н. Умный город как феномен информационного общества: социально-философский анализ / Т. Н. Серегина // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 3. – С. 185–195.
131. Соколова Г. Н. Цифровой конфликт и правовая неустойчивость в интернет-пространстве / Г. Н. Соколова // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 89–96.
132. Солдатова Г.У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик. – Москва: Смысл, 2017. – 375 с.
133. Солдатова Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики [Электронный ресурс] / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал ВШЭ. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kognitivnaya-kontseptsiya-tsifrovoy-sotsializatsii-novaya-ekosistema-i-sotsialnaya-evolyutsiya-psihiki> (дата обращения: 06.05.2025).
134. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12 (56). – С. 40–43.
135. Сообщество «Рифмы и Панчи» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/rhymes> (дата обращения: 19.08.2025).
136. Сообщество «Росмолодёжь» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/rosmolodez> (дата обращения: 19.08.2025).
137. Сообщество профессионалов «Азот» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/azotkemerovo> (дата обращения: 19.08.2025).
138. Сорина Г. В. Логико-методологические основания преподавания гуманитарных дисциплин / Г. В. Сорина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 54–66.
139. Сорокин П.А. Система социологии / П.А. Сорокин. – Москва: Астрель, 2008. – 428 с.

140. Сотников И. М. Студенческая субкультура: операционализация понятия / И. М. Сотников // Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: трансформация системы ценностей. – 2012. – № 1. – С. 98–106.
141. Социоанализ Пьера Бурдье: альманах Рос.-фр. центра социологии и философии РАН. – Москва: Ин-т эксперимент. социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 288 с.
142. Старение: принять или бороться? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starenie-prinjat-ili-borotsja> (дата обращения: 14.02.2025).
143. Стивенсон Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стивенсон. – Москва: Слово / Slovo, 2004. – 240 с.
144. Терещенко Н. А. Кино и массы / Н. А. Терещенко, Т. М. Шатунова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2010. – № 2 (2). – С. 98–101.
145. Тиль П. От нуля к единице: Как создать стартап, который изменит будущее / П. Тиль. – Москва: Альпина Паблишер, 2024. – 192 с.
146. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва: ACT, 2004. – 784 с. – URL: http://read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения: 06.09.2025).
147. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 "О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808" [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250001> (дата обращения: 02.08.2025).
148. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 02.08.2025).

149. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 19.08.2025).

150. Филипп Браун и Хью Лодер. Образование, глобализация и экономическое развитие // Социология образования: теории, исследования, проблемы: хрестоматия / Ф. Браун, Х. Лодер. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 88.

151. Философский словарь: основан Г. Шмидтом; 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа; пер. с нем. – Москва: Республика, 2003. – 575 с.

152. Фолиева Т. А. Ожидаемая/неожидаемая социализация: несколько критических замечаний / Т. А. Фолиева // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. – 2012. – № 2. – С. 113–117.

153. Фрэнк Уэбстер. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

154. Фурс В. Социальная философия в непопулярном изложении / В. Фурс. – Минск: Пропилеи, 2005. – 184 с.

155. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке / Ю. Хабермас. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 64–84.

156. Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России / О. Н. Четверикова. – Москва: Книжный мир, 2019. – 320 с.

157. Шагбанова Ю.Б. Преподавание учебной дисциплины «История России» в высшем учебном заведении для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки: основные тенденции и мотивации [Электронный ресурс] / Ю.Б. Шагбанова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/36PDMN423.pdf> (дата обращения: 04.08.2025).

158. Шамаева К. М. Трансформация ценностных ориентаций молодежи: межпоколенческие различия / К. М. Шамаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 4. – С. 181–183.

159. Шаммазова Е. Ю. Системность и ситуационность vs трансформация российского образования [Электронный ресурс] / Е. Ю. Шаммазова, А. Р. Залеев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-i-situatsionnost-vs-transformatsiya-rossiyskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 06.05.2024).
160. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории / Н.А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 60–70.
161. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 3–13.
162. Щеглов И. А. Социализация: агенты, институты, факторы / И. А. Щеглов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 4. – С. 14–17.
163. Щелкунов М. Д. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях / М. Д. Щелкунов, А. Р. Каримов // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 158–164.
164. Щепилова Г. Г. Публичные страницы «ВКонтакте»: контентные стратегии / Г. Г. Щепилова, Д. З. Мамедов // Меди@льманах. – 2019. – № 4 (93). – С. 46–56.
165. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко; пер. с итал. Е. А. Костюкович. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2005. – 92 с.
166. Эко У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранный литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.
167. Энциклопедия хадисов [Электронный ресурс]. – URL: <https://dorar.net/hadith/sharh/113995> (дата обращения: 08.04.2025).
168. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва: Флинта, 1996. – 342 с.
169. Яковлева Е. Л. Примитивизация современного электронного кочевника / Е. Л. Яковлева // Цивилизационные перемены в России. – 2022. – С. 23–30.

170. Яковлева Е.Л. Диагностируя гламурную личность / Е.Л. Яковлева // *SocioTime* (Социальное время). – 2019. – № 3 (19). – С. 75–86.
171. Яковлева Е. Л. Электронный кочевник как техноромантик / Е. Л. Яковлева // X Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда [Электронный ресурс]: материалы Междунар. междисциплин. науч.-образоват. конф. (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г. К. Гизатова [и др.]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. – С. 421–428.
172. Яковлева Е. Л. Этюд об иллюзиях электронного кочевника / Е. Л. Яковлева // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Междунар. науч.-образоват. конф. (Казань, 15–16 ноября 2019 г.) / под ред. Г. К. Гизатовой [и др.]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – С. 269–275.
173. Ямбург Е.А. В ожидании эры милосердия: пандемия дает шанс человечеству поумнеть [Электронный ресурс] / Е.А. Ямбург // Эхо Москвы. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/> (дата обращения: 06.09.2025).
174. Ashby W. R. An Introduction to Cybernetics [Electronic resource] / W. R. Ashby. – 1964. – URL: <https://archive.org/details/introductiontocy00ashb> (дата обращения: 14.07.2025).
175. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish / J. A. Barnes // Human Relations. – 1954. – Vol. 7. – P. 39–58.
176. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies / N. Bostrom. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 496 p.
177. Bretag T. Handbook of academic integrity [Electronic resource] / T. Bretag. – Singapore: Springer Singapore, 2016. – <https://doi.org/10.1007/978-981-287-098-8>
178. Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Produsage / A. Bruns. – New York: Peter Lang, 2008. – 418 p.
179. Burke D. Navigating the future: Reflections on AI in higher education / D. Burke, H. Crompton // Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities / ed. by H. Crompton, D. Burke. – Routledge, 2024. – P. 321–331. – URL: [10.4324/9781003440178-18](https://doi.org/10.4324/9781003440178-18)

180. Burmaga S. V. Communication Potential of Information Technologies in Global Educational Space / S. V. Burmaga // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, № 6. – P. 1144–1155.
181. Carrigan M. Growing up in a world of platforms: What changes and what doesn't? / M. Carrigan // What is Essential to Being Human? – Routledge, 2021. – P. 103–131.
182. Coleman S. Remixing citizenship: Democracy and young people's use of the Internet / S. Coleman, C. Rowe. – London: Carnegie Young People Initiative, 2005. – 16 p.
183. Cooper G. Generative artificial intelligence as epistemic authority? / G. Cooper, K.-S. Tang, N. Rappa // Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities / ed. by H. Crompton, D. Burke. – Routledge, 2024. – P. 106–122. – <https://doi.org/10.4324/9781003440178-7>
184. Corbin H. History of Islamic Philosophy / H. Corbin. – London: Kegan Paul International, 1993. – 445 p.
185. Couldry N. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 290 p.
186. Crompton H. Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities / H. Crompton, D. Burke, eds. – Routledge, 2024.
187. Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon / M. Crozier. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 267 p.
188. Cullen J. Prosumerism in Higher Education—Does It Meet the Disability Test? / J. Cullen // Radical Solutions and Open Science: An Open Approach to Boost Higher Education. – 2020. – P. 105–121.
189. de Bem Machado A. AI integration in higher education: Multidisciplinary bibliometric review of technological applications for enhanced learning and institutional growth / A. de Bem Machado, M. J. Sousa, R. C. Sharma // Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities / ed. by H. Crompton,

D. Burke. – Routledge, 2024. – P. 9–32. – <https://doi.org/10.4324/9781003440178-2>

190. Dickerson P. Learning with Socrates: How generative AI and ancient pedagogy can develop students' critical thinking skills / P. Dickerson // Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities / ed. by H. Crompton, D. Burke. – Routledge, 2024. – P. 90–105.

191. Fuchs C. Social Media: A Critical Introduction / C. Fuchs. – London: Sage, 2017. – 400 p.

192. Gebremariam H.T. Digital socialization: Insights into interpersonal communication motives for socialization in social networks among undergraduate students / H.T. Gebremariam, P. Dea, M. Gonta // Heliyon. – 2024. – Vol. 10, Iss. 20. – P. 1–14.

193. Gidley J. The Future: A Very Short Introduction / J. Gidley. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 164 p.

194. Gillespie T. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media / T. Gillespie. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 296 p.

195. Grimes A. Impact bias in student evaluations of higher education / A. Grimes, D. Medway, A. Foos, A. Goatman // Studies in Higher Education. – 2015. – Vol. 42, № 1. – P. 1–18. – <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1071345>

196. Gupta P. How organizational socialization occurring in virtual setting unique: A longitudinal study of socialization / P. Gupta, A. Prashar, M. Giannakis, V. Dutot, Y. K. Dwivedi // Technological Forecasting and Social Change. – 2022. – Vol. 185. – 122097.

197. Haken H. Synergetic Computers and Cognition: A Top-Down Approach to Neural Nets / H. Haken. – Berlin: Springer & Business Media, 2004. – 245 p.

198. Haken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems / H. Haken. – Berlin: Springer Series in Synergetics, 2000. – 222 p.

199. Han B.-C. *The Transparent Society* / B.-C. Han. – Stanford: Stanford University Press, 2015. – 90 p.
200. Hegel V. F. *Encyclopedia of Philosophical Sciences in Basic Outline. Part one: Science of Logic* / V. F. Hegel. – New York: Cambridge University Press, 2010. – P. 303 (§135).
201. Howe R. The ethical implications of generative artificial intelligence on students, academic staff, and researchers in higher education / R. Howe, L. Machado, S. Sneddon // *Artificial intelligence applications in higher education: Theories, ethics, and case studies for universities* / ed. by H. Crompton, D. Burke. – Routledge, 2024. – P. 33–51. – <https://doi.org/10.4324/9781003440178-3>
202. Howells L. *Understanding Your Emotions: CBT for Everyday Emotions and Common Mental Health Problems* / L. Howells. – Routledge, 1st edition. – 240 p.
203. Jurgenson N. Production, Consumption, Prosumption: The Nature of Capitalism in the Age of the Digital Prosumer / N. Jurgenson, G. Ritzer // *Journal of Consumer Culture*. – 2010. – Vol. 10, № 1. – P. 13–36.
204. Komaitis K. Internet Fragmentation: Why It Matters for Europe [Electronic resource] / K. Komaitis // *Research in focus*. – 2023. – URL: <https://www.komaitis.org/thoughts/internet-fragmentation-why-it-matters-for-europe/> (дата обращения: 06.09.2025).
205. Kurt I. Role of Socialization Agents in Sociovirtualization: Bridging the Gap between Virtual and Real-world Interactions / I. Kurt // *London Journal of Social Sciences*. – 2024. – № 8. – P. 8–21.
206. Loader B. D. Social media and crime: The dynamics of moral panic and cultural criminology / B. D. Loader, M. Yar. – London: Routledge, 2012. – 208 p.
207. Medaglia R. Characteristics Of Social Networking Services / R. Medaglia, J. Rose, T. Nyvang // *The 4th Mediterranean Conference on Information Systems, MCIS 2009*. – 2009.
208. Miščević N. Epistemic value: Curiosity, knowledge and response-dependence / N. Miščević // *Croatian Journal of Philosophy*. – 2016. – Vol. 16, № 3. – P. 393–417.

209. Morgan A. Digital demand and digital deficit: conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students / A. Morgan, R. Sibson, D. Jackson // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2022. – Vol. 44, № 1. – P. 1–18. – <https://doi.org/10.1080/1360080X.2022.2030275>
210. Morin E. La méthode, La vie de la vie. Tome 2: La Vie de la vie / E. Morin. – Paris: Editions du Seuil, 2013. – 814 p.
211. Morin E. Le complexus, ce qui est tissé ensemble / E. Morin // La Complexité, vertiges et promesses. Dix-huit histoires de sciences / dir. de R. Benkirane. – Paris: Poche-Le Pommier, 2002. – P. 27–42.
212. Morin E. Les sept savoirs nécessaires à l'éducation du future / E. Morin. – Paris: Seuil, 2000. – 160 p.
213. Morin E. L'humanité de l'humanité: l'identité humaine. La méthode – Tome 5 / E. Morin. – Paris: Seuil, 2001. – 304 p.
214. OpenAI. GPT-4 Technical Report [Electronic resource] / OpenAI. – 2023. – URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (дата обращения: 14.06.2025).
215. Pasquale F. New laws of robotics / F. Pasquale. – Cambridge: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020. – 344 p.
216. Pettalongi A. Promoting social values in building social interaction among interethnic students in a multicultural senior high school in Indonesia / A. Pettalongi // Journal of Advanced Education and Sciences. – 2023. – Vol. 3, № 1. – P. 102–106.
217. Poroshenko O. Y. Who Are We: Limits of Western Rationality / O. Y. Poroshenko // LUMEN Media Ltd., Lasi. – 2020. – № 7. – P. 90–97.
218. Poroshenko O. Natural human attitude to integration of Artificial Intelligence / O. Poroshenko, N. Tereshchenko, T. Shatunova // Universidad y Sociedad. – 2024. – Vol. 16, № 4. – P. 410–417.
219. Porter L. Organizational commitment and managerial turnover: a longitudinal study / L. Porter, W. Crampon, F. Smith // Organ. Behav. Hum. Perform. – 1976. – Vol. 15. – P. 87–98.

220. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants [Electronic resource] / M. Prensky // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, № 5. – URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 06.09.2025).
221. Prigogine I. Order Out of Chaos Man's New Dialogue with Nature / I. Prigogine, I. Stengers. – London- New York: Verso Books, 2018. – 384 p.
222. Ragnedda M. The digital divide: The internet and social inequality in international perspective / M. Ragnedda, G. W. Muschert, editors. – 1st ed. – Routledge, 2013. – DOI: 10.4324/9780203069769
223. Rethinking the digital divide: Findings from a study of marginalised young people's information communication technology (ICT) use / M. Blanchard [et al.] // Youth Studies Australia. – 2008. – Vol. 27, № 4. – P. 35–42.
224. Safonov A. S. Post-digital world, pandemic and higher education / A. S. Safonov, A. V. Mayakovskaya // International Journal of Higher Education. – 2020. – Vol. 9, № 8. – P. 90–94.
225. Saleh E.F. Adolescent Socialization in the Digital Age: The Role of Internet Usage and Social Networks / E. F. Saleh // Adolescent Socialization in the Digital Age: The Role of Internet Usage and Social Networks. – PB International, 2024. – P. 66–98.
226. Smith J. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood / J. Smith, B. Hewitt, Z. Skrbíš // Information, Communication & Society. – 2015. – Vol. 18, № 9. – P. 1022–1038.
227. Sosa E. A virtue epistemology: Apt belief and reflective knowledge. Vol. I / E. Sosa. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
228. Stewart D.W. The purpose of university education / D.W. Stewart // The Psychologist-Manager Journal. – 2010. – Vol. 13, № 4. – P. 244–250. – <https://doi.org/10.1080/10887156.2010.522480>

229. Vaswani A. Attention is All You Need [Electronic resource] / A. Vaswani [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – Vol. 30. – URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762> (дата обращения: 14.07.2025).
230. Verdes-Leroux J. Le Savant et la politique: Essai sur le terrorisme sociologique de Pierre Bourdieu / J. Verdes-Leroux. – Paris: Grasset, 1998. – 248 p.
231. Vincent J. ‘An engine for the imagination’: the rise of AI image generators. An interview with Midjourney founder David Holz [Electronic resource] / J. Vincent // The Verge. – 2022. – URL: <https://www.theverge.com/2022/8/2/23287173/ai-image-generation-art-midjourney-multiverse-interview-david-holz> (дата обращения: 06.09.2025).
232. Wall D. S. Cybercrime: The transformation of crime in the information age / D. S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 240 p.
233. Xudong P. Frontier AI systems have surpassed the self-replicating red line [Electronic resource] / P. Xudong, D. Jiarun, F. Yihe, Y. Min // Computation and Language. Cornell University. – New York: Ithaca, 2024. – URL: <https://arxiv.org/abs/2412.12140> (дата обращения: 15.06.2025).
234. Yar M. Cybercrime and Society / M. Yar. – London: Sage, 2013. – 264 p.
235. Yudkowsky E. Complex Value Systems in Friendly AI [Electronic resource] / E. Yudkowsky // In Schmidhuber, Thórisson, Looks. – 2011. – P. 388–393. – URL: <https://www.lesswrong.com> (дата обращения: 14.06.2025).
236. Zhang L. Control Mechanisms in Chinese AI Companies: A Case Study of Deepseek / L. Zhang // Journal of AI Research in China. – 2022. – P. 45–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКУЛИНА РЕГИНА АЙДАРОВНА, ассистент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: 1lbakuli@kpfu.ru

ГЛЕБОВА ИРИНА СТАНИСЛАВОВНА, кандидат экономических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, заместитель директора по научной деятельности, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: gle-irina@yandex.ru

ДУДОЧНИКОВ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: dudochnikov@yandex.ru

ЕФЛОВА МАРИЯ ЮРЬЕВНА, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии, директор, директор, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: meflova@gmail.com

ЗАКИРОВ АЯЗ МАРАТОВИЧ, лаборант-исследователь кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: amzakirov@inbox.ru

ИБРАГИМОВА ЗУЛЬФИЯ ЗАЙТУНОВНА, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: uldyz@rambler.ru

КОЛОДЬКО НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, магистрант кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
E-mail: nikita1kolodko@gmail.com

КОНДРАТЬЕВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: kons-kondrat@yandex.ru

КУГУБАЕВА АМАЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА, студент 4 курса бакалавриата, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: amaliyakugubaeva@mail.ru

ЛИПАТОВА АННА ВЯЧЕСЛАВОВНА, кандидат политических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: anna-shab@mail.ru

МАКСИМОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: olga_max@list.ru

МЕЛЬНИКОВА ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА, аспирант 3 курса Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет.

E-mail: melnikovavika2017@yandex.ru

МИНЗАРИПОВ РИЯЗ ГАТАУЛЛОВИЧ, доктор социологических наук, профессор, президент Казанского (Приволжского) федерального университета, заведующий кафедрой общей и этнической

социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: rminzaripov@yandex.ru

НАГМАТУЛЛИНА ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ.

E-mail: nagmlk@yandex.ru

НАПРЕЕНКО ГАЛИНА ВИКТОРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, заведующий лабораторией эффективной речевой коммуникации, Кемеровский государственный университет.

E-mail: galina_napreenko@mail.ru

НИКОЛАЕВА ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА, доктор философских наук, профессор кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: kaisa1011@rambler.ru

ПОРОШЕНКО ОЛЬГА ЮРЬЕВНА, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет.

E-mail: olgaporo@mail.ru

САЙКИНА ГУЗЕЛЬ КАБИРОВНА, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: gusels@rambler.ru

САФОНОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, кандидат философских наук доцент кафедры социальной философии, Институт социально-

философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: chelovek-3000@yandex.ru

СЕРЕБРЯКОВ ФАНИЛЬ ФАГИМОВИЧ, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: fanserebr@yandex.ru

СОЛДАТОВА НАТАЛИЯ ОЛЕГОВНА, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет; доцент кафедры философии, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ.

E-mail: apotre@mail.ru

ТЕРЕЩЕНКО НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: tereshenko_tata@mail.ru

ХАЗИЕВ АКЛИМ ХАТЫПОВИЧ, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: aklim.haziev@yandex.ru

ХУСИЕН ШЕРИФ РАМАДАН МУСТАФА, магистр по направлению Философия, кафедра общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: makansherif@gmail.com

ШАММАЗОВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: shammaszova.ekate@mail.ru

ШАТУНОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: shatunovat@mail.ru

ЩЕЛКУНОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук РТ, заведующий кафедрой общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: Mikhail.schelkunov@kpfu.ru

ЯКОВЛЕВА ЕЛЕНА ЛЮДВИГОВНА, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова.

E-mail: mifoigra@mail.ru

Для заметок

Научное издание

*Цифровая социализация
и цифровая компетентность молодежи
в условиях глобальных системных изменений*

Книга 6

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
АГЕНТЫ, ФАКТОРЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Компьютерная верстка
M.A. Ахметова

Дизайн обложки
M.A. Ахметова

Подписано в печать 28.11.2025.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 14. Заказ 4/11.

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)